

Министерство образования и науки Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Н.А. Добролюбова»

ВЕСТНИК
Нижегородского государственного
лингвистического университета
им. Н.А. Добролюбова

Выпуск 21

Нижний Новгород

2013

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
ФГБОУ ВПО «НГЛУ»*

УДК 81'1:008+82(091)+378.14+1(091)

Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Выпуск 21. – Нижний Новгород: ФГБОУ ВПО «НГЛУ», 2013. – 216 с.

ISSN 2072-3490

Главный редактор

Б.А. Жигалев

Редакционная коллегия:

Е.С. Гриценко (*зам. главного редактора*), Е.В. Плисов (*отв. секретарь*), М.К. Бронич, В.М. Бухаров, М.А. Викулина, М.А. Грачев, Е.Н. Дмитриева, В.Г. Зусман, В.И. Карасик (Волгоград), З.И. Кирнозе, Л.П. Крысин (Москва), Е.В. Курбакова, М.М. Лебедева (Москва), Л.А. Львов, М.И. Никола (Москва), О.Г. Оберемко, Е.Р. Поршнева, М.С. Ретунская, Е.П. Савруцкая, Т.Н. Синеокова, В.В. Сдобников, О.Н. Сенюткина, В.М. Строгеецкий, А.А. Сергунин (Санкт-Петербург), С.В. Устинкин, Э.Д. Фролова (Санкт-Петербург), А.Н. Шамов, Л.Е. Шапошников, Д. Боксэ (США), Д. Марке (Бельгия), Д. Мийе-Жерар (Франция), У. Реннер-Хенке (Германия), М. Руэп (Германия), К. Флидль (Австрия), С. Фрилз (США)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-32158 от 07.06.2008г.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК РФ с 19.02.2010 г.

ISSN 2072-3490

© ФГБОУ ВПО «НГЛУ», 2013

Ministry of Education and Science of the Russian Federation

NIZHNY NOVGOROD LINGUISTICS UNIVERSITY

VESTNIK
of Nizhny Novgorod Linguistics University

Issue 21

Nizhny Novgorod

2013

**Vestnik of Nizhny Novgorod Linguistics University. Issue 21. –
Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Linguistics University, 2013.
– 216 p.**

ISSN 2072-3490

Editor-in-Chief

B. Zhigalev

Editorial Board:

E. Gritsenko (*Deputy Editor-in-Chief*), E. Plisov (*Executive Secretary*),
M. Bronich, V. Bukharov, M. Vikulina, M. Grachev, E. Dmitryeva, V. Zusman,
V. Karasik (Volgograd), Z. Kirnoze, L. Krysin (Moscow), E. Kurbakova,
M. Lebedeva (Moscow), L. Lvov, M. Nikola (Moscow), O. Oberemko,
E. Porshneva, M. Retunskaya, E. Savrutskaya, T. Sineokova, V. Sdobnikov,
O. Senyutkina, V. Strogetsy, A. Sergunin (St-Petersburg), S. Ustinkin,
E. Frolova (St-Petersburg), A. Shamov, L. Shaposhnikov, D. Boxer (USA),
D. Markey (Belgium), D. Millet-Gérard (France), U. Renner-Henke (Germany),
M. Ruep (Germany), K. Fliedl (Austria), S. Freels (USA)

ISSN 2072-3490

© ФГБОУ ВПО «НГЛУ», 2013

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

- А.М. Горохова** (*Нижний Новгород*)
Моделирование национального характера островных народностей (на основе сравнительного анализа паремиологических фондов японского и английского языков) 11
- Е.В. Ильина** (*Тверь*)
Взаимодействие модальности и оценки при распределении смыслов текста 20
- М.Л. Кусова, О.В. Шаркунова** (*Екатеринбург*)
Повторная номинация как референтно-номинативное средство выражения интенции 32
- М.Ю. Родионова** (*Нижний Новгород*)
Способы обозначения степени интенсивности эмоционального состояния персонажа в художественном переводе 42
- Е.В. Шастина** (*Владивосток*)
Термины родства австралийского криола как отражение взаимовлияния картин мира 51

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

- А.И. Глазырина** (*Екатеринбург*)
Перевод базовых англоязычных компьютерных терминов 59
- Е.А. Дженкова** (*Волгоград*)
Перевод безэквивалентной лексики в современной немецкой художественной литературе 69
- Д.И. Остапенко** (*Воронеж*)
Роль и место абзацно-фразового перевода в профессиональной подготовке переводчиков 79

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ КУЛЬТУР

S. Schwerter (*Paris, France*)

„Puschkin ist kein Wodka, sondern ein Dichter“: Deutsch-russische Frauen erobern die Literaturszene 86

Е.А. Ситникова, А.В. Соснин (*Нижний Новгород*)

Мультикультурный Лондон в романе Зейди Смит «Белые зубы» 115

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

G.B. Matthias (*Nizhny Novgorod*)

Toleranz im Umgang mit Fehlern: Zum Einfluss der muttersprachlichen Interferenz beim Erlernen einer Fremdsprache (am Beispiel von russischsprachigen Deutschlernern) 132

Е.П. Глумова (*Нижний Новгород*)

Гуманистическая основа современных процессов межкультурной коммуникации 148

О.В. Гоголева (*Вологда*)

Обучение переводу на основе коммуникативно-функционального подхода 157

Е.Ю. Гурова (*Вологда*)

Основы методики преподавания устного перевода в рамках коммуникативно-функционального подхода 165

М.В. Покалюхина (*Самара*)

Обучение использованию информационно-коммуникационных технологий в процессе перевода 173

Е.В. Пятерикова (*Нижний Новгород*)

Педагогические основания формирования этической компетенции будущего учителя 183

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ, ИСТОРИИ И СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

А.Ж. Закирова (*Нижний Новгород*)

Традиция в условиях глобализации 189

РЕЦЕНЗИИ

В.М. Строгеецкий (*Нижний Новгород*)

Рецензия на книгу: Садохин А.П., Толстикова И.И.
Культурология: Учебное пособие для студентов, обучающихся
по социально-гуманитарным специальностям. М.: ЮНИТИ-
ДАНА, 2011. 295 с. 198

ХРОНИКА

Научные чтения «Французский акцент в мировой
художественной культуре», посвященные юбилею
З.И. Кирнозе (26-27 ноября 2012 года) 207

Слово в пространстве диалога культур: вопросы номинации ... 211

CONTENTS

LANGUAGE AND CULTURE

Anna Gorokhova (<i>Nizhny Novgorod</i>) Modeling the National Character of Island Nations (A Comparative Study of Japanese and British Proverbs)	11
Elena Iljina (<i>Tver</i>) Interaction of Appraisal and Modality in Processing Textual Meanings	20
Margarita Kusova, Olga Sharkunova (<i>Ekaterinburg</i>) Repeated Nomination as a Referential and Nominative Means of Expressing the Author's Intention	32
Mariya Rodionova (<i>Nizhny Novgorod</i>) Representation of Intensity of Characters' Emotional State in Translated Fiction	42
Elena Shastina (<i>Vladivostok</i>) Australian Kriol Kinship Terms as Interaction of Worldviews ...	51

CRITICAL ISSUES IN TRANSLATION THEORY AND PRACTICE

Anna Glazyrina (<i>Ekaterinburg</i>) Translating Basic English Computer Terms	59
Ekaterina Dzhenkova (<i>Volgograd</i>) Translating Words with No Direct Equivalent in Other Languages in Modern German Literature	69
Darya Ostapenko (<i>Voronezh</i>) Consecutive Interpretation of Whole Phrases and Paragraphs in Professional Interpreter Training	79

CROSS-CULTURAL ASPECTS OF LITERARY DISCOURSE

- Stephanie Schwerter** (*Paris, France*)
“Pushkin Is Not a Vodka, But a Poet”: Russian Immigrant Women Writers Gain Popularity in Germany’s Literary Community 86
- Elena Sitnikova, Alexey Sosnin** (*Nizhny Novgorod*)
Multicultural London in the Novel “White Teeth” by Zadie Smith 117

CROSS CULTURAL COMMUNICATION AND FOREIGN LANGUAGE TEACHING. TOPICAL ISSUES IN EDUCATION

- Georgia Bettina Matthias** (*Nizhny Novgorod*)
Tolerance in Dealing With Mistakes: The Influence of Mother Tongue Interference in Learning a Foreign Language (Russian Speakers Learning German) 132
- Elena Glumova** (*Nizhny Novgorod*)
Humanistic Foundations of Contemporary Intercultural Communication Processes 146
- Olga Gogoleva** (*Vologda*)
Teaching Translation: The Communicative / Functional Approach 155
- Ekaterina Gurova** (*Vologda*)
Basic Methods of Teaching Interpretation in the Context of the Communicative / Functional Approach to Translation 163
- Maria Pokaliukhina** (*Samara*)
Information Technologies in Teaching Translation 171
- Elena Pyaterikova** (*Nizhny Novgorod*)
Pedagogical Foundations for Ethical Competence of Future Teachers 181

CURRENT ISSUES IN PHILOSOPHY, HISTORY AND SOCIAL COMMUNICATION

Adeliya Zakirova (*Nizhny Novgorod*)

Tradition in Globalization 189

REVIEWS

Vladimir Strogetsy (*Nizhny Novgorod*)

Book review: Садохин А.П., Толстикова И.И. Культурология: Учебное пособие для студентов, обучающихся по социально-гуманитарным специальностям. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2011. 295 с. 198

CHRONICLE

The French Language and Its Influence in the World Literature, Arts and Culture: the Academic Conference (26-27 November 2012) in honor of Dr. Zoya I. Kirnoze's 80th anniversary 207

The Word in the Context of Intercultural Dialog: Issues of Nomination 211

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

УДК 811.111:811.521

МОДЕЛИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА ОСТРОВНЫХ НАРОДНОСТЕЙ (на основе сравнительного анализа паремиологических фондов японского и английского языков)

А.М. Горохова

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

Статья посвящена компаративному анализу английских и японских паремий с целью выявления сходных компонентов этноспецифических концептуальных матриц национального характера, сформировавшихся под воздействием геополитических факторов.

Ключевые слова: национальный характер, островная народность, концептуальная матрица, сравнительный анализ, паремиологический фонд.

Modeling the National Character of Island Nations (A Comparative Study of Japanese and British Proverbs)

Anna Gorokhova

The article provides a comparative study of two island nations, the British and the Japanese, defining correlations between their ethnically-based conceptual paradigms, shaped under the influence of geopolitical factors and represented by the proverbs of both languages.

Key words: national identity, island nation, conceptual matrix, comparative study, paremiological units, proverbs.

Будучи репрезентантом междисциплинарной области познания, феномен глобализации является корреляционной доминантой, связующей смежные и контрастирующие сферы и образующей конфликтную дихотомию с национальной идентичностью [1]. Целью исследования, представленного в данной статье, является сопоставление первичных матриц национального характера островных этносов на основе анализа паремиологического фонда японской и британской народностей с учетом геополитического фактора. Материал исследования был получен путем сплошной выборки из фразеологических словарей (A Dictionary of Japanese Proverbs, The Penguin Dictionary of Proverbs, The Oxford Dictionary of

Proverbs и др.). Общий объем выборки составил 200 единиц. Критерием отбора послужило соответствие пословично-поговорочных речений традиционно выделяемым компонентам национальной идентичности островных народов [2; 3; 4]. Исследование проводилось на основе применения методов семантического анализа, идеографической параметризации и ментального картирования (mind mapping) [5; 6].

В XVIII-XIX вв. – одновременно с появлением национальных сообществ – формируется школа национальной психологии (Кант, Юм, Фихте, Гельвеций, Гегель, Вундт, Штейнталь, Лебон), которая базируется на триаде *национальный характер, национальное сознание и национальные чувства* и выделяет *национальный дух* в качестве ядерного компонента. Термин ‘национальный характер’ опирается на историко-философское наследие прошлого и восходит к толкованию характера как такового, который направлен на типологизацию психических субъектов, а именно: выделение психических образований, присутствующих у всех субъектов, но позволяющих разделить их по содержательным компонентам. [7. С. 17].

Представляется перспективной интерпретация термина «национальный характер» с точки зрения компонентного состава, динамико-статической составляющей и предпосылок формирования.

Эволюция национального характера может быть представлена в форме следующей трехступенчатой иерархии: 1. *Индивидуальный характер* (сопряжение личного опыта с общественной, культурной и исторической составляющей окружающей действительности). 2. *Социокультурный характер* (самоопределение в рамках группы или сообщества – трансляция нравов, отношений, моделирование вариантов поведения, принимаемого за образец [8]). 3. *Национальный характер* (совокупность элементов организации окружающего мира, устанавливающего фундаментальные образцы поведения). Следовательно, идентичность реализуется на четырех ключевых подуровнях – персональном, субнациональном, национальном и супранациональном [9. Р. 24-47].

Становление национального характера – результат воздействия многоуровневой матрицы предпосылок. А) *Исторические* - эволюционная ретроспектива, формы государственного устройства, статус на внутри- и внешнеполитической арене, интернациональные контакты, вооруженные конфликты и т.д. (P. Brown, S.C. Levinson,

А. Inkeles, D.J. Levinson). В) *Экономические* – экономическая политика государства, благосостояние населения, материальный резерв. С) *Религиозные* – божественное, сверхъестественное как источник народного духа и национальной дистрибуции (И. Фихте). D) *Этнопсихологические* – этнический состав государства в синхронической и диахронической проекциях (А. Inkeles, D.J. Levinson, В.Г. Зусман, В.Г. Зинченко, З.И. Кирнозе). Е) *Геополитические* – местоположение, специфика климата, ландшафт местности, плотность населения, природные ресурсы и т.д. (Ш.Л. Монтескье, Ю.П. Платонов, Д. Юм).

Исторически люди заселяли те или иные области Земного шара, адаптируясь к природным условиям, вырабатывая конвенциональные поведенческие модели. Анализ самобытности островных этносов сквозь призму их географической изоляции, удаленности от материка, экономии природных богатств и прочего регламентирует рационалистичность канонов и уникальность онтологий, способствует фрагментации социального самосознания на комплексные идентификационные черты, о высокой степени однородности которых можно судить на основе описания конститутивных признаков японского и британского национальных характеров, выделяемых в научной литературе.

1. Традиционализм. Великобритания характеризуется рядом константных, исторически инвариантных культурных кодов: красные телефонные будки и почтовые ящики, такси, двухэтажные автобусы, выходной день в первый понедельник августа, пинта (единица объёма в системе английских мер; 1 английская пинта = 0,56826125 литра), сапоги-веллингтоны, стадион Уэмбли и др. Вне преемственности традиций прошлого и опоры на «тест истории» укоренение государства в реалиях современности не представляется возможным [З. Р. 292-293]. Аналогичными представляются японские обычаи и постоянство. Японская национальная идентичность не претерпела существенных изменений с VII века [10], вследствие чего глобализационная дезинтеграция способствует скорее консолидации государственности в форме сохранения и приумножения институтов традиционализма: классический театр, икебана, чайная церемония, поэзия хокку, кимоно, любование цветами сакуры, новогодний ритуал с ветвями сосны, сливы и бамбука, консервативность системы семейных ценностей. К паремиям, иллюстрирующим приверженность

традиционализму относятся *Those who do not learn from history are doomed to repeat it* (Кто не усваивает уроки истории, повторит ошибки); *Custom is the plague of wise men and the idol of fools* (Обычай есть наказание для умных и предмет поклонения для глупцов). Ср.: 昔取った杵柄 (*mukashi totta kinezuka*) – навыки, полученные в прошлом, сохраняются (ценность прошлого опыта). 前人の植えた樹 (*zennin no ueta ki*) – процветаем на тяготах предшественников.

II. Этноцентризм, одомашенность. Англичане и японцы стремятся сохранить общенациональный концептуальный микрокосм: обеим народностям свойственны ксенофобия (неприятие культурного инакомыслия), неприкосновенность личного пространства в индивидуальном – национальном – супранациональном масштабе [4], дихотомия ‘мы – они’, акцентуация уникальности собственной культурной миссии. Иллюстративные паремии: *Every bird likes its own nest* – всякая птица свое гнездо любит. *Every dog is a lion at home* – дома всякий пес чувствует себя львом. *Every miller draws water to his own mill* – всякий мельник на свою мельницу воду отводит (каждый заботится о своем благе). Ср.: 住めば都 [*sumeba miyako*] – где живешь, там и столица. 家ほどいい所ない – не отыскать места лучше дома. 良い仲に垣をせよ [*yoi naka ni kaki o seyo*] – выстроить стену (забор) между близкими друзьями (следует соблюдать дистанцию даже при дружественных отношениях) – «отграниченность», защита своей «территории».

III. Упорядоченность. Британская картина мира манифестирует разветвленную систему классовых предрассудков, категоризацию социального слоя, феномен ‘честной игры’ (*fair play*), потребность в конкретных директивах, регламентациях индивидуального и группового толка [2]. Японцы отличаются дисциплинированностью межличностного взаимодействия, культом уважения к вышестоящему рангу, точным исполнением профессиональных функций, принципами конформизма, патернализма, тенденцией к кооперации в коммуны (共同 – ячейки-сообщества). Иллюстративные паремии: *Классовость, унификация: Birds of a feather flock together* – птицы одного оперения держатся вместе. | *A thief knows a thief as a wolf knows a wolf* – как вор вора знает, так и волк с волком водится. Ср.:

類は友を呼ぶ [rui ha tomowo yobu] – люди со схожими взглядами объединяются. *Трудолюбие, усердие*: Diligence is the mother of success/good luck – терпение – источник успеха/удачи. All things are difficult before they are easy – сперва все кажется сложным. Ср.: 芸が身を助ける [gei ga mi wo tasukeru] – навыки в помощь. 案ずるより生むが易し [anzuru yori umu ga yasushi] – проще сделать, чем думать о работе (букв.: проще родить ребенка, чем волноваться о родах). *Честная игра* Honesty is the best policy – честность – лучшая политика ~ 正直は最上の政策 [shoujiki wa saijou no seisaku].

IV. Открытость, любознательность, эксцентричность. Амбивалентность английского национального характера, предполагающая традиционализм, с одной стороны, и пренебрежение классическими нормами и устоями [2], с другой, коррелирует с открытостью, но стабильностью японской системы ценностных конструктов, ассимиляцией инновационных векторов культурной реформации, их адаптации к текущим социокультурным реалиям. Иллюстративные паремии: Variety is the spice of life – перемены придают остроту жизни. Nothing ventured, nothing gained – коли не отважился на риск, не получил желаемого. Grasp all, lose all – хватай все, теряй все. Ср.: 虎穴に入らずんば虎子を得ず [koketsu ni hairazunba koji o ezu] – не войдя в пещеру к тигру, не заполучить тигренка (чтобы достичь чего-либо, необходим риск). 用心に空きはない [youjin ni aki wa nai] – человек не может быть слишком осторожным (присутствие элемента спонтанности).

V. Прагматизм. Обе нации характеризует конкретность мышления, логичность, восприятие окружающей среды сквозь призму субъективно-чувственного опыта, здравого смысла и практичности (прагматичности). Иллюстративные паремии: Circumstances alter cases – обстоятельства меняют факты, все зависит от обстоятельств. Use soft words and hard arguments – убеждайте мягкостью слов, но твердостью аргументов. All are not merry that dance lightly – не всяк весел, кто резво пляшет. Ср.: 仕事は道具にあり [shigoto wa dougu ni ari] – качество работы зависит от инструментов. 一方聞いてげじをたたず [ippou kiite geji o tatazu] –

не отдавай приказаний, прислушавшись лишь к одной стороне, – получи совет от каждой. 腐れ縄も役に立つ [kusarenawa mo yaku ni tatsu] – все на свете по-своему полезно (даже порванный канат имеет свою ценность).

VI. Хорошие манеры. Человек не должен подчиняться ничему, кроме доброты и учтивости (японская народная мудрость). Народам Великобритании и Японии свойственны также следующие характеристики: демонстрация уважительного отношения к собеседнику, частотные извинительные формулы [‘excuse me/sorry’ | 御免なさい ‘gomennasai’], вежливость, наличие специфических контекстуально обусловленных фразовых единств, направленных на достижение успешной коммуникации (‘ice-breakers’), вежливость (кооперативность) в общении и ориентация на партнера. Следует подчеркнуть, что японцы и англичане нередко псевдоискренни в своей доброжелательности, что отличает культуры ‘негативной вежливости’ [11], нацеленные на политику нейтралитета, неконфликтности и отказа от вторжения в личную среду. Доказательством тому служит невербальная коммуникация с ее комплексной системой мимики, жестикуляции и прочих ситуативно ориентированных сигналов (например, японское внешнее (建前 [tatamae] – официальное – то, что японец говорит и делает в соответствии с ситуацией или политикой той группы/фирмы, к которой он принадлежит) и внутреннее (本音 [honne] – семейное) лицо; типология улыбок – печальная, самоуверенная, профессиональная, социальная, мистическая и т.д.). Иллюстративные паремии: All doors open to courtesy – все двери открываются перед вежливостью. Handsome is that handsome does – человека красят дела. Bird may be known by its song – видно птицу по полету. Ср.: 人の振り見て我が振りなおせ [hito no furimite wagafuri naose] – вместо того чтобы обвинять других в дурном поведении, учись на их ошибках и веди себя как подобает. 仇は恩で奉ぜよ [ada wa on de bouzo] – за зло плати добром, врагу оказывай услугу. 氏より育ち [uji yori sodachi] – воспитание важнее рождения.

VII. Умеренность (краеугольный элемент системы ценностей обоих народов) накладывает запрет на излишнюю словоохотливость, чрезмерную экспрессию, замещает их самоограничением. Умеренность проявляется в английской диалектике самостоятельного преодоления трудностей [3], смирении, «сохранении лица»; и в японской философии воздержания: 1) примирение со сложившейся ситуацией вне зависимости от ее положительных/отрицательных проявлений, 2) соблюдение правил, 3) культивация сдержанности и минимизация развлечений 4) принятие вины. Общим народностям свойственен фатализм. Иллюстративные паремии: Closed mouth catches no flies – в закрытый рот муха не влетит ~ No wisdom like silence – молчание – лучшая мудрость; Enough is as good as a feast – хорошего понемножку; Better a little fire to warm us, than a great one to burn us (самоограничение, пуританизм) – лучше небольшой огонек, который согреет, чем пламя, что спалит. Ср.: 風の中で育った木は根が強い [Kaze no naka de sodatta ki ha ne ga tsuyoi] – корень дерева, взошедшего при ветре, сильнее (бедствия закаляют характер). 猫を被る [neko wo kaburu] – носить маску кота, не показывать свои истинные эмоции. 言わぬが花 [iwanu ga hana] – молчание есть цветок. 起死回生 [kishi kaisei] – восстаньте и вернитесь к жизни (борьба с трудностями).

В английской и японской картинах мира усматривается также однородность коннотаций лексемы ‘insularity’ (япон. 島国根性 [shimagunikonzyou] – insularism): 1) островное положение, 2) смирение, сдержанность, 3) изоляция (персональное пространство) | 門前の小僧習わぬ経を読む。 [Mon zen no kozō narawanu kyō wo yomu] – окружающая среда формирует характер/навык (японское речение). Это делает компонент ‘restraint/moderation’ ядерным формантом обеих концептосфер.

Ученые-антропологи утверждают, что существенным фактором, способствующим построению сходных концептуальных матриц, является островное географическое положение (ограниченный по площади, густо заселенный остров) [2. P.156], катализирующее закрытость, настороженность, нарочитую концентрацию на поведенческих маркерах и границах. Анализ английских и японских

паремий с последующим выявлением перекрестных концептов фокус-культур в целом подтверждает релятивную геодетерминированность компонентов национального характера.

Библиографический список

1. Castells M. *The Power of Identity*. Malden, MA: Blackwell, 1997.
2. Fox K. *Watching the English: The Hidden Rules of English Behaviour*. Hodder, 2004.
3. Hewitt K. *Understanding Britain Today*. Oxford: Perspective Publications Ltd., 2009.
4. Miall A., Milsted D. *The xenophobe's guide to the English*. Updated and revised. London: Oval books, 2002.
5. Мокиенко В.М. О тематико-идеографической классификации фразеологизмов // *Словари и лингвострановедение*. М.: Русский язык, 1982. С. 108-121.
6. Buzan T., Buzan B. *The Mind Map Book: How to Use Radiant Thinking to Maximize Your Brain's Untapped Potential*. London: BBC Books, 1993.
7. Лазурский А.Ф. *Очерк науки о характерах*. М., 1995.
8. Peabody D. *National Characteristics*. New York: Cambridge University Press, 1985.
9. Bornman E. *Struggles of identity in the age of globalization // Communicatio*, 29(1&2): 24-47. 2003.
10. Inoguchi T. *National Identity and Adapting to Integration: Nationalism and Globalization in Japan // Nationalism and Globalization: East and West* (edited by Attitudes in Japan: Trends and Cross-National Leo Suryadinata). Singapore: Institute of South-east Asian Studies, 2000. P. 216-233.
11. Brown P., Levinson S.C. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

Словари

1. De Lange W., Suzuki K. *A Dictionary of Japanese Proverbs*. Warren CT: Floating World Editions, 2009.
2. Fergusson R. *The Penguin Dictionary of Proverbs*. London: A. Lane, 1983.
3. Manser M.H. *The Facts on File Dictionary of Proverbs*. 2nd revised edition. New York: Checkmark books, 2007.

4. Speake J. The Oxford Dictionary of Proverbs. New York: Oxford University Press, 2008.

5. Japanese Proverbs // Электронный ресурс Интернет:
http://www.languagerealm.com/japanese/japaneseproverbs_ko.php.

Сведения об авторе

Горохова Анна Михайловна
аспирант кафедры английской филологии
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: gorokhova@lunn.ru

УДК 811.161'42:161.26

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МОДАЛЬНОСТИ И ОЦЕНКИ ПРИ РАСПРЕДЕМЧИВАНИИ СМЫСЛОВ ТЕКСТА

Е.В. Ильина

Тверской государственный университет, Тверь

Оценка входит в понятийный комплекс модальности как поля языкового сознания и текстовой категории. Взаимодействие оценочных компонентов, присоединяемых к опредмечиваемым узловым смыслам-модализациям и подчиненным смыслам в составе модальной партитуры, представляет собой средство обеспечения содержательной и смысловой связности текста.

Ключевые слова: оценочный оператор, смысл-модализация, модальная партитура, модальное значение.

Interaction of Appraisal and Modality in Processing Textual Meanings

Elena Iljina

Appraisal is incorporated into the conceptual framework of modality as a language-bound thought domain and as a text category. Interaction of appraisal elements, attached to nodal modalizing meanings and subordinate meanings in the modal framework of a text, facilitates content and meaning coherence.

Key words: appraisal operator, modalizing meaning, modal score, modal meaning.

Вхождение оценки в понятийное поле модальности может считаться спорным вопросом в рамках проблемы определения статуса и сущностных оснований данного конструкта в языке и речи. Согласно А.В. Бондарко, выражение собственной оценки событий не является непосредственно связанным с семантикой модальности, так как данная процедура соотносится с общим семантико-прагматическим способом выражения человеческой субъективности в речи [1. С. 83]. Относительно любого отрезка информации, любого речевого хода собеседника в сознании формируется определенное отношение к описываемым связям, признакам, свойствам, поступкам, ситуации в целом. Даже нейтральное отношение является в некотором роде оценкой. При этом важно подчеркнуть связь термина «отношение» с определением сути и оценки, и модальности. Так, широко известно определение модальности в связи с её разделением на три понятийных блока: отношение высказывания к действительности, отношение говорящего к содержанию высказывания, и отношение субъекта к предцизируемому ему

предикативному признаку [2. С. 142]. Подобным образом, в типологии В.А. Плуногяна семантика отношения говорящего к ситуации используется параллельно с синонимичным ему понятием оценки. Модальность, основным понятийным содержанием которой в лингвистике признается то самое отношение, разделяется на две понятийные области: ирреальную модальность и оценочную модальность [3. С. 423].

Н.В. Рафикова связывает процесс оценки с формированием чувства из ряда правильность / неправильность, приятность / неприятность, новизна / знакомость по отношению к репрезентации сложного стимула (ключа, управляющего процессом поиска в памяти и интерпретации информации, необходимой для освоения новой ситуации) [4. С. 20]. Данное осмысление роли оценки применимо при описании механизмов формирования связного текста с позиций филологической герменевтики, поскольку на первый план выходит участие оценки в координировании процесса направления рефлексии на те или иные топоры опыта в процессе понимания текста. Указанная процедура, по нашему мнению, детерминируется модальностью. Подразумевается, что ход распределения смыслов текста управляется закладываемой в текст модальной партитурой, в узлах которой находятся смыслы-модализации. Такие смыслы выступают как смыслы-способы преломления реальности в тексте и направляют распределение подчиненных им частных смыслов в каждом кластере модальной партитуры. Под воздействием смысла-модализации подчиненные смыслы кластера «модально окрашиваются», в них выделяются активные грани, вступающие во взаимодействие друг с другом [5; 6]. При этом смыслы-модализации, выполняя, таким образом, служебную функцию в ходе нисходящей категоризации [7. С. 43] переходят в модальные значения [8. С. 72]. Эти значения объединяются в блоки: необходимости / возможности, способности / умения, волеизъявления / долженствования, веры / знания [6. С. 106]. Связи между модальными значениями, также восстанавливаемые на данном этапе, в совокупности с самими этими значениями, составляют модальное устройство сознания, представляющее собой понятийное основание модальности как поля языкового сознания. Оценка входит в описанное устройство в качестве модального оператора, дополнительно связывающего компоненты системы модальных значений. При этом задействуемый

при распределении всех смыслов текста опыт размещается на шкале «объективность – объективность / субъективность – интерсубъективность – субъективность». Данная шкала представляет собой описание соотношения объективности и субъективности в языке и тексте через переходные элементы: объективности / субъективности, где два полюса оказываются тесно связанными, но все еще дискретными; и интерсубъективности, где полюсы, взаимодействуя, сливаются, образуя качественно новое единство. При этом личный опыт всегда рассматривается как преобразованный опытом чужим [9. С. 19; 10]. Представляется, что тип оценки может связываться с одним из представленных факторных блоков. Такое соотношение определено в следующей таблице:

<i>Тип оценки</i>	<i>Факторный блок шкалы</i>
Прагматическая и телеологическая оценки	объективность
Оценка интенсивности признака	объективность / субъективность
Аксиологическая оценка	интерсубъективность
Этическая и эстетическая оценки	интерсубъективность
Эпистемическая оценка	субъективность
Эмоциональная оценка как преобразование оценок всех других типов	субъективность

Представленная классификация типов оценки, в целом, включает основные вариации лингвистической типологии оценки. Подробнее об этом см.: [3; 11].

На уровне текста взаимодействие различных типов оценок становится чрезвычайно важным. Так, авторская оценка может расщепляться и представляться в виде целой сети оценок (через призму сознаний разных персонажей) [12. С. 24]. В контексте настоящего исследования будет рассматриваться взаимодействие оценки с различными модальными значениями, что, как предполагается, определяет тип выражаемой оценки. Н.Д. Арутюнова отмечала, что «оценка, порожденная желанием, отлична и от оценки, вытекающей из долга, и от оценки, вызванной нуждой» [13. С. 6]. Взаимодействие оценок разных типов дополнительно связывает не только формальный, но и содержательно-смысловой план текста.

Для иллюстрации данного положения далее приводятся текстовые отрывки, иллюстрирующие указанные закономерности. Первый отрывок взят из повести Л.Н. Толстого «Казачья жизнь»:

– *Что стрелил? – спросил старик.*

Звучный голос старика, раздавшийся в лесу и вниз по реке, вдруг уничтожил ночную тишину и таинственность, окружающую казака. Как будто вдруг светлей и видней стало.

– *Ты вот ничего не видал, дядя, а я убил зверя, – сказал Лукашка, спуская курок и вставая неестественно спокойно.*

Старик, уже не спуская глаз, смотрел на ясно теперь белевщую спину, около которой рябил Терек.

– *С карчой на спине плыл. Я его высмотрел, да как... Глянь-ко сюда! Во! В портках синих, ружье никак... Видишь, что ль? – говорил Лука.*

– *Чего не видать! – с сердцем сказал старик, и что-то серьезное и строгое выразилось в лице старика. – Джигита убил, – сказал он как будто с сожалением.*

Выделенные слова указывают на противопоставление оценок одного и того же события персонажами. Лука, убивший вражеского лазутчика, считает, что чеченец – животное, а он, казак – человек. Убить чеченца хорошо. Другие казаки – того же мнения (Ср. далее: *Вот так сазан попался! – сказал один из собравшихся кружком казаков.*). Этим оценкам противопоставляется мнение Дяди Ерошки, для которого чеченец – не зверь, а человек, такой же как сами казаки. Авторская оценка вводится имплицитно – через точку зрения старого Ерошки – и эксплицитно – через образ «тихого ангела» (см. далее).

Интересна также динамика оценки, так как далее указывается, что Лука и другие казаки не так уверены, что чеченец – зверь, а не человек. Ср.: *То-то ловкой должно, вперед всех выискался. Самый, видно, джигит! – насмешливо сказал Лукашка.* Повтор слова «джигит» выражает согласие с Дядей Ерошкой (уже чеченец – человек). Однако далее устойчивость исходной оценки возрастает:

– *Тоже человек был! – проговорил он, видимо любуясь мертвецом.*

– *Да, попался бы ему, спуска бы не дал, – отозвался один из казаков.*

Тихий ангел отлетел. Казаки зашевелились, заговорили.

Понимая, что чеченец, действительно, тоже человек, казаки также знают, что для них он враг, и воспринимать его смерть нужно радостно, как богатую добычу на охоте. Таково упрощенное описание взаимодействия оценок в данном текстовом отрывке. Рассмотрим преломление указанных процессов при учете принципов кластерной организации модальной партитуры рапредмечивания смыслов текста.

В данном случае взаимодействуют два кластера модальной партитуры. Ядерный смысл-модализация первого из них может быть представлен как «необходимость сожаления о бесцельной человеческой смерти». Данный смысл включает в себя компонент оценочности, поскольку вся смысловая ткань данного кластера обеспечивает формирование вывода о том, что такая смерть человека не может считаться чем-то положительным. Указанный смысл объединяет другие смыслы, опредмеченные в различных средствах текстопостроения. Так, смысл «неравенство человеческой и животной смерти» опредмечивается в противопоставлении метафорического именованя убитого чеченца (*зверь, сазан*) и высокооценочной в данном контексте лексемы *джигит*. При воздействии смысла-модализации на данный смысл определяется сам способ его опредмечивания, поскольку в указанном противопоставлении выраженными оказываются разнополярные оценки (в антитезных именованя человека и животных). Другим смыслом, взаимодействующим с ядерным модальным смыслом, является: смысл «отсутствие благородства в убийстве», опредмеченный в противопоставлении возбужденного многословного рассказа молодого Луки о своем «подвиге» и короткой, пренебрежительной реакции старого казака. Ср. также оборванные, незаконченные предложения в реплике Луки и законченность восклицательного ответа «дяди». Сюда также следует отнести смысл «неоправданность убийства человека», объединяющийся со смыслом «неучастия Бога в том, что один человек убивает другого». Указанные смыслы объединяются за счет одновременности рефлексивного действованя в рамках второго кластера модальной партитуры.

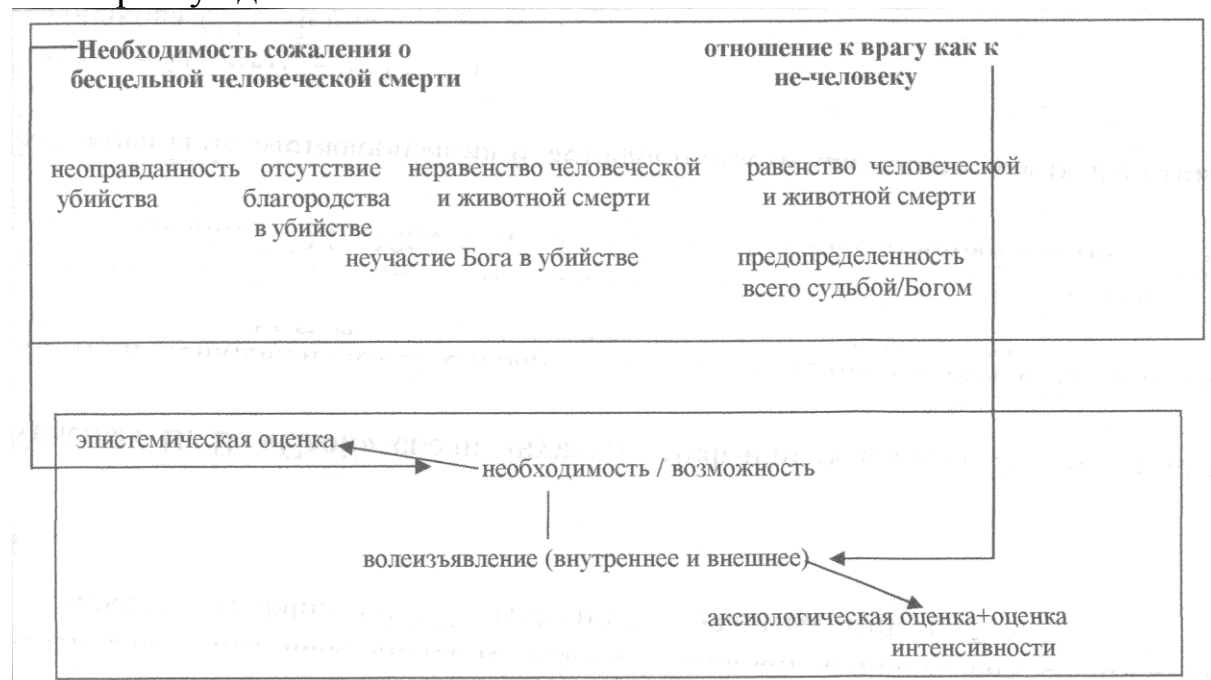
Смыслом-модализацией второго модального кластера будем считать репрезентацию «отношение к врагу как к не-человеку». Указанный смысл отвечает не только за объединение пассивно-модальных смыслов данного кластера, но и за презентацию взаимодействия оценок. Этот кластер содержательно поддерживается

тем, как оформлены реплики Луки и других казаков в их противопоставлении точке зрения дяди Ерошки. При оформлении речи казаков автор часто использует сослагательное наклонение и модальные слова, которые вкуче выражают нефактивность, приблизительность: *То-то ловкой, должно...; Самый, видно, джигит!* (Лука); *Они небось все на той стороне. Кабы не передовой был, так не так бы плыл. Одному зачем плыть?; – Да, попался бы ему, спуска бы не дал* (казаки). Выражение вероятности, предположительности обеспечивает преобразование выражаемой оценки («убить чеченца – хорошо» в «нет ничего хорошего в смерти человека»). Подготовка указанного развития идет за счет опредмечивания еще одного смысла второго кластера – смысла «подчиненности судьбе / Богу». Данный смысл противопоставлен смыслу «неучастия Бога в убийстве» из первого кластера. Определенное обоим смыслам также связано. Происходит метафорический перенос значения предметного «видения» и духовного «усмотрения». Так, идет противопоставление значений видения/невидения в предметно-логическом плане в следующих репликах и сопутствующих описаниях казаков и дяди Ерошки. Ср.: *«ничего не видал... Видишь, что ль? Ничего невидавши»* и *«видней, ясней; смотрел на ясно теперь белевщую...; Чего не видать!»* (= и так все ясно). Таким образом, казакам неясно, какого участие Бога и судьбы в смерти чеченца, а старому Ерошке все понятно. Поскольку «точка зрения» (по Б.А. Успенскому) автора на некоторое время соединяется с видением ситуации у старого казака, его лицо приобретает «серьезное и строгое» выражение как, предположительно, у самого Бога. Взаимодействие двух указанных смыслов из разных кластеров обеспечивает растягивание смысла «неоправданность убийства человека» из первого кластера.

Необходимо также упомянуть еще один смысл второго кластера – смысл «равенства человеческой и животной смерти», который оказывается онтологически связанным с соответствующим подчиненным смыслом из первого смыслового блока («неравенство человеческой и животной смерти»). Их опредмечивание происходит на основе рассмотренного выше антитезного противопоставления именованных (зверь – человек).

На уровне категоризируемых модальных значений можно выделить значения необходимости / возможности, эксплицитно представленные в средствах выражения эпистемической модальности,

а также последовательно заложенные в значения большинства взаимодействующих средств текстопостроения. Эти значения связаны с выражаемой оценкой, определяя её эпистемическую квалификацию. Также категоризируются значения внутреннего и внешнего волеизъявления, поскольку и автор, и герои пытаются узнать, какова на самом деле воля Бога, и стремятся интегрировать в эту внешнюю волю свои внутренние устремления. Взаимодействующей со значением волеизъявления оказывается аксиологическая оценка (в её дополнительной модификации оценкой интенсивности). Актуализируется также свойство интерсубъективности аксиологической оценки. Динамика модального устройства (взаимодействие между значениями необходимости / возможности и волеизъявления) восстанавливается благодаря участию оценочного оператора. Следующий далее рисунок-схема обобщает приведенные выше рассуждения:

Следующий отрывок взят из повести А.П. Чехова «Черный монах»:

– Тебе, кажется, пора уже молоко пить, – сказала Таня мужу.
 – Нет, не пора... – ответил он, садясь на самую нижнюю ступень. – Пей сама. Я не хочу.

Таня тревожно переглянулась с отцом и сказала виноватым голосом:

– Ты сам замечаешь, что молоко тебе полезно.

– Да, очень полезно! – усмехнулся Коврин. – Поздравляю вас: после пятницы во мне прибавился еще один фунт весу. – Он крепко сжал руками голову и проговорил с тоской:

– Зачем, зачем вы меня лечили? Бромистые препараты, праздность, теплые ванны, надзор, малодушный страх за каждый глоток, за каждый шаг – всё это в конце концов доведет меня до идиотизма. Я сходил с ума, у меня была мания величия, но зато я был весел, бодр и даже счастлив, я был интересен и оригинален. Теперь я стал рассудительнее и солиднее, но зато я такой, как все: я – посредственность, мне скучно жить... О, как вы жестоко поступили со мной! Я видел галлюцинации, но кому это мешало? Я спрашиваю: кому это мешало?

– Бог знает, что ты говоришь! – вздохнул Егор Семеныч. – Даже слушать скучно.

В этом коротком отрывке переплетаются сразу четыре типа оценки: аксиологическая («молоко», лечение хорошо для Коврина); прагматическая (лечение не должно было применяться к ученому, оно разрушило его гениальность); этическая оценка (лечение вернуло Коврина в рамки физической и эмоциональной нормы); эмоциональная оценка (выражение отчаяния, беспомощности перед ужасными для героя последствиями лечения).

При исследовании модальной организации смыслового плана, основы для разворачивания указанного оценочного комплекса, оказалось, что взаимодействие между смыслами происходит по иной схеме: смысл-модализация находится не в середине, узле блока смыслов модального кластера, а располагается как конечный вывод-тезис, с которым непосредственно связанным оказывается лишь один из смыслов блока. Смыслы же могут быть выстроены в виде цепочечной структуры. Объяснений данной модификации структурной организации смыслового плана может быть несколько. Во-первых, налицо аргументативная организация соответствующего содержательного блока: Коврин эмоционально обосновывает в своем коротком монологе, неполезность собственного лечения, опровергая тем самым тезис в высказывании своей жены о его полезности. Из этого следует, что оценка (аксиологическая) оказывается принадлежащей не только плану смыслов, но и плану содержания, поскольку и тезис и антитезис представляются оценочными суждениями: лечение было для Коврина полезно / неполезно =

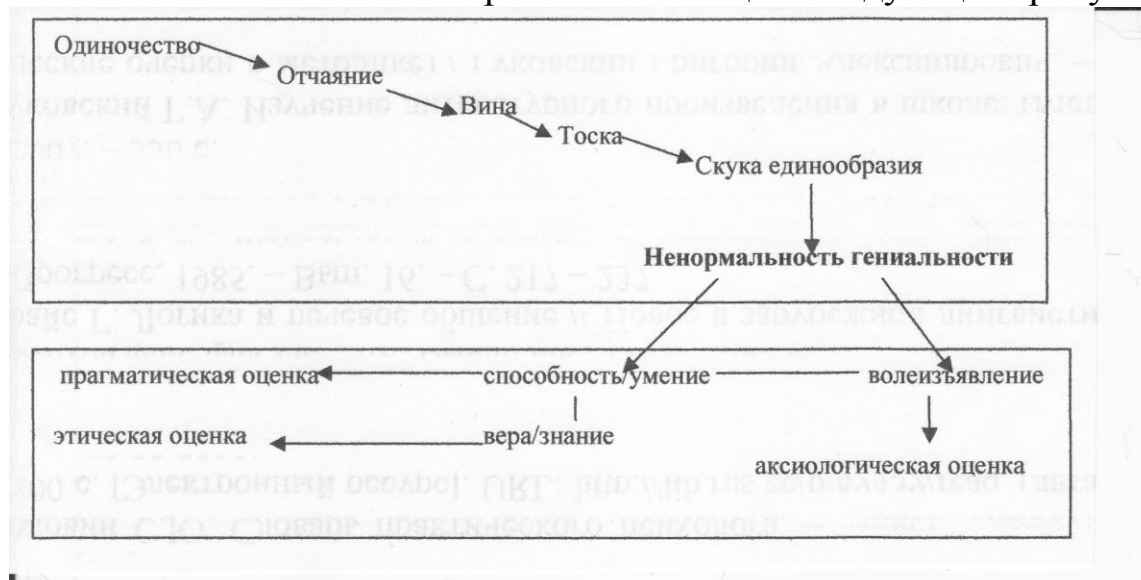
хорошо / плохо. Другим объяснением может быть то, что данный отрывок взят из предпоследней главы повести, следовательно, смыслы, растягиваемые и наращиваемые на протяжении всего текста уже готовы преобразоваться в метасмыслы и перейти на более высокий уровень смысловой организации. Соответственно смыслы выступают как более независимые, самодостаточные смыслы, «почти-идеи». Представляется, что правомерными являются оба объяснения.

Перейдем к изложению особенностей организации рассматриваемого смыслового кластера в его связи с опредмечивающими смыслы средствами текстопостроения. В качестве конечного («не-узлового») смысла-модализации можно представить следующую репрезентацию – «ненормальность гениальности». Опредмечивающим этот смысл средством является противопоставление двух рядов перечислений, в каждом из которых реализуется риторический прием нарастания. Ср.: с одной стороны *«Бромистые препараты, праздность, теплые ванны, ...»*, с другой – *«я был весел, бодр и даже счастлив, ...»*. Смыслом, который непосредственно связан со смыслом-модализацией является смысл «скуки единообразия». Полюсом противоположным гениальности будет норма, которая скучна как для Коврина, так и для его близких (*мне скучно жить...; Даже слушать скучно*). Средством, опредмечивающим указанный смысл является противопоставления временных планов «тогда» – «теперь»: *«Я сходил с ума, у меня была мания величия, но зато я был весел, бодр...»* – *«Теперь я стал рассудительнее и солиднее, но зато я такой, как все...»*. Одновременно к этому смыслу присоединяется оценка, поскольку план «тогда» оценивается как «хорошо», а план «сейчас» как «плохо». Остальные смыслы оказываются последовательно связаны с указанным смыслом «скуки единообразия». Ими являются смыслы «тоски» (от скуки образуется тоска), «вины» (тоска является также следствием осознания своей и чужой вины), «отчаяния» (вина не оставляет надежды на примирение), «одинокости» (разделенные виной и отчаянием герои одиноки). Смысл «вины» опредмечивается содержательно: указанием на то, что Коврин винит своих родственников в том, что он больше не гениален; а также с помощью языковых средств выражения эпистемической модальности: в реплике *«Тебе, кажется, пора уже молоко пить»* модальное слово «кажется» указывает на эпистемическую дистанцию, вежливое

смягчение. Смысл «одинокости» опредмечивается в использовании антитезного повтора эмфатического *сам, сама*: «*Пей сама*»; «*Ты сам замечаешь...*» Смыслы «тоска» и «отчаяние» оказываются связанными на уровне опредмечивающих их средств, так как используются одни и те же конструкции с ярко выраженной эмоционально-оценочной доминантой: это разнообразные типы повторов, например, отрицающий эмоционально окрашенный повтор «*нет, не пора*», повтор в конструкции «отрицание через утверждение» с соответствующей интонацией «*Да, очень полезно!*», сходный с последним типом повтора в плане переозначивания перформативной конструкции «*Поздравляю вас...*» (= не с чем поздравлять); анафорический повтор в риторическом вопросе «*Зачем, зачем вы меня лечили?*», повтор целого риторического вопроса «*Кому это мешало?*».

В качестве первой категоризации смысла-модализации «ненормальность гениальности» выступает блок значений способности / умения (чтобы знать о том, что гений действительно ненормален нужно иметь способность быть им в потенции или суметь реализовать эту способность). Соединение оценки с этим блоком модальных значений указывает на её прагматический статус, поскольку критерием установления оценочной квалификации является представление о применимости свойства гениальности как к автору текста, так и любому реципиенту, действующему в смысловом пространстве данного текста. Смысл-модализация «ненормальность гениальности» также является средоточием этической оценки (гениальность – есть отклонение от нормы), т.к. восстанавливается взаимодействие блока способности / умения с блоком веры / знания, который в соединении с оператором оценочности дает этическую оценку. Так, чтобы иметь представление о степени ненормальности гения нужно знать, что гениальность считается отклонением от нормы. Также категоризаций ядерного смысла-модализации будет значение внутреннего волеизъявления. Это единственное значение, представленное уже на уровне содержания в эксплицитном виде. Речь идет о нежелании Коврина «пить молоко» и, в целом, принимать лечение, становиться нормальным, заурядным. Для него нормальность не положительное, а отрицательное качество. Взаимодействие оператора оценочности с модальным значением волеизъявления определяет оценочную квалификацию как

аксиологическую. Указанное значение косвенно участвует в опредмечивании смысла «ненормальности гениальности» и возвращается обратно на уровень значений. Схематически вышесказанное можно изобразить с помощью следующего рисунка:

Результаты проведенного анализа подтверждают, что оценка представляет собой часть понятийной основы языковой и текстовой модальности. Присоединение оценочных компонентов к опредмечиваемым узловым смыслам-модализациям и подчиненным частным смыслам представляет собой дополнительное средство обеспечения содержательной и смысловой связности текста.

Библиографический список

1. Бондарко А.В. Грамматическая категория и контекст. Л.: Наука, 1971. 114 с.
2. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973. 350 с.
3. Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011. 672 с.
4. Рафикова Н.В. Психолингвистическое исследование процессов понимания текста. Тверь: Тверск. гос. ун-т, 1999. 144 с.
5. Пучкова Е.В. Модальность и текст // Вестник Челябинского государственного университета. Филология и искусствоведение. 2010. № 36. С. 78-85.
6. Ильина Е.В. Взаимодействие и конфликт блоков содержания и смысла под воздействием модальной партитуры текста // Вестник

Иркутского государственного лингвистического университета. 2012. № 3(20). С. 105-115.

7. Богин Г.И. Школа рефлексии и рефлексивности // Методология современной лингвистики: проблемы, поиски, перспективы. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. С. 41-51.

8. Галеева Н.Л. Параметры художественного текста и перевод. Тверь: Изд-во ТвГУ, 1999. 155 с.

9. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб.: Ювента: Наука, 1999. 605 с.

10. Богин Г.И. Обретение способности понимать // Электронный ресурс Интернет: http://pall.hoha.ru/learn/bogin_bible/0.htm.

11. Папина А.Ф. Текст: его единицы и глобальные категории. М.: Едиториал УРСС, 2002. 368 с.

12. Успенский Б.А. Поэтика композиции. СПб.: Азбука, 2000. 352 с.

13. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.

Сведения об авторе

Ильина Елена Валерьевна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры английской филологии
Тверского государственного университета
E-mail: lpuchkova@mail.ru

УДК 811.111'42

ПОВТОРНАЯ НОМИНАЦИЯ КАК РЕФЕРЕНТНО-НОМИНАТИВНОЕ СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ИНТЕНЦИИ

М.Л. Кусова, О.В. Шаркунова

Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург

Повторная номинация, включенная в референтные отношения художественного текста, актуализуется в наименовании инtratекстовых объектов, связывает их с экстратекстовыми прототипами в соответствии с авторской интенцией, т.е. выполняет номинативную и предикативную функции, являясь референтно-номинативным средством выражения интенции.

Ключевые слова: повторная номинация, авторская интенция, референтные отношения, референтно-номинативное средство выражения интенции.

Repeated Nomination as a Referential and Nominative Means of Expressing the Author's Intention

Margarita Kusova, Olga Sharkunova

Repeated nomination, as part of referential relations of a literary text, names intratextual objects and connects intratextual names of objects with their extratextual prototypes, according to the author's intention, thus performing the nominative and the predicative functions and serving as a referential and nominative means of expressing the author's intention.

Key words: repeated nomination, author's intention, referential relations, a referential and nominative means of expressing intention.

В современных исследованиях художественного текста много внимания уделяется диалектической взаимосвязи и взаимообусловленности его внутренних особенностей с внешними мотивирующими условиями, изучается система номинаций, их связность, языковые особенности и возможности интерпретации, а также роль инtratекстовых особенностей произведения в репрезентации языковой личности автора (М.М. Бахтин, Ю.М. Лотман, В.В. Виноградов, Ю.Н. Караулов, М.Н. Кожина, Н.С. Болотнова, И.Р. Гальперин, В.Г. Гак). Однако на сегодняшний день в рамках различных подходов к изучению особенностей текстовых наименований повторная номинация в художественном тексте еще не рассматривалась как референтно-номинативное средство выражения авторской интенции, хотя анализ в данном аспекте открывает возможности для более глубокого понимания текста. Представляется, что это позволит проследить взаимосвязь

между авторским замыслом и идиостилистическими особенностями его текстовой актуализации в системе повторных номинаций объектов речи в художественном произведении.

Мы определяем художественный текст как вид текста, принадлежащего к художественному стилю речи и обладающего авторской интенцией, которая задает особенности языковой репрезентации объектов внеязыковой действительности.

В художественном тексте выражение авторской интенции происходит через систему повторных номинаций объектов речи, поэтому любая из номинаций несет на себе отпечаток авторского замысла. Номинативные единицы не только называют внетекстовый объект и являются связанными между собой отношением именно к этому объекту, но и объединяются общим авторским замыслом, согласно которому осуществляется внутритекстовая репрезентация каждого внетекстового референта.

Обратимся к определению повторной номинации. Вслед за В.Г. Гаком [1. С. 156], З.Я. Тураевой [2. С. 37] под повторной номинацией (от лат. «*nominatio*» – наименование) мы понимаем систему отбираемых автором в соответствии с его замыслом интратекстовых наименований экстратекстового объекта, которые соотносятся как между собой, так и с объектом реальности, являющимся их прототипом. Объекты экстратекстовой действительности в тексте могут быть репрезентированы именами собственными, личными местоимениями, лексическими обозначениями в указательной функции [2. С. 45]. Так, в рассказе «*The Gift of The Magi*» О. Генри встречаются все три вида репрезентации объектов экстратекстовой действительности (здесь и далее в качестве иллюстраций будем обращаться к произведениям данного автора). К наименованиям, в которых используются имена собственные, можно отнести некоторые номинации главной героини Деллы, жены Джима. О. Генри именует ее «*Della*», далее номинация заменяется: «*Mrs James Dillingham Young, already introduced to you as Della*», благодаря чему создается более полная характеристика героини. При этом муж героини номинируется личными местоимениями: «*...he was called Jim...*», «*Her Jim*», «*His eyes fixed upon Della...*», притяжательными формами местоимений «*she*», «*he*». Последние помогают понять, насколько герои значимы друг для друга. Номинации помогают также идентифицировать объект речи,

определить его принадлежность. В рассказе «The Gift of The Magi» встречаются номинации, косвенно указывающие на вещи, принадлежащие главной героине, в том числе «the mistress of the house», «Della's beautiful hair», «Della's hair».

Авторскую интенцию определяем как наиболее общий авторский замысел, который задает тематическое и понятийное содержание текста и детерминирует писательский отбор референтно-номинативных средств выражения (Е.С. Кубрякова, О.А. Мельничук, Э. Хирш).

Под референтными отношениями мы будем понимать интенционально детерминированные отношения между объектом экстратекстовой действительности и системой его инtrateкстовых повторных номинаций, а также между каждой повторной номинацией данного объекта речи внутри текста. Они обеспечивают связь между объектом и системой его номинаций как вне, так и внутри текста, поэтому мы выделяем два вида референтных отношений. Экstrateкстовые референтные отношения – это отношения между объектом экстралингвистической действительности и его первичной и последующими номинациями внутри текста. Инtrateкстовые референтные отношения – это отношения, возникающие между включенными в текст номинациями. Референтные отношения образуют авторская интенция в отборе объекта экстратекстовой реальности, его первичная и последующие инtrateкстовые повторные номинации, их инtrateкстовые референтные связи, т.е. принципы соединения и координации повторных номинаций в тексте.

Известно, что каждая номинация имеет внешнюю и внутреннюю структуру. Во внешней структуре номинации согласно определению Г.В. Гака различаются 3 элемента: объект номинации, субъект номинации, отобранные с учетом авторской интенции языковые средства. Субъектом номинации предстает сам автор, порождающий текст и систему референтно-номинативных репрезентаций текстовых объектов речи; являясь источником проявления интенциональности и оценочности; автор определяет характер референтных связей между номинациями, их семантику и взаимодействие с реальностью. Точка зрения субъекта номинации может быть представлена прямо, т.е. через речь самого автора, либо опосредованно, т.е. через использование речи персонажей и всевозможных рассказчиков, причем в данном случае следует отметить, что авторская позиция по

поводу определенных объектов речи не всегда будет совпадать с позицией, выраженной персонажами. Например, в рассказе О. Генри «Man About Town» повествование ведется от первого лица единственного числа, автор не называет имени рассказчика, выясняющего, кто же такой «светский человек». Создается впечатление, что сам рассказчик является таковым. Получается, что точка зрения субъекта номинации выражена в данном рассказе прямо и это отражено в ряде конструкций с личным местоимением «I»: «There were two things I wanted to know...So I began to inquire...Then I began to ask...». В другом рассказе О. Генри «The Cop And The Anthem» точка зрения субъекта номинации выражена опосредованно, через мнение персонажей, поэтому повествование в нем ведется от третьего лица. Там мнение автора находит свое выражение во мнении главного героя – бездомного Сопи, стремящегося попасть в тюрьму, что становится ясным уже в самом начале рассказа при представлении героя: «On his bench in Madison Square Soapy moved uneasily. Soapy's mind became cognizant of the fact...The time had come for him to resolve himself into a singular Committee of Ways and Means to provide against the coming rigour».

Объектом номинации является все, что может быть поименовано, в том числе лица, понятия, события, предметы, признаки, предметы с их признаками [3. С. 89]. Так, номинации разных лиц мы встречаем в рассказе О. Генри «The Cop And The Anthem», в том числе номинации полицейского: «a policeman in the lead», «brass buttons», «the officer», «law's minion» «the cop». Номинацию понятий можно проиллюстрировать рядом наименований «светского человека» в рассказе «Man About Town»: «The third draught that I craved from the fount of knowledge was enlightenment concerning the character known as A Man About Town. He was more vague in my mind...we must have concrete idea of anything even if it be an imaginary idea, before we comprehend it...». Отметим, что номинации событий часто встречаются в рассказе «The Cop And The Anthem», когда Сопи мечтает попасть в руки полиции: «...he would soon feel the pleasant official clutch upon his arm...Would never a policeman lay his hands on him?», так же, как и номинации признаков. Поэтому номинация «winter» намеренно заменяется писателем на повторную, содержащую наиболее значимые для главного героя признаки «the coming rigour». Номинацию предметов с учетом их атрибутивных

характеристик можно проследить в «Man About Town», когда рассказчик начинает конкретизировать все признаки, присущие светскому человеку его эпохи: «A man About Town...his eyes are weak blue, he wears a brown west and shiny black serge coat. He stands always in the sunshine chewing something; and he keeps half-shutting his pocket knife and opening it again with a thumb».

Внутренняя структура повторной номинации включает сигнификат и денотат (Г.В. Гак, Ч. Моррис, Б.А. Серебренников, А.А. Уфимцева). Сигнификатом следует считать план содержания, связанный с авторской интенцией и актуализующийся в семантических особенностях номинаций. Денотатом является план выражения, зависящий от авторского стиля и замысла [4. С. 230-264].

Основываясь на исследованиях структуры референтных отношений и входящих в их состав повторных номинаций Б.А. Серебренникова, А.А. Уфимцевой [4. С. 265-294], отмечаем, что сигнификат для цепочки номинаций одного объекта будет одним и тем же, хотя возможно появление различных оттенков значения, а денотаты будут различными, так как с каждой новой номинацией осуществляется приращение смысла. Очевидно, что референтные отношения одного объекта речи будут представлены общим для всех его номинаций сигнификатом, но разными денотатами. Характер соотношения денотата и сигнификата свидетельствует о том, что авторская интенция определяет номинативный план содержания и реализуемый через языковые средства номинативный план выражения, т.е. сама структура повторной номинации является интенционально заданной.

Опираясь на теоретический базис, рассмотрим роль повторной номинации как референтно-номинативного средства выражения авторской интенции. Н.С. Валгина, О.А. Мельничук замечают, что в художественном тексте выбор способов представления объектов действительности производится автором сознательно, подчиняется его интенции [5. С. 227-264]. Создавая эквиваленты объектов реальности в текстовом пространстве, автор передает собственный замысел. Возвращаясь к рассказу «Man About Town» можно говорить о том, что номинации «rounder» и «clubman», используемые для наименования «светского человека», дают представление о «совершающих светские рауты и посещающих различные клубы» и прочие мероприятия, представление о том, что свойственно

определенному слою американцев начала XX в. («A Man About Town something between a “rounder” and “clubman”...»).

Авторское волеизъявление определяет отбор свойств, качеств и признаков объектов экстратекстовой действительности, которые будут представлены в тексте. Данный отбор осуществляется субъективно, т.е. через призму авторского видения, что отражает особенности языковой личности писателя, так, все три рассказа О. Генри, примеры из которых приводятся в данной статье, являются социально ориентированными. При наименовании персонажей «социального дна» писатель использует дескрипции, вскрывая таким образом все общественно неправильное, высмеивает это общественно неправильное, отрицая все литературные и языковые каноны «short story», как отмечает Б.М. Эйхенбаум. Чем сложнее, абсурднее или трагичнее описываемые писателем жизненные ситуации, тем более неожиданными, противоречащими реальности и ее восприятию становятся номинации. Для бездомного Сопи тюрьма становится «the hospitable Blackwell», а подробное авторское описание столь желаемых ранее Деллой гребней для волос становится своеобразной «насмешкой судьбы»: «The Combs – the set of combs, side and black, that Della had worshiped long in a Broadway window...».

Автор проецирует действительность на интраязыковую номинативную основу, связывает и соотносит реальность с ее интратекстовыми репрезентантами. Признак, отбираемый писателем как основа наименования, определяет внутреннюю форму номинации, т.е. сигнификат, в силу чего один и тот же объект по-разному номинируется в тексте (вторичная номинация), тогда как имя может обозначать иные объекты (переносная или косвенная номинация, по В.Г. Гаку). Относительная устойчивость номинации обуславливает расширение номинативных возможностей языка и их использования в художественных целях, что проявляется как особенность стиля. Следовательно, авторская интенция определяет наиболее общие особенности индивидуально-языкового и идиостилистического представления выбранных свойств, качеств и признаков объектов внетекстовой действительности в тексте, отсюда следует, что она маркирует писательский стиль изложения через отбор первичной и повторных номинаций для описания объектов и создания их внутритекстовых прототипов. Основываясь на исследованиях Б.А. Серебренникова [4. С. 230-294], В.П. Григорьева [6. С. 57-205],

мы отмечаем, что внешняя форма наименования, т.е. денотат, определяется избираемыми писателем лексико-грамматическими и стилистическими средствами языка. Одинаковые по внутренней семантической форме, т.е. сигнификату, наименования различаются по их внешней репрезентирующей форме, т.е. денотату. Связь повторной номинации и авторской интенции проявляется не только в идиостилистическом образовании номинаций, но и в готовых средствах языка, используемых автором. Так, для стиля определенного писателя может быть характерно номинирование объектов отдельными лексемами, словосочетаниями или предложениями, доминирование определенных номинативных средств. В рассказе «The Cop And The Anthem» тюрьма номинируется лексемой «the Island», а полицейский – лексемой «the cop». Номинирование объектов лексемами наблюдаем обычно тогда, когда О.Генри лаконично представляет собственный замысел. К словосочетаниям как средствам номинации автор обращается для дополнительных характеристик объекта. Так тюрьма превращается в «his annual hegira to the island» и «the coveted island», а коп – в «a large policeman of severe demeanour». Номинации-предложения О.Генри использует только в исключительных случаях: «Three months on the Island was what his soul craved», «The policeman refused to accept Soapy even as a clue».

В произведениях писателя может наблюдаться последовательный отбор некоторых грамматических форм как средств номинации и их определенное семантическое наполнение, отбор способов образования грамматических форм.

Мы полагаем, что авторской интенцией задается план содержания (сигнификат) каждой повторной номинации, т.к. номинации объектов речи в художественном тексте отбираются в соответствии с его наиболее общей идеей. Она детерминирует обличение понятийного содержания индивидуально-языковой формой (планом выражения, денотатом), т.е. задает систему образных дескрипций художественного текста и влияет на отбор и семантические особенности номинаций, что служит основой характеристики персонажей, неодушевленных предметов и явлений в тексте, т.к. с каждой последующей номинацией добавляются новые оттенки в обозначаемом. Наличием повторных номинаций в соотносительной взаимосвязи друг с другом создается целостная

система представлений об интратекстовом объекте речи [7. С. 34-47; 2. С. 32; 8. С. 337].

Кроме того, в художественном тексте замысел автора определяет характер референтных связей – принципов соединения и координации номинаций в тексте. Будучи включенной в референтные отношения, система повторных номинаций участвует в выполнении двух функций – номинативной и предикативной. Номинативная функция – называние объектов реальности, проецируемых в текст в соответствии с актуальным замыслом автора; предикативная – включенность в процесс создания связей между интратекстовыми наименованиями экстратекстовых объектов речи, а также между системой интратекстовых наименований объектов и их экстратекстовыми прототипами. З.Я. Тураева и Н.С. Валгина считают, что выполнение данных функций повторной номинацией является стилистически важным для характеристики действующих лиц художественного произведения и выявления их взаимосвязи с особенностями эпохи, отраженной в тексте, что дает возможность для более глубокого анализа замысла писателя и свойственных его стилю референтно-номинативных средств репрезентации авторского замысла в образах произведения. Как отмечалось ранее, согласно авторскому замыслу, в художественном тексте с каждой последующей повторной номинацией добавляются дополнительные признаки у номинируемого объекта. Анализ взаимосвязи номинаций позволяет увидеть систему представлений автора об объектах речи в тексте, его «языковые предпочтения» при выборе средств номинаций, выявить факторы, определяющие подобные «предпочтения» и характер взаимосвязи номинаций.

Очевидно, что реализация номинативной и предикативной функций повторными номинациями позволяет говорить о том, что повторная номинация является референтно-номинативным средством выражения авторской интенции.

Таким образом, повторная номинация в художественном тексте способствует установлению связей между объектами экстра- и интратекстовой реальности, организуемыми авторской интенцией. Например, в рассказе «Man About Town» рассказчик именуется «светского человека» как «A Man about Town...I fancied that he had a detachable sneer...and attached cuffs», «A Man about Town...something between a “rounder” and a “clubman”...Dress clothes every everything,

and knows the ropes; calls every policeman and waiter in the town by their first names...», «There is a type of “Man about Town” in New York... At six o'clock life begins with him. He follows rigidly the conversations of dress and manners... he is always on the scent of something new...». Заданность номинаций определена авторским замыслом, который отражается в отборе номинаций и в самом их составе: через номинативный план содержания реализуется авторский замысел, обеспечивается экстра- и интратекстовая связность, а через план выражения – особенности идиостиля писателя. Обращаясь к предыдущему фрагменту, можно отметить, что план содержания номинаций «a man about town» отражает попытку О. Генри представить портрет светского человека того времени, что отсылает читателя к типичным представителям эпохи, послужившим протипами для создания этого собирательного образа, обозначенного распространенными повторными номинациями.

Представляется, что исследования повторных номинаций как референтно-номинативного средства выражения авторской интенции значимы для более глубокого и детального анализа текста. Подобные исследования позволяют проследить взаимосвязь между авторским замыслом и системой повторных номинаций объектов речи, отбираемых и представляемых в соответствии с авторским замыслом, увидеть идиостилистические особенности текстовой актуализации в системе повторных номинаций. Изучение повторных номинаций в данном аспекте способствует наиболее точному определению их понятийного содержания и языкового выражения, более точному видению описываемых автором объектов речи, проникновению в авторский замысел, раскрывает способы и средства индивидуально-авторской лексической, стилистической, грамматической десигнации объектов в художественном тексте. Изучение повторных номинаций позволяет идентифицировать внетекстовые референты, т.е. объекты действительности, послужившие основой для номинации, а также определить особенности индивидуально-авторской актуализации в номинации объектов, отметить, каким образом представлен в тексте каждый объект, каковы связи и отношения между описываемыми объектами реальности и их последующими внутритекстовыми номинациями, понять, как это связано с самим писателем.

Библиографический список

1. Гак Г.В. Сопоставительная лексикология. (На материале французского и русского языков). М.: Книжный дом «Либроком», 2010. 264 с.
2. Тураева З.Я. Лингвистика текста. М.: Просвещение, 1986. 128 с.
3. Дымарский М.Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX-XX вв.). М.: КомКнига, 2006. 296 с.
4. Серебренников Б.А., Уфимцева А.А. Языковая номинация: общие вопросы. М.: Наука, 1977. 360 с.
5. Валгина Н.С. Теория текста: Учебное пособие. М.: Логос, 2003. 279 с.
6. Григорьев В.П. Грамматика идиостиля: В. Хлебников. М.: 1983. 225 с.
7. Серль Дж.Р. Логический статус художественного дискурса // Логос. 1999. № 3. С. 34-47.
8. Bussmann H. Dictionary of Language and Linguistics / Edited by G. P. Trauth, K. Kazzazi. New York: Routledge 11 New Fetter Lane, 1996. 554 p.

Сведения об авторах

Кусова Маргарита Львовна
доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой русского языка и методики
его преподавания в начальных классах
Уральского государственного педагогического университета
E-mail: mlkusova@mail.ru

Шаркунова Ольга Владимировна
аспирант кафедры русского языка и методики
его преподавания в начальных классах
Уральского государственного педагогического университета
E-mail: mlkusova@mail.ru

УДК 811.111'25:821.161.1

СПОСОБЫ ОБОЗНАЧЕНИЯ СТЕПЕНИ ИНТЕНСИВНОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ ПЕРСОНАЖА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ

М. Ю. Родионова

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

Статья посвящена изучению способов репрезентации интенсивности эмоционального состояния персонажа на материале романа Ф.М. Достоевского «Идиот» и трех его переводов на английский язык. Средства номинации эмоций в английском и русском языках не всегда полностью соответствуют друг другу, поэтому в одних случаях переводчик сохраняет авторскую модель описания эмоционального состояния, в других вынужден использовать иную номинацию, а в третьих нивелирует межъязыковые различия с помощью изменения интенсификаторов.

Ключевые слова: эмоциональное состояние, прямая номинация, степень интенсивности, интенсификатор.

Representation of Intensity of Characters' Emotional State in Translated Fiction Mariya Rodionova

The article discusses ways of representing the intensity of emotional state of characters in F.M. Dostoevsky's "The Idiot" and in three English translations of the novel. Means of denoting emotions in the two languages coincide only partially, so in some cases translators can follow the author's model of describing the emotional state of a character; in other cases they have to use different means of representing the emotion described in the original, and sometimes, in order to compensate for the difference between the languages, they resort to intensifiers.

Key words: emotional state, direct nomination, degree of intensity, intensifier.

В художественном тексте эмоциональная информация не менее важна, чем рациональная. Более того, от наличия эмоциональной информации и правильности выбора способов ее передачи зачастую зависит степень достоверности художественного образа. Информация об эмоциональном состоянии персонажа содержится в авторских описаниях, где автор прямо называет то или иное психологическое состояние персонажа. Прямая номинация эмоционального состояния задает эмоциональный фон, на который накладывается описание невербального поведения персонажа, что тоже является ценным источником информации о его эмоциональном состоянии, и далее –

тип его эмоционального состояния может быть дополнен структурными особенностями реплик.

Анализируя средства прямой номинации эмоционального состояния персонажа, можно рассмотреть особую группу лексем-интенсификаторов, актуализирующих сему «интенсивность проявления эмоции». В состав этой группы входят *усилители* – те лексические единицы, которые усиливают словарное значение лексем, использованных для номинации эмоционального состояния, и *редукторы* – лексические единицы, указывающие на ослабление интенсивности проявления эмоции [1. С. 123-129]. Анализ средств выражения интенсивности (интенсификаторов) следует проводить с учетом понятия «шкала интенсивности», где точкой отсчета является эталонное эмоциональное состояние, то есть некоторая мера эмоции, относительно которой исследователи выделяют две зоны на шкале интенсивности: зона выше эталонного эмоционального состояния (выше нормы) и зона ниже эталонного эмоционального состояния (ниже нормы) [2. С. 12].

Группа усилителей интенсивности неоднородна по своему составу, так как в ней могут находиться усилители, обозначающие разные степени интенсивности проявления эмоции, отличающиеся от нормы. Среди средств выражения интенсивности этой группы можно выделить две подгруппы: усилители, указывающие на наивысшую интенсивность проявления эмоции, и усилители, показывающие на увеличение интенсивности проявления эмоции, которая не достигает своего максимума. Объективным критерием выделения лексических средств в подгруппу усилителей наивысшей степени интенсификации могут служить словарные дефиниции, включающие сему высшей степени проявления признака. Назовем такие усилители пиковыми. На шкале интенсивности подгруппа пиковых усилителей занимает крайнюю верхнюю зону в пределах интенсифицируемой эмоции, за границами которой следует переход в качественно другое эмоциональное состояние. Подгруппу пиковых усилителей представляют наречия меры и степени и прилагательные, указывающие на высшую степень проявления признака (*крайне расстроен, чрезвычайно обеспокоен; чрезмерная страсть, неизмеримая злоба*); прилагательные в форме превосходной степени сравнения (в *глубочайшем изумлении*).

Усилители, показывающие на увеличение интенсивности проявления эмоции, которая не достигает своего максимального проявления, будем называть *непредельными*. На шкале интенсивности подгруппа *непредельных* усилителей занимает зону выше нормы, но располагается ниже подгруппы *пиковых* усилителей. К подгруппе *непредельных* усилителей относятся наречия меры и степени, примыкающие к прилагательным, глаголам, другим наречиям, словам категории состояния (*страшно смутился, весьма встревожен*); прилагательные, характеризующие то или иное эмоциональное состояние (*с большим любопытством, в ужасной тоске*).

Прямо противоположным образом характеризуют степень проявления эмоционального состояния *редукторы* – лексические единицы, ослабляющие значение лексем, используемых для номинации эмоционального состояния. На шкале интенсивности *редукторы* занимают зону ниже нормы. Среди *редукторов* можно выделить подгруппу лексических единиц, указывающих на готовность персонажа войти в заявленное эмоциональное состояние (*почти с гневом, чуть ли не с гневом, чуть не в испуге*). Согласно словарным статьям, такие *редукторы* указывают на то, что эмоциональное состояние персонажа находится на границе с эмоцией, названной автором. В этом случае можно говорить о наименьшей степени интенсивности проявления этой эмоции, поэтому назовем такие лексические единицы *пиковыми редукторами*. На шкале интенсивности они расположены в самой нижней зоне относительно нормы. *Редукторы*, которые на шкале интенсивности располагаются выше самой нижней зоны, занимаемой *пиковыми редукторами*, но ниже эталонной эмоции (то есть нормы), и указывают на ослабление названной эмоции, относятся к подгруппе *непредельных редукторов*. *Непредельные редукторы* представлены в основном наречиями низкой степени интенсивности (*мало, немного, не очень, не так уж, слегка*).

Описанная классификация разработана при анализе средств интенсификации (*интенсификаторов*) прямой номинации эмоционального состояния персонажа на материале текста романа Ф.М. Достоевского «Идиот». В данной статье рассматриваются способы репрезентации категории «интенсивность» при описании эмоционального состояния персонажа в текстах перевода романа. При

переводе художественного произведения эмоциональная информация выступает в качестве объекта перевода и подлежит обязательной передаче с целью сохранения эмоциональной характеристики переводимого текста и, следовательно, его целостности. Материалом для сопоставительного анализа послужили три текста перевода романа на английский язык, выполненные разными переводчиками. Через выбранные автором средства характеристики эмоционального состояния персонажей переводчик должен воспринять это состояние и воссоздать его в переводе. При этом он не должен описывать собственное восприятие. Его задача сводится к вербализации идей, сформулированных автором оригинала в рамках коммуникативной ситуации, заданной текстом. Анализ текста перевода, то есть результата переводческих решений, дает возможность изучить способы описания эмоциональных состояний, уточнить языковые средства, репрезентирующие различные по интенсивности протекания эмоциональные процессы.

В большинстве случаев переводчики, следуя за автором текста оригинала, используют слова, называющие ту же эмоцию и ту же степень интенсивности протекания эмоционального состояния персонажа. Рассмотрим следующий пример:

текст оригинала	перевод 1	перевод 2	перевод 3
– Ну, что ж что новый? Разве я не могу сейчас купить новый нож? – в каком-то исступлении вскричал наконец Рогожин, раздражавшийся с каждым словом [3. С. 167]	"Well, what of that? Can't I buy a new knife if I like?" shouted Rogojin furiously , his irritation growing with every word [4. С. 294]	"Well, what if it is? Surely I can buy a new knife now?" Rogozhin was shouting in a kind of frenzy , more exasperated with every word [5. С. 227]	"What if it is new? Mayn't I buy a new knife?" Rogozhin cried in a perfect frenzy at last, growing more exasperated at every word [6. С. 201]

В тексте оригинала автор указывает на состояние исступления, что в словаре С.И. Ожегова определяется как «крайняя степень возбуждения, страсти» [7. С. 256]. Переводчики 2 и 3 выбрали номинацию *frenzy* – «a state or period of uncontrolled excitement or wild behaviour» [8. С. 621]. Но только переводчик 2 следует за автором

оригинала в выборе интенсификатора для данной эмоции, используя, как и автор, неопределенный редуктор, указывающий на некоторую степень ослабления эмоционального состояния испуга: «какой-то» – «до некоторой степени сходный, несколько напоминающий кого-что-нибудь» [7. С. 262] и «in a kind of» – «rather; to some extent» [8. С. 850]. В тексте перевода 3 мы находим совсем другой интенсификатор – пиковый усилитель, что нарушает указанную в тексте оригинала номинацию эмоционального состояния, усиливая его до наивысшей степени интенсивности, в то время как у автора заявлено некоторое ослабление интенсивности протекания эмоции. В переводе 1 можно наблюдать замену эмоционального состояния «испуга» на состояние «fury», что определяется словарем как «wild or violent anger» [8. С. 633], что, конечно же, близко к состоянию испуга, но имеет эксплицитно выраженный оттенок гнева и злости, чего нет в исходном тексте.

Далеко не всегда отклонения от описания эмоционального состояния, выбранного автором, приводят к неточностям в передаче описания эмоционального состояния и степени его интенсивности в тексте перевода. Рассмотрим следующий пример:

текст оригинала	перевод 1	перевод 2	перевод 3
Это сама, сама тебе прислала, сама? – оживленно и с большим любопытством спрашивал он Ганю [3. С. 21]	"Did she send it you herself? Herself?" he inquired, with <i>much</i> curiosity and great animation [4. С. 37]	"Did she send this to you? Did she? Herself?" he asked Ganya consumed with <i>curiosity</i> [5. С. 30]	"Did she send it to you, she, she herself?" he asked eagerly and with <i>great curiosity</i> [6. С. 24]

Так, переводчик 1 и переводчик 3 вслед за автором выбирают в качестве интенсификатора эмоционального состояния любопытства неопределенный усилитель. В тексте перевода 2 формально нет усилителя при номинации эмоционального состояния. Но здесь можно говорить о переводческом приеме компенсации при помощи удачно выбранной синтаксической структуры с причастием *consumed*, которое семантически соответствует пиковому усилителю, указывая на глубину эмоционального состояния персонажа. ("to consume" – "(of a feeling) completely fill the mind of (someone)" [8. С. 324]).

Используя прием компенсации при передаче обозначенной автором степени интенсивности протекания эмоционального состояния, переводчики нередко выбирают интенсификаторы, которые принимают на себя часть семантической нагрузки лексической единицы, с помощью которой номинируется эмоциональное состояние в тексте оригинала, что можно проиллюстрировать следующим примером:

текст оригинала	перевод 1	перевод 2	перевод 3
Ганя <u>ужасно</u> <u>робел</u> , что князь не согласится, и с трусливой просьбой заглядывал ему в глаза [3. С. 60]	Gania was evidently <u>much alarmed</u> at the idea that the prince would not consent to take his note, and he looked at him now with an expression of absolute entreaty [4. С. 104]	Ganya was <u>miserably afraid</u> that the prince would refuse, and gazed into his eyes with timid entreaty [5. С. 83]	Ganya was <u>terribly afraid</u> that Myshkin would not consent and looked in his eyes with cringing entreaty [6. С. 71]

В тексте автором заявлено состояние робости, интенсифицируемое при помощи пикового усилителя «ужасно». Так, согласно словарной дефиниции, «робеть» – «испытывать страх от неуверенности в себе; смущаться». В текстах перевода 2 и 3 переводчики выбрали слово (“afraid” – “feeling of fear” [8. С. 26]), которое, конечно, имеет значение «испытывать страх», но не указывает на причину этого страха и не имеет оттенка «неловкости и неуверенности в себе». В тексте перевода 2 сделана попытка компенсировать это, используя в качестве интенсификатора “miserably” («wretchedly unhappy or uncomfortable» [8. С. 979]), что придает эмоции оттенок «неловкости». Таким образом, основной целью использования наречия “miserably” можно считать не указание на степень интенсивности протекания эмоционального состояния, а семантическое дополнение к номинации эмоционального состояния для полного сохранения эмоциональной информации в тексте перевода.

Авторское описание эмоционального состояния персонажа предполагает соотнесение его с описываемой в тексте ситуацией и

может быть достаточно точно определено только с учетом широкого контекста. В следующем примере особенно интересен текст перевода 1, где можно проследить смысловое развитие в описании эмоционального состояния, основанное на контексте:

текст оригинала	перевод 1	перевод 2	перевод 3
Я, впрочем, никого не задерживаю, – обратилась она вдруг с видом необыкновенного гнева к мужу и дочерям, как будто они-то и были в чем-то ужасно пред ней виноваты, – я и одна домой сумею дойти... [3. С. 224]	“But please don't let me keep anyone,” she added suddenly to her husband and daughters, in a tone of resentment , as though they had grievously offended her. “I can come home alone quite well” [4. С. 388]	“I'm not detaining anyone, though.” She addressed her husband and daughters abruptly, with an expression of a considerable anger , as if they were greatly to blame for something in her eyes. “I can get home by myself ...” [5. С. 303]	“But I am not keeping anyone,” she turned with an expression of extraordinary wrath to her husband and daughters, as though they had treated her disgracefully. “I can find my way home alone” [6. С. 268]

В тексте оригинала описано состояние гнева с пиковым усилителем. Гнев – чувство сильного негодования, возмущения; состояние раздражения, озлобления [7. С. 137], чему соответствует номинация эмоционального состояния “anger” (текст перевода 2) и “wrath” (текст перевода 3). В тексте перевода 1 выбрана номинация “resentment”, определяемая в словаре как “bitter indignation at having been treated unfairly” [8. С. 1299], что не только указывает на состояние гнева, но и поясняет причину гнева и имеет оттенок обиды. Дальше по тексту автор описывает ситуацию так: «...как будто они-то и были в чем-то ужасно пред ней виноваты, ...», то есть рассказывает о причине эмоционального состояния гнева персонажа, который обижается на своих собеседников. Таким образом, забегаая чуть-чуть вперед авторской номинации и опираясь на контекст описания эмоционального состояния персонажа, переводчик выбрал номинацию эмоции, полностью соответствующую заявленному автором эмоциональному состоянию.

В большинстве проанализированных случаев выбор подобных переводческих решений вполне объясним. Далекое не всегда в разных языках прослеживается взаимно однозначное соответствие средств номинации тех или иных эмоциональных состояний. Сама специфика номинируемого явления зачастую не позволяет даже в одном языке провести между ними четкую границу: как можно с точностью сказать, где заканчивается гнев в его пиковой интенсивности, а где начинается негодование? Тем более естественно, что вся шкала эмоций может по-разному члениться номинативными средствами разных языков. В связи с этим перед переводчиком стоит задача не столько найти словарное соответствие той или иной номинации, сколько выразить названное состояние так, как это сделали бы носители переводящего языка. Поэтому в одних случаях ему удается сохранить авторскую модель описания эмоционального состояния персонажа, в других приходится прибегнуть к иной номинации, занимающей, однако, на шкале эмоций аналогичное место, а в третьих случаях нивелировать межъязыковые различия с помощью изменения интенсификаторов. Главным критерием точности перевода в таких случаях является не выбор правильного словарного соответствия, а воссоздание в переводе самого эмоционального состояния в его качественном и количественном аспектах.

Библиографический список

1. Безруков В.А. Средства номинации измененных состояний сознания в драматургических ремарках: Дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2007. 183 с.
2. Антипова А.А. Способы обозначения степени интенсивности в русском и итальянском языках: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 146 с.
3. Достоевский Ф.М. Идиот. По изданию: "Идиот. Роман в четырех частях Федора Достоевского. С.-Петербург. 1874", с исправлениями по журналу "Русский Вестник" 1868 года с сохранением орфографии издания. Редакция Б. Томашевского и К. Халабаева // Электронный ресурс Интернет: <http://lib.aldebaran.ru/>.
4. Dostoyevsky F. The Idiot. Translated by Eva Martin // Электронный ресурс Интернет: <http://manybooks.net/>.
5. Dostoevsky F. The Idiot. Translated and edited by Alan Myers. Oxford University Press, 2008. 652 p.

6. Dostoevsky F. *The Idiot*. Wordsworth Editions Limited, 1996. 578 p.
7. Ожегов С.И. *Словарь русского языка* / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1990. 915 с.
8. *Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English* / A. S. Hornby. Oxford University Press, 8th edition, 2010. 1796 p.

Сведения об авторе

Родионова Мария Юрьевна
аспирант кафедры английской филологии
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: Maria.Y.Rodionova@gmail.com

УДК 81.282.8:811.111(94)

ТЕРМИНЫ РОДСТВА АВСТРАЛИЙСКОГО КРИОЛА КАК ОТРАЖЕНИЕ ВЗАИМОВЛИЯНИЯ КАРТИН МИРА

Е.В. Шастина

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток

В статье рассматриваются когнитивные аспекты формирования креольских языков, проблемы взаимодействия суперстратной и субстратной картин мира в процессе креолизации. Особенности взаимовлияния суперстратной картины мира европейских поселенцев и субстратной картины мира индигенного населения Австралии изучаются на материале терминов родства в австралийском криоле. Как показывает исследование, контактный характер терминов родства австралийского криола проявляется в расширении значения с включением в содержание лексемы родственников одной линии, конкретизации значения лексемы в виде указания линии отца или матери, синонимии субстратных и суперстратных терминов.

Ключевые слова: картина мира, креольский язык, субстрат, суперстрат, языковые контакты.

Australian Kriol Kinship Terms as Interaction of Worldviews

Elena Shastina

The article deals with the cognitive approach to the research of creole languages and the issue of interaction of worldviews in the creolization process. The article researches the interaction of superstrate and substrate worldviews in kinship terms of Australian Kriol. According to the research, the contact nature of Australian Kriol kinship terms is revealed in generalization of meaning, tending to include all relatives from the family group; in specification of meaning regarding relatives on the father's or the mother's side; and in using substrate and superstrate synonyms.

Key words: worldview, creole, substrate, superstrate, language contacts.

В настоящее время в отечественной науке особое внимание уделяется изучению особенностей национальной ментальности. Ключом к пониманию мировидения отдельного народа является язык, который вербализует систему национального мировосприятия, существующую в виде национальной картины мира. Изучение национальных языковых картин мира позволяет выявить особенности мышления изучаемой нации. Исследованиям в данной области посвящены, в частности, работы О.А. Корнилова, В.Н. Телия, В.А. Масловой.

Однако в современном мире в условиях глобализации, экономического сотрудничества и культурного сближения наций,

международные контакты становятся все более тесными, и, следовательно, национальные картины мира уже не существуют изолированно, а находятся в постоянном взаимодействии с другими картинами мира. Подобное взаимодействие не может не вызывать изменений в контактирующих картинах мира, в связи с чем представляется особенно важным изучать не только отдельные картины мира, но и их взаимовлияние. Наиболее благоприятным материалом для исследования взаимодействия картин мира можно назвать креольские языки, поскольку такого рода языки представляют собой прямой результат тесных языковых контактов и в полной мере отражают все следствия контактирования языковых картин мира.

Следует признать, что в современной отечественной лингвистике изучение пиджинов и креолов является достаточно маргинальным направлением, несмотря на то, что в условиях постоянного притока мигрантов на территорию России и, как следствие, увеличения числа культурно-языковых контактов, актуальность изучения контактных языков трудно переоценить. Что касается зарубежной лингвистики, направление креолистики активно развивается, начиная с середины XX века. Основной круг изучаемых вопросов включает исследование структурных (фонетических, грамматических и лексических) особенностей конкретного креольского языка по сравнению с языком-суперстратом (Н. Смит, М. Азаэль-Масье, Р. Шодансон), проблематики происхождения креольских языков (К. Лефебвр, П. Муискен, С. Муфвене), а также фундаментальные вопросы контактологии в целом (Д. Бикертон, С. Томасон). В главном фокусе находится изучение креолов с позиции сугубо языковых явлений. Тем не менее, представляется, что в зарубежной креолистике недостаточно внимания уделяется когнитивным аспектам формирования креольских языков. Таким образом, процессы взаимодействия картин мира в ходе формирования контактного языка остаются недостаточно изученными как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике.

Настоящая статья посвящена исследованию взаимодействия субстратной и суперстратной картин мира при формировании австралийского криола – креольского языка, распространенного на территории северной Австралии. Число его носителей составляет более тридцати тысяч человек, принадлежащих к коренному населению Австралии, для которого австралийский криол постепенно

становится языком национальной идентичности [1]. Новизна исследования обусловлена использованием когнитивного подхода к изучению взаимодействия картин мира в ходе креолизации.

Целью работы является выявление особенностей взаимодействия картин мира в отдельном фрагменте картины мира австралийского криола – терминологии родства. В качестве материала для исследования используются термины родства австралийского криола с британской и индигенной этимологией, отобранные из англо-криольского и криоло-английского словарей методом сплошной выборки. Помимо лексикографических изданий, источниками для анализа послужили художественные и автобиографические рассказы на австралийском криоле с сопутствующим переводом на английский язык, перевод Библии и христианских текстов на криол, а также материалы блогов, интернет-сайтов и форумов носителей австралийского криола. В исследовании использованы метод концептуального анализа, сравнительно-сопоставительный метод, а также методы анализа словарных дефиниций, контекстного анализа и этимологического толкования.

Как справедливо отмечает О.В. Николаева, языковые контакты обязательно обусловлены или влекут за собой взаимодействие картин мира [2. С. 342]. Следовательно, в процессе креолизации происходит не только контакт языков, но и контакт, как минимум, двух картин мира, представленных через язык-суперстрат и язык-субстрат. При взаимодействии в процессе креолизации субстратная и суперстратная картины мира образуют контактную картину мира креольского языка. Картина мира австралийского криола сформировалась в результате контактов картин мира европейских переселенцев, преимущественно британского происхождения, и местного индигенного населения. Соответственно для картины мира австралийского криола характерно взаимодействие британской картины мира (картина мира – суперстрат) и картины мира австралийских аборигенов (картина мира – субстрат). Рассмотрим, каким образом контактный характер картины мира австралийского криола проявляется в терминах родства.

Концепты родства являются одним из центральных компонентов контактной картины мира австралийского криола, что эксплицируется в языке в виде активно развитой терминологии родства. Англо-криольский словарь фиксирует 22 термина родства

субстратного и 30 терминов суперстратного происхождения [3]. Анализ позволил выявить ряд тенденций, характерных для криольских концептов родства.

Особенно ярко контактный характер картины мира австралийского криола проявился в тенденции суперстратных концептов родства к расширению содержания с включением всех родственников одного поколения и одной линии. Так, например, термин *father* или *dad* в английском языке означает отца, родителя: *a man in relation to his child or children* [4]. Криольская лексема *dadi*, в отличие соответствующей лексемы в английском языке, обозначает не только собственно биологического отца, но и включает также всех его братьев: *dedi n. father; father's brother; all in father's skin group* [3]. Аналогичную ситуацию наблюдаем с термином *mami*, который включает как биологическую мать, так и ее сестер. Термином *greni* называют не только бабушку, как в языке-суперстрате, но и всех ее братьев и сестер. Такое расширение значения суперстратных лексем, вероятно, происходит по аналогии с субстратными лексемами, большинство из которых подчиняются подобной тенденции. Например, субстратный термин *banji* может обозначать как жену, так и ее братьев и сестер. Отец жены, а также все его братья и сестры обозначаются термином *lambarra*. Термин *gajin* объединяет мать жены и ее братьев и сестер. В старшем поколении термином *abija* называют отца своей матери и его братьев и сестер, а термином *gagu*, который является субстратным аналогом термина *greni*, – мать матери и ее братьев и сестер. Как видим, один термин может объединять родственников одного поколения и одной семейной группы.

Данное явление связано с особенностями индигенного восприятия системы родства. Как отмечает Рональд Гиббс, «близкими, и причем равными, родственниками считались некоторые родственники одного поколения» [5]. Такое восприятие основано на общей функции, которую родственники одного поколения и одной линии имеют в отдельной семейной группе. Так, братья отца выполняют ту же функцию в семейной группе, что и отец [6. С. 71-77], более того, их роль в воспитании ребенка в племени является абсолютно идентичной. По-видимому, поскольку в сознании аборигена не происходит разграничения между биологическим отцом и его братьями, то не существует и отдельных концептов для обозначения только отца или только его братьев. В результате,

концепт *dadi* становится общим, что и отражается в языке. Сестры матери также в равной степени участвуют в жизни и воспитании ребенка в племени, выполняя функции, совершенно идентичные функции родной матери, что отражается в картине мира в виде общего концепта и в языке в виде общего наименования.

С функциональным различием роли родственников в племени тесно связана еще одна тенденция, характерная для концептов родства австралийского криола. Исследование показало, что криольским концептам родства свойственны оппозиции по линии матери и линии отца. В языке данное явление выражается в виде сужения значения, конкретизацию принадлежности каждого родственника к стороне отца либо матери. Исходные термины родства, заимствованные из английского, не имеют отличий по линии отца и матери. Например, термин *uncle* используется как для брата матери, так и для брата отца (*the brother of one's father or mother or the husband of one's aunt* [4]). Однако при анализе соответствующей лексемы в криоле мы наблюдаем иную картину. Лексема *anggul* (от англ. *uncle*) используется только для обозначения братьев матери, для братьев отца в криоле существует отдельный термин – *dadi*. Отдельные термины также употребляются для наименования сестер отца – *anti* и сестер матери – *tami*. В результате развития оппозиций по линии отца и матери, каждому концепту родства британской картины соответствует, как минимум, два концепта в картине мира австралийского криола. Так, английскому концепту *grandmother* соответствует три криольских концепта, а именно: субстратный концепт *abuji*, обозначающий мать отца, и два концепта, обозначающих мать матери, то есть суперстратный концепт *greni* и субстратный концепт *gagu*. Британскому концепту *cousin* в криольской картине мира соответствует пять концептов: концепты *braja* и *sista*, означающие, помимо родного брата и родной сестры, сына тети по линии матери либо сына дяди по линии отца и дочь дяди по линии отца либо тети по линии матери соответственно, а также концепты *kasin bratha* и *kasin sista*, зеркально отражающие обратную родственную связь, означая брата со стороны дяди по линии матери и тети по линии отца в первом случае и дочь дяди по линии матери или тети по линии отца во втором. Кроме того, криольским аналогом концепта *cousin* является концепт *barnga*, представляющий скорее

исключение из общего правило, поскольку не имеет гендерных либо родовых различий.

Еще одним характерным явлением для данного фрагмента картины мира австралийского криола является сосуществование субстратных и суперстратных концептов родства с одинаковым наполнением, что проявляется в языке в виде развитой синонимии. Синонимия наблюдается как среди суперстратных терминов, так и среди субстратных и суперстратных. Среди суперстратных терминов можно выделить целый ряд синонимичных лексем: *dadi* и *fatha*, *mami* и *matha*, *san* и *boi*, *doda* и *gel*, *greni* и *grenmatha*, *sista* и *rabish*, *bratha* и *olabat*. Синонимия также возможна между суперстратными и субстратными терминами. Например, для обозначения двоюродных братьев и сестер носители криола, помимо суперстратных терминов *kasinbratha* и *kasinsista*, используют субстратную лексему *barnga*. Также к субстратным и суперстратным синонимам относятся следующие лексемы (первая лексема в оппозиции является субстратной, вторая – суперстратной): *gagu* – *greni*, *baba* – *bratha and sista*, *banji* – *meit*, *biginini (pikanini)* – *beibi*. По нашему мнению, данное явление можно считать прямым следствием взаимодействия двух картин мира, в процессе которого концепты родства активно заимствовались из двух источников, что на языковом уровне привело к сосуществованию лексем с одинаковым содержанием.

Интересным примером разграничения в использовании синонимов представляет лексема *rabish* (от англ. *rubbish*), синонимичная лексеме *sista*. Лексема *rabish* полисемична; в качестве термина родства лексема означает родную или двоюродную сестру, но при этом криоло-английский словарь фиксирует следующие значения лексемы: 1. мусор, 2. сестра, женщина, 3. человек, не имеющий власти или статуса, безработный, абориген вне закона [3]. То есть в значении данной лексемы отражен низкий статус называемого индивида. Характерно, что термин *rabish* употребляется как замена термина *sista* после инициации мальчиков и их перехода в отдельную семейную подгруппу во избежание внутрисемейных связей [6]. Аналогично лексема *olabat* используется применительно к братьям, главным образом, после инициации. Лексема *olabat* фактически является местоимением третьего лица множественного числа (*olabat pro. they; them; their; third person plural* [3]). По традиции, обозначаемой как *avoidance relationship*, братья и сестры из одной

семейной группы должны избегать друг друга, но данное правило касается не только физической удаленности и проживания в разных семейных группах после вступления мальчика в пубертатный период. Табу также проявляется вербально, поскольку братья и сестры не должны даже упоминать друг друга в разговоре [6]. Вероятно, именно в связи с этой социально-культурной особенностью вместо терминов *braja* и *sista* используются лексемы *rabish* и *olabat*, не являющиеся, по сути, терминами родства.

Таким образом, британские концепты оказались вписаны в индигенную систему родства, но претерпели при этом значительные изменения в содержании. Несмотря на сходство внешней формы, лексемы, вербализующие суперстратные концепты родства в австралийском криоле, существенно отличаются от исходных лексем в английском языке. Рассмотренные выше тенденции позволяют сделать вывод о том, что криольские концепты родства уже не принадлежат ни одной из исходных картин мира, а являются новыми, контактными образованиями, характерной особенностью которых является инкорпорирование в один концепт концептуальных признаков британской и индигенной картин мира.

Библиографический список

1. Hudson J. Grammatical and Semantic Aspects of Fitzroy Valley Kriol, 1983. 128 p.
2. Николаева О.В. Историко-культурные особенности сложения концептуальной картины мира пакеха в Новой Зеландии // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. №3. С. 337-343.
3. Kriol-English Dictionary // Электронный ресурс Интернет: <http://www1.aiatsis.gov.au/aseda/docs/0739-Kriol/index.1.html>.
4. Oxford English Dictionary // Электронный ресурс Интернет: www.oxforddictionaries.com.
5. Гиббс Р. Аборигены Австралии // На суше и на море. Научно-художественный географический сборник. Двадцать пятый выпуск. Издательство «Мысль», 1985 // Электронный ресурс Интернет: <http://www.bibliotekar.ru/Na-sushe/index.htm>.
6. Sandefur J. Kriol of North Australia: A Language Coming of Age / Summer Institute of Linguistics, Australian Aborigines Branch, Darwin, 1986. 90 p.

Сведения об авторе

Шастина Елена Владимировна
ассистент кафедры лингвистики и
межкультурной коммуникации
Дальневосточного федерального университета
E-mail: el.shastina@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

УДК 811.111'276.6:681.5

ПЕРЕВОД БАЗОВЫХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕРМИНОВ¹

А.И. Глазырина

Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург

В статье описывается методика отбора базовых терминов русского и английского компьютерных подязыков в русле коммуниктивно-функционального подхода к переводу, выделяются специальные единицы (русскоязычные эквиваленты англоязычных терминов) «двойного функционирования», относящиеся одновременно к разряду и терминов, и профессионализмов.

Ключевые слова: коммуниктивно-функциональный подход, базовые термины, английский компьютерный подязык, русскоязычные эквиваленты, профессионализмы, жанрово-стилистическая классификация текстов.

Translating Basic English Computer Terms **Anna Glazyrina**

Based on the communicative-functional approach to translation, the article describes a methodology for sampling basic terms in Russian and English computer sublanguages and singles out special “double function” units (Russian equivalents of English terms) which function simultaneously as terms and as professionalisms.

Key words: communicative-functional approach to translation, basic terms, English computer sublanguage, Russian equivalents, professionalisms, genre-stylistic classification of texts.

Лингвистическая специфика и функциональные особенности языков для специальных целей (ЯСЦ) / Languages for Special (Specific) purposes (LSP) выступают объектом пристального интереса лингвистов и терминологов. Одной из разновидностей ЯСЦ является компьютерный подязык, переживающий в последние десятилетия период бурного развития в связи с процессами компьютеризации различных сфер жизни, сопровождающимися активным проникновением в словарный фонд русского языка англоязычной компьютерной лексики. Компьютерный подязык в наши дни

¹ Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0096.

является информационно-приоритетным среди других подъязыков и, как следствие, по определению известного отечественного терминоведа В.М. Лейчика, представляет собой «сложный объект современного многогранного коммуникативного процесса, включающий интеллектуальное познание мира и обозначение результатов этого познания всей совокупностью собственных и привлеченных языковых / речевых средств соответствующего национального языка» [1. С. 159].

Лексика компьютерного подъязыка нуждается в адекватном переводе, поскольку в состав этой лексики входят не только терминологические единицы, как правило, одно-однозначно определяемые и дефинируемые в соответствующих отраслевых словарях, но и слова, не имеющие терминологического статуса. К числу последних относятся профессиональные жаргонизмы, компьютерный сленг и т.п. В статье описывается методика отбора базовых терминов русского и английского компьютерных подъязыков в русле коммуникативно-функционального подхода к переводу, выделяются специальные единицы (русскоязычные эквиваленты англоязычных терминов) «двойного функционирования», относящиеся одновременно к разряду и терминов, и профессионализмов.

Как же соотносятся между собой терминология и профессиональная лексика? Существуют диаметрально противоположные подходы к решению вопроса о разграничении профессиональной лексики и терминологии. Полагают, что эти два лексических пласта идентичны (Н.М. Шанский), различны (М.Д. Степанова, И.И. Чернышева), имеют общие черты (термины отличаются более упорядоченным и нормализованным характером, в то время как профессионализмы являются полуофициальными лексическими единицами, которые употребляются узким кругом специалистов, причем преимущественно в разговорном языке, то есть принадлежат к ненормативному пласту терминологии) [2. С. 11]. При этом профессионализмы могут использоваться специалистами в той или иной сфере человеческой деятельности как в качестве терминологических именовании, не имеющих формально закрепленного терминологического статуса, так и в качестве жаргонных слов, номинирующих объекты реальной

действительности, не получившие терминологического обозначения [3. С. 60].

Специальная лексика определяется З.И. Комаровой как «совокупность лексических средств, кроме общенародных и общенаучных, употребляемых в специальных областях человеческой деятельности» [4. С. 6] Данный подход базируется на двух признаках: 1) роль лексических средств с точки зрения глубины информации (понятийного содержания), которую они несут в специальной коммуникации; 2) нормативность-ненормативность специального слова.

Итак, в компьютерном подъязыке центральную зону занимает нормативная терминология, далее к ней примыкает профессиональное просторечие (правда, некоторыми исследователями не признаваемое), а затем – профессиональный жаргон и арго, которые сходятся и пересекаются в профессиональном идиолекте. При этом ядерный, центральный уровень сам по себе не является однородным, а включает отраслевую, узкоотраслевую и узкоспециальную терминологию. Наряду с терминологической и специальной лексикой компьютерный подъязык включает и часть общенародной лексики национального языка: 1) «строевая» лексика (предлоги, союзы, частицы); 2) средства логической связности (слова-маркеры, слова-индикаторы, слова-коннекторы); 3) часть общенародных слов разных частей речи [5. С. 45, 47].

Кроме того, компьютерный подъязык включает еще часть общенаучной и общетехнической терминологии, а также часть «введенных» терминов смежных областей знания. С одной стороны, компьютерный подъязык отличает «малая продолжительность жизни», что, на первый взгляд, должно выражаться в отсутствии «устаревших», вышедших из употребления слов. С другой стороны, стремительные темпы роста и качественные изменения в самом подъязыке свидетельствуют о наличии давно забытых и «неуклюжих» терминов, относящихся к пласту документалистики и библиотечного дела (*электронно-вычислительная машина, постоянно запоминающее устройство* и т.д.).

Стратификации (социолингвистическая, когнитивная, денотативная, категориально-понятийная) компьютерного подъязыка подразумевают расчленение исходных базовых терминов на группы по семантическому или тематическому принципу с выделением

семантических макро- и микрополей, тематических групп или логико-предметные областей с опорой на словарные дефиниции.

Русский компьютерный подъязык включает терминологию (нормативную и ненормативную) и номенклатуру. По каким же принципам происходит отбор базовых терминов? При обучении иностранному языку принято производить отбор терминов для словарей-минимумов с учетом шести принципов (критериев), к числу которых относятся следующие: 1) принцип сочетаемости слов; 2) принцип словообразовательной ценности; 3) принцип многозначности слова; 4) принцип стилистической неограниченности; 5) принцип строевой способности; 6) принцип частотности (см., к примеру, работы И.В. Рахманова).

Ввиду многочисленности принципов отбора и отсутствия обоснованного интегрального критерия последовательное их применение приводит к субъективизму в отборе. Поскольку существует высокая корреляция между выдвинутыми принципами отбора и частотой слова, в качестве интегрального критерия было предложено использовать частотность, то есть отдавать предпочтение при формировании лексического минимума высокочастотным словам.

Общепризнанным принципом отбора лексики является лингвостатистический анализ лексических единиц выбранных источников, при котором анализ функционально связанного текста начинается с составления списков всех содержащихся в исследуемом подъязыке лексем, расположенных в порядке убывания их частоты. Принцип частотности позволяет выявить частотное ядро лексического минимума.

Б.А. Лapidус и В.В. Морковкин выдвигают частотный критерий в качестве важнейшего. В.В. Кромер и Т.Г. Третьякова считают, что «частотный критерий интегрально удовлетворяет разработанным ранее шести принципам отбора (сочетаемость, стилистическая неограниченность, семантическая ценность, словообразовательная ценность, многозначность, строевая способность)» [6. С. 46]. Более того, В.В. Кромер выделяет даже меру употребительности слова, которая основывается на психофизических соотношениях [7].

Принцип частотности оценивается как самый надежный и объективный в работах многих исследователей, использовавших его применительно к отбору как лексики общелитературного языка, так и лексики научного стиля [8. С. 276]. Ряд лексикографов и методистов

(П.Н. Денисов, В.В. Морковкин, М.А. Скопина) отдают предпочтение принципу частотности, поскольку «по сравнению со всеми другими критериями оценки и отбора слов статистический критерий является наиболее объективным» [9. С. 79].

Признавая принцип частотности одним из ведущих, следует отметить, что при исследовании лексического состава научного стиля применение только количественного метода недостаточно. При отборе лексики принцип функциональности не должен вступать в противоречие с принципом частотности, хотя в отдельных случаях это неизбежно. Вне внимания исследователя может оказаться достаточно большой массив наиболее информативных лексических единиц научного стиля речи, которые, как правило, обладают малой частотой употребления. Избежать подобной ошибки помогает принцип необходимости и достаточности. Соблюдение этого принципа позволяет включать в терминологический словарь лексические единицы, которые имеют малую частоту употребления, однако несут большую смысловую нагрузку, обладают большой информативностью и необходимы для понимания функционально связанного текста.

Кроме того, ведущим является и принцип системности. Системность терминов обуславливается собственно языковыми свойствами терминологических единиц: семантико-деривационными, словообразовательными, омонимическими, дублетными (наличие профессионализмов, областных терминов, разговорных дублетов и т.п.), антонимическими, а также наличием различных вариантов термина и т.п. В нашем исследовании предпочтение отдавалось гиперониму.

Как отмечает А.И. Кузнецова, «наиболее реалистичный подход к лексике – многомерный, полипараметрический, при котором каждый из параметров позволяет выделить свое ядро и свою периферию». Количество параметров, существенных для лексико-семантической системы, конечно и хорошо известно: 1) функциональная активность или употребительность, получаемая из частотных словарей конкретного языка; 2) деривационная активность (межсловная и внутрисловная продуктивность), устанавливаемая по количеству значений у слова в словаре; 3) синтагматическая активность (широкая сочетаемость); 4) парадигматическая поддержанность (вхождение в многочленные синонимические ряды),

извлекаемая из словарей синонимов и двуязычных словарей (цит. по: [10. С. 9-14]).

Кроме того, зачастую в качестве дополнительного принципа применяется собственный практический опыт переводческой работы авторов словарей или метод экспертной оценки [11].

Ранее нами была представлена и обоснована многоступенчатая методика отбора базовых терминов русского компьютерного подъязыка [12]. На текущий момент возникла необходимость в обновлении данного списка. Поскольку компьютерный подъязык с 80-х годов «куется» в англоязычных странах, базовые термины целесообразно отбирать в англоязычном компьютерном подъязыке.

В качестве источников материала исследования использовались глоссарии восьми учебников и учебных пособий. Общий список проанализированных англоязычных терминов компьютерного подъязыка составил 5016 единиц.

Наиболее обширный глоссарий (обозначенный как англо-русский словарь компьютерных терминов) содержится в работе «Английский язык в области компьютерной техники и технологий» [13] и насчитывает 1250 единиц. В глоссарий были включены компьютерные термины и сокращения, представляющие особую сложность.

На втором месте по количественному составу специальных единиц — 910 и 769 — находятся учебники «Professional English in Use ICT» (S.R. Esteras, E.M. Fabre) и «Check Your English Vocabulary For Computers Information Technology: All you need to improve your vocabulary» (J. Marks) соответственно.

Далее следуют учебники «Infotech. English for Computer Users. Student's book» (S.R. Esteras) и «Oxford English for Computing» (K. Voeckner, P. Charles Brown), содержащие 622 и 514 единиц соответственно.

Закрывают список «Basic English For Computing: Student's Book» (E.H. Glendinning, J. McEvan), «Infotech Student's Book (Cambridge Professional English)» (S.R. Esteras), «Penguin Quick Guides Computer English (Penguin English)» (M. Eayrs), приводящие в своих глоссариях 389, 311 и 251 специальную единицу соответственно.

В каждом из вышеприведенных англоязычных изданий иногда оговаривается тип приведенных специальных единиц. В «Oxford English for Computing» (K. Voeckner, P. Charles Brown) оговаривается,

что данный глоссарий содержит технические термины (technical terms) и сокращения / аббревиатуры (abbreviations). «Basic English For Computing: Student's Book» (Е.Н. Glendinning, J. McEvan) содержит компьютерные термины (computing terms) и сокращения / аббревиатуры (abbreviations). «Professional English in Use ICT» (S.R. Esteras, E.M. Fabre) оперирует такими понятиями, как компьютерные термины (computer terms) и ИКТ термины (ICT terms).

В среднем каждый учебник (учебное пособие) содержит 627 единиц. Сопоставив глоссарии данных учебников и учебных пособий, мы получили 3278 уникальных единиц, 1583 дублирующихся единицы, 155 вариантов. Составленный нами список базовых терминов английского компьютерного подязыка насчитывает 756 единиц, что в 1,2 раза превышает среднее количество единиц в словниках.

Приведем примеры тех терминов, которые демонстрируют «двойное» назначение в специальных словарях [14; 15; 16; 17], т.е. выступают и в качестве терминов, и в качестве профессионализмов: *alignment* – выравнивание, **проф.** выключка [14]; *bar* – **вчт.** вертикальная черта, **проф.** прямой слэш, символ [17]; *bit* – **сл** сведения [15], **вчт.**; **проф.** сведения [17]; *bitmap* – **проф.** "битмапка" [15], **проф.** битовая карта [17]; *browser* – **проф.** браузер [15], **вчт.**, **проф.** браузер [17]; *bug* – **проф.** отказ [17]; *bullet* – **проф.** "горошина" [17]; *clip art* – **вчт.**, **проф.** клипарт [17]; *clipboard* – **вчт.**, **проф.** "пюпитр" [17]; *cookie(s)* – **сл** "выпечка" [15], **вчт.**, **проф.** вышедший из строя; "сгоревший" [17]; *cracker* – **проф.** "крекер" [17]; *customize* – **вчт.**, **проф.** настраивать самостоятельно [17]; *cut* – **проф.** фрагмент записи; кадр [17]; *cyborg* – **проф.** киборг [17]; *digitize* – **проф.** оцифровывать [17]; *directory* – **проф.** директория; папка [15]; *flash* – **вчт.**; **проф.** "решётка" [17]; *flash memory* – **проф.** флэш-память [15]; *flip* – **проф.** флип, транспонирование [изображения в анимации] [14]; *freeze* – **проф.** замораживание || **проф.** замораживать [15]; *function* – **проф.** функция (в стандарте USB) [17]; *grammar checker* – **проф.** спел-чекер [14]; *grid* – **вчт.**; **проф.** "решётка" [17]; *hands-free* – **тлф.**, **проф.** режим "свободные руки при разговоре" [17]; *hard disk* – **проф.** дисковод, винчестер [14]; *hardware* – **проф.** "железо", "железки" [15]; *headset* – 1) **проф.** наушник или наушники; 2) **проф.** стереонаушники [17]; *hotspot* – **проф.** хот-спот / хот спот [14], **проф.** горячая точка [17]; *hub* – **проф.** хаб [14], **проф.** хаб, устройство соединения ветвей

многоточечной сети [16], 1) **проф.** хаб, устройство соединения ветвей многоточечной сети; 2) концентратор, **проф.** хаб а) *многопортовый повторитель с дополнительными функциональными возможностями* б) *сайт с развитой адресной справочной службой* [17]; *icon* – **проф.** иконка [15]; *instruction* – **проф.** научение [17]; *jam* – **проф.** "джем" [17]; *link* – **проф.** линк [15]; *macro* – **проф.** макрос [15]; *mainframe* – **вчт., проф.** "большой компьютер" [16]; *mainframe (computer)* – **вчт., проф.** "большой компьютер" [17]; *match* – **проф.** попадание [17]; *monitor* – **проф.** осуществлять мониторинг [17]; *netiquette* – **проф.** сетикет [17]; *offline* – **вчт.; проф.** оффлайновый [17]; *online* – **вчт.; проф.** онлайнный [17]; *plug* – **проф.** папа [14]; *query* – **проф.** вопрос (название символа) [15]; *recycle bin* – **проф.** "корзина для мусора" [17]; *rendering* – **проф.** "рендеринг" [17]; *screen saver* – **проф.** хранитель экрана [17]; *script* – **проф.** скрипт [14]; *smart card* – **проф.** смарт-карта [14], **проф.** смарт-карта [17]; *snail mail* – **проф.** "улиточная почта" [17]; *socket* – **проф.** сокет [14]; *spam* – **sl** спам [15], **проф.** спам; незапрашиваемая рекламная электронная почта || распространять незапрашиваемую рекламную электронную почту [17]; *systems analyst* – **проф.** системщик [15]; *thread* **проф.** тред [14]; *thumbnail* – **проф.** "контролька", контрольное изображение [14]; *transmitter* – **проф.** трансмиттер [14]; *upgrade* – **проф.** апгрейд [14]; *upload* – **проф.** выгрузить [14]; *widow* – **проф.** висячая строка [15]; *wildcard* – **проф.** "вдова" [14].

Анализ компонентного состава исследуемых единиц специальной номинации показывает следующее: доля однокомпонентных специальных единиц насчитывает 3089 ед., двухкомпонентных – 236 (включая дублирующие единицы – 1568). Доля лексем специального назначения, имеющих в своем составе более двух компонентов, составляет 357 единиц.

В числе отобранных базовых единиц англоязычного компьютерного подъязыка выявлены 100 лексем, русскоязычные эквиваленты которых в словниках, представленных в обследованных источниках языкового материала, выступают как в качестве терминов, так и в качестве профессионализмов.

В ряду этих единиц специальной номинации единственная лексема (*hub*) имеет помету **проф.** в трех словарях [14; 16; 17]. 11 лексем имеют пометы в двух словарях (*bit, browser, burn, cookie(s), drop cap, hotspot, sensor, slash, smart card, spam, speaker*). Все единицы

за исключением *bit, cookie(s)* (**sl.**; **вчт.**, **проф.**) *browser* (**проф.**; **вчт.**, **проф.**), *spam* (**sl.**; **проф.**) отмечены пометой **проф.** Зачастую помета **проф.** сопровождается пометой, обозначающей ту или иную более узкую предметную область в рамках тематики специального толкового словаря. Расположим эти комбинации в порядке уменьшения их частотности: **вчт.**, **проф.** (15 единиц) – *bar, broadcast, browser, customize, clip art, clipboard, display, flash, grid, mainframe, mainframe (computer), offline, online, reverse, stroke*; **sl**; **вчт.**; **проф.** (2 единицы) – *bit, cookie(s)*; **проф.**, **микр.**; **проф.** (2 единицы) – *analog, feature*; **тлв.**, **вчт.** (1 единица) – *dot pitch*; **тлф.**, **проф.** (1 единица) – *hands-free*.

Из сказанного можно сделать вывод о том, что структуру лексического значения какой-либо отдельно взятой языковой единицы, входящей в состав компьютерного подязыка, могут формировать лексико-семантические варианты, реализующие в совокупности терминологическое и жаргонно-сленговое значения.

Проблема разграничения терминологического и жаргонно-сленгового компонентов в семантике исследуемой компьютерной лексики может быть решена в рамках сопоставительного изучения сфер функционирования данных единиц. Данные, полученные в ходе изучения функциональных особенностей отобранных единиц специальной номинации, в целом коррелируют с типологией коммуникативных ситуаций с использованием перевода (КСП второго типа), предложенной В.В. Сдобниковым [18].

Библиографический список

1. Лейчик В.М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. М.: КомКнига, 2006.
2. Кияк Т.Р. Лингвистические аспекты терминоведения. Киев: УМКВО, 1989.
3. Скребнев Ю.М. Основы стилистики английского языка. М.: Аст: Астрель, 2000.
4. Комарова З.И. Структура специального слова и ее лексикографическое описание. Свердловск: Изд-во Уральского ГУ, 1991.
5. Хасаншина Г.В. Латинизированный семантический метаязык в русском агрономическом подязыке: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004.
6. Кромер В.В., Третьякова Т.Г. Проект немецко-русского словаря-минимума газетной лексики // Современные технологии обучения

иностранным языкам в высшей школе: Материалы межвуз. научно-метод. конф. (Новосибирск, 26 января 1999 г.). Новосибирск: НГАВТ, 1999. С. 45-47.

7. Кромер В.В. Мера употребительности слова, основанная на психофизических соотношениях // Математические структуры и моделирование: Материалы междунар. семинара «Методы прикладных математических и информационных технологий в многодисциплинарных исследованиях и проектах» (Омск, 6–8 октября 1998 г.). Вып. 3. Омск: Омский ГУ, 1999. С. 47-48.

8. Иванов А.В. Метаязык фонетики и метрики: Монография. Архангельск: Поморский ун-т, 2004.

9. Денисов П.Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. М.: Русский язык, 1993.

10. Титов В.Т. Общая квантитативная лексикология романских языков. Воронеж: Воронежский ГУ, 2002.

11. Масловский Е.К. Русско-англо-немецко-французский словарь по вычислительной технике. М.: Русский язык, 1990.

12. Глазырина А.И. Английские контактные элементы в русском компьютерном подъязыке. Екатеринбург: Уральский ГПУ, 2010.

13. Английский язык в области компьютерной техники и технологий. М.: КНОРУС, 2012.

14. Англо-русский толковый словарь терминов и сокращений по вычислительной технике, Интернету и программированию / Сост. Э.М. Пройдаков, Л.А. Теплицкий. М.: Русская редакция, 2011.

15. Англо-русский словарь по вычислительной технике и программированию / Сост. Е.К. Масловский. М.: АBBYY Ltd., 2008.

16. Александров А.В. Англо-русский словарь по телекоммуникациям. М.: Руссо, 2004.

17. Новый англо-русский словарь по радиоэлектронике / Сост. Ф.В. Лисовский. М.: Руссо, 2005.

18. Сдобников В.В. Коммуникативная ситуация как фактор определения стратегии перевода // Вестник НГЛУ. Выпуск 14. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2011. С. 114-124.

Сведения об авторе

Глазырина Анна Игоревна
кандидат филологических наук, доцент,
зав. кафедрой перевода и переводоведения
Уральского государственного педагогического университета
E-mail: glazyrina-anna@mail.ru

УДК 811.112.2'255.2

ПЕРЕВОД БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОЙ ЛЕКСИКИ В СОВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ¹

Е.А. Дженкова

*Волгоградский государственный социально-педагогический университет,
Волгоград*

В статье уточняется терминологический статус понятий «безэквивалентность», «безэквивалентная лексика» и «лакунарность», «лакуна». Рассматриваются различные виды безэквивалентной лексики и возможные способы перевода безэквивалентных единиц на материале романа современного немецкого писателя Томаса Бруссига «Солнечная аллея» и его перевода на русский язык.

Ключевые слова: безэквивалентная лексика, лакуна, виды безэквивалентных единиц, способы перевода безэквивалентной лексики в текстах художественной литературы.

Translating Words with No Direct Equivalents in Other Languages in Modern German Literature Ekaterina Dzhenkova

The paper discusses the terms “culture specific words,” “words with no direct equivalents in other languages” and “lacuna,” describes different types of German words with no direct equivalents in other languages, and lists techniques used in their translation, based on the Russian translation of the novel “At the Shorter End of Sonnenallee” by the modern German writer Thomas Brussig.

Key words: culture specific words, types of words with no direct equivalents in other languages, lacuna, translation of culture specific words in works of literature.

Проблема изучения и перевода безэквивалентной лексики не нова в лингвистике и переводоведении. Она до сих пор не теряет своей актуальности, вновь и вновь привлекая внимание исследователей в связи с бурным развитием таких наук, как этно- и психолингвистика, лингвокультурология, лингвострановедение. При сопоставлении языков и лингвокультур этнокультурные различия проявляются фактически на всех уровнях, но особенно ярко связь языка и культуры выявляется в ходе исследования единиц словарного состава языка, включающего национально маркированную лексику.

¹ Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0096.

Другими словами, именно безэквивалентная лексика отражает специфику национальной культуры народа, является хранителем его национально-культурного наследия, выполняя своего рода кумулятивную функцию, и представляет тем самым большую трудность для переводчиков.

В данной статье рассматриваются различные виды безэквивалентной лексики, анализируются возможные способы перевода безэквивалентных единиц. В качестве исходной гипотезы принято положение, в соответствии с которым в целях адекватной передачи каждого вида безэквивалентной лексики средствами переводящего языка применяются свои, в той или иной степени типизированные, специфические способы перевода.

По определению Л.Л. Нелюбина, безэквивалентная лексика представляет собой «лексические единицы (слова и устойчивые словосочетания), которые не имеют ни полных, ни частичных эквивалентов среди лексических единиц другого языка» [1. С. 24-25]. Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров определяют безэквивалентную лексику сходным образом. По их мнению, к данной категории относятся «слова, служащие для выражения понятий, отсутствующих в той или иной культуре или ином языке, слова, относящиеся к частным культурным элементам, т.е. к культурным элементам, характерным только для культуры А и отсутствующим в культуре Б, а также слова, не имеющие перевода на другой язык одним словом, не имеющие эквивалентов за пределами языка, к которому они принадлежат» [2. С. 58]. Однако отсутствие эквивалента в языке перевода совсем не означает принципиальную неперевоодимость безэквивалентной лексики, поскольку у переводного языка все же находятся средства для передачи коммуникативного эффекта исходного текста. В связи с этим А.К. Гатилова предлагает трактовать «безэквивалентность» как относительную категорию, связанную с невозможностью перевода по межъязыковым аналогам и необходимостью использования особого приема [3].

При определении термина «безэквивалентность» нельзя обойти вниманием сходный термин «лакунарность». Многие лингвисты ставят между данными понятиями знак равенства, понимая лакуны либо как «отсутствие в одном языке какой-либо лексической единицы, имеющейся в другом языке» [4. С. 35], либо как «пропуски в лексической системе языка, отсутствие слов, которые, казалось бы,

должны были бы существовать в языке, если исходить из его отражательной функции и из лексической системы данного языка» [5. С. 244]. В лингвистике и переводоведении существует более широкое толкование лакунарности, которое не только фиксирует отсутствие в языке перевода какой-либо лексической единицы или отдельных компонентов значения, но и репрезентирует любую непонятность, непривычность (экзотичность), чуждость (незнакомость) предметов или явлений для получателя текста, которая может быть связана с отсутствием того или иного культурного концепта или его меньшей значимостью [6. С. 53-55]. Последнее определение более характерно для интердисциплинарных наук, в частности, для культурологии. Представляется целесообразным придерживаться лингвистической трактовки понятия лакунарности, в соответствии с которой лакунарность приравнивается к безэквивалентной лексике.

В традиционных классификациях безэквивалентной лексики выделяются следующие группы лексических единиц:

1. Слова-реалии, составляющие большую часть безэквивалентной лексики и определяемые как «слова и словосочетания, называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому» [7. С. 55]. К данной группе мы относим наименования, которые Л.К. Латышев называет «временно безэквивалентной лексикой».

2. Имена собственные, формирующие отдельную подгруппу слов-реалий, поскольку при их передаче средствами переводящего языка применяются особые способы перевода [8. С. 63].

3. Случайные лакуны, под которыми понимаются обозначения существующих в обеих лингвокультурах явлений и объектов действительности, не получивших, однако, в одном из языков своего наименования; к случайным лакунам мы также относим так называемые слова широкой семантики (например, *рука* - *Arm, Hand, сумки* – *vierundzwanzig Stunden, Tag und Nacht*).

4. Структурные экзотизмы, которые мы, вслед за Л.К. Латышевым, выделяем в отдельную подгруппу случайных лакун и под которыми понимаем отсутствующие в языке перевода «компактные» наименования какого-либо явления или объекта в виде одной лексической единицы исходного языка, образованные по

особым словообразовательным моделям, отсутствующим в языке перевода [9. С. 157-159].

В практике перевода известны следующие способы передачи безэквивалентной лексики: транслитерация, калькирование, описательный (разъяснительный) перевод, примечания переводчика. Следует отметить, что транслитерация обычно понимается широко и включает помимо собственно транслитерации, т.е. передачи графической формы исходного слова средствами переводящего языка, еще и транскрипцию, когда передается звуковая форма. Кроме того, приведенный перечень переводческих приемов можно дополнить, включив в него приближенный, трансформационный и гипо-гиперонимический виды перевода. Приближенный перевод отличается тем, что переводчик использует ближайшее по значению слово-соответствие языка перевода. Сущность трансформационного перевода заключается в перераспределении значения безэквивалентной единицы, требующей перестройки синтаксической структуры предложения. О гипо-гиперонимическом переводе речь идет в том случае, когда для слова в оригинале, передающего видовое понятие-реалию, находят эквивалент в языке перевода, называющий соответствующее родовое понятие, или наоборот [10. С. 90; 11. С. 119].

Сталкиваясь с безэквивалентной лексикой, переводчик всякий раз решает проблему выбора того или иного способа передачи данного разряда слов. Выбор пути, как известно, зависит от нескольких предпосылок, а именно: от характера исходного текста, от значимости безэквивалентной лексики, реалий в контексте, от характера самой безэквивалентной единицы, ее места в лексических системах исходного и переводящего языков, от самих языков, их словообразовательных возможностей, литературной и языковой традиции, а также от читателей, адресатов перевода [10. С. 90-91].

Рассмотрим более подробно характер безэквивалентной лексики на материале художественного произведения «Солнечная аллея» современного немецкого автора Томаса Бруссига [12] и текста перевода этого произведения на русский язык, выполненного филологом, литературным критиком и переводчиком М.Л. Рудницким [13].

Обратившись к **словам-реалиям**, можно установить, что около 40% от общего количества примеров перевода безэквивалентной

лексики данного типа было переведено с использованием приближенного перевода, например: *Als er vom S-Bahnhof ... ging...* – ...*Когда он шел от станции метро...* В приведенном примере слово-реалия „*S-Bahnhof*“, обозначающее станцию наземной скоростной железной дороги, используемой в Германии как городской и пригородный транспорт, а также для сообщения между близлежащими городами, передается на русский язык как «*станция метро*», что в данном случае является оптимальным способом перевода. Однако в другом примере предпринятая трансформация приводит к искажению содержания: «*Fünfundzwanzig Jahre Sibirien! Fünfundzwanzig Jahre Sibirien für ein halbes Pfund Kaffee!*» Переводчик заменяет слово-реалию „*Pfund*“ на «*килограмм*». В данном случае перевод является неточным, так как „*ein halbes Pfund*“ в два раза меньше по весу, чем «*полкило*». Соответственно, по выражению героя, 25 лет Сибири можно было получить всего лишь за контрабанду 250 граммов кофе.

Менее распространенными при передаче слов-реалий оказываются калькирование (напр.: *Westberliner* – *западноберлинец*, *Jahrestag der Republik* – *День Республики*) и описательный перевод (напр.: *Sie hatten... gelernt, woran sich Republikflüchtlinge erkennen lassen.* – ...*как с первого взгляда распознать умысел на незаконное пересечение государственной границы с целью бегства из республики*). В последнем примере историзм „*Republikflüchtlinge*“ переводчик заменяет развернутым словосочетанием, состоящим из 11 слов, что, с одной стороны, не лишено громоздкости формулировки, но, с другой стороны, обеспечивает понимание текста.

Транслитерация при передаче слов-реалий используется сравнительно редко, поскольку перевод может быть неясным для реципиента. В тех случаях, когда прибегают к транслитерации, значение переводимого слова может дополнительно объясняться при помощи описательного перевода, например: *Guck mal 'n echter Zoni! Смотри-ка, живой зонни! Зонни – это в смысле житель восточной зоны.*

Единичными примерами представлен гипо-гиперонимический и трансформационный перевод слов-реалий. Первый способ иллюстрирует предложение *Um Häuser zu bauen, die so aussehen, wie's die SED will?*, в котором переводчик заменяет название правящей партии в ГДР „*SED*“ (*Sozialistische Einheitspartei Deutschlands* –

Социалистическая единая партия Германии) на гипероним «партия». В качестве примера трансформационного перевода приведем предложение *Sie saßen stolz um den Apparat [Telefon – Е.Д.] herum und fühlten sich wie bei der **Bescherung***. – ... каждый чувствовал себя **именинником**. В данном случае речь идет о комбинации синтаксической трансформации с приближенным переводом, поскольку переводчик, во-первых, заменяет компаративную конструкцию с союзом *wie* на существительное в творительном падеже, во-вторых, использует вместо понятия „*Bescherung*“ (дословно *обмен подарками на Рождество*) понятие «именинник», связанное с другим праздником.

Имена собственные, как особый разряд безэквивалентной лексики, переводятся в подавляющем большинстве примеров (77%) с помощью транслитерации (*Erdmute Löffeling* – *Эрдмуте Леффелинг*, *Baumschulenstraße* – *Баумшюленштрассе*). Значительно реже используется описательный перевод (напр.: ...*mit Matchbox-Autos*... – ... *в виде игрушечных автомобильных моделей*) или его сочетание с транслитерацией (*Strausberg* – *Штраусберг*, *город в 40 км к востоку от Берлина*).

Следует отметить, что реально существующие географические наименования (*BRD* – *ФРГ*), названия улиц (*Karl-Marx-Allee* – *аллея Карла Маркса*), достопримечательностей (*Neptunbrunnen* – *фонтан Нептуна*), гостиниц („*Schweizer Hof*“ – «*Швейцарский двор*») переводятся в романе при помощи калькирования, в том числе в сочетании с транслитерацией.

В единичных случаях переводчик прибегает к гипогиперонимическому переводу, заменяя конкретное название товара на гипероним: «*Haste 'n Metschi?* – *А машинка у тебя есть?*»

Используемые в романе «говорящие» имена, обладающие внутренней формой и выполняющие номинативно-характеризующую функцию, передаются на русский язык при помощи приближенного перевода (*Brille* – *очкарик*, *Wuschel* – *волосатик*, *Kante* – *финка*), а также способа прямой подстановки, т.е. буквального перевода значений (*Helene Rumpel* – *Хелена Хлам*, *Schrapnell* – *Шрапнель*).

Случайные лакуны, как еще одна разновидность безэквивалентной лексики, передаются преимущественно при помощи приближенного перевода (59% от общего количества примеров перевода случайных лакун), например: ... *wann sein Vater*

Feierabend hat – ...когда у отца **выходной**; *der Recorder leierte entsetzlich* – ... завывал **нещадно**, *Als Micha wieder Herr seiner Sinne war...* – **Едва Миха пришел в себя**.... Как показывают приведенные примеры, данный вид перевода используется для передачи как свободных, так и устойчивых единиц.

Трансформационный перевод использовался в трети из всех случаев передачи случайных лакун. В качестве иллюстрации приведем следующее предложение: «...*er sah sie nur noch als Beifahrerin auf der AWO verschwinden* – ...успел увидеть лишь спину **Мириам на заднем сиденье умчавшегося мотоцикла**».

Описательный перевод представлен лишь отдельными примерами (*Sein Vernehmer lachte ihn aus...* – **Человек, который его допрашивал**...), в которых случайную лакуну переводчик заменяет развернутым словосочетанием или вводит определительное придаточное предложение.

Для передачи **структурных экзотизмов** переводчик романа «Солнечная аллея» чаще всего использует приближенный перевод (51%), например: *Fahndungslisten* – **розыск**; *Aber dann wollte Mario sich sein Geld als Schwarztaxifahrer verdienen* – **Марио собирался подрабатывать леваком**. По степени распространенности за ним следуют: описательный перевод (напр., *Scheidungskind* – **ребенок, травмированный разводом**, *Schulschönste* – **самая красивая девчонка в школе**), трансформационный перевод (напр., *Micha ging, um den Denkfehler zu finden.* – **Миха ушел разбираться, где в его рассуждениях изъян**), калькирование (напр., *Jastimmen* – **голоса «за»**, *Hohnlachen* – **издевательский смех**).

Отдельного внимания заслуживает перевод **аббревиатур**, поскольку их понимание является сложным даже в процессе общения представителей одной и той же культуры. В ситуации двуязычного опосредованного общения, каковым является перевод художественного текста, переводчик зачастую отказывается от сокращенного наименования в пользу замены аббревиатуры полным переводом соответствующей реалии (*FDJ* → *Freie Deutsche Jugend* → **союз свободной немецкой молодежи**), применяя описательный перевод (*SFBear* → **западное радио**), гипо-гиперонимический перевод (*SED* → **партия**). Лишь в небольшом количестве случаев использовалась транслитерация (*die AWO* → **AWO**), что, по нашему мнению, не раскрывает содержания слова-реалии, которое может

остаться для реципиента либо вообще непонятным, либо стать лишь приблизительно понятным из контекста.

Резюмируя сказанное, можно сделать вывод, что для каждого вида безэквивалентной лексики существуют наиболее характерные способы перевода. Общим для всех подвидов слов-реалий, случайных лакун и структурных экзотизмов является то, что для передачи их значений чаще всего применяется приближенный перевод. При этом приближенный перевод, несмотря на свою неточность уместен в тех случаях, когда, во-первых, аналоговая замена имеет тот же коммуникативный эффект, что был заложен в тексте оригинала, и, во-вторых, когда переводимая безэквивалентная единица не является существенной для понимания всех компонентов содержания текста оригинала.

Различия при передаче слов-реалий, случайных лакун и структурных экзотизмов касаются частотности применения других способов перевода. Так, по данным нашего исследования, следующим по частотности способом перевода слов-реалий является калькирование, за которым следует описательный перевод. Для передачи средствами переводящего языка случайных лакун, кроме приближенного перевода, используется трансформационный перевод и лишь иногда описательный перевод и калькирование. В то же время вторым по частотности способом перевода структурных экзотизмов является описательный перевод, за которым следует трансформационный перевод и калькирование.

Калькирование безэквивалентных единиц может использоваться в тех случаях, когда значение переведенных таким образом языковых единиц понятно реципиенту и не будет противоречить нормам переводящего языка. В противном случае рекомендуется применять трансформационный перевод. Описательный перевод из-за своей громоздкости используется реже приближенного перевода, однако он уместен, если другие способы перевода передают значение безэквивалентной единицы недостаточно точно или неясно. Транслитерация при передаче значений слов-реалий используется редко, а при переводе случайных лакун и структурных экзотизмов вообще не применяется, так как переведенные таким образом слова могут быть непонятными для реципиентов. Данный способ перевода используется в том случае, когда калькирование слова-реалии в языке перевода невозможно в связи с его словообразовательной моделью, и

при этом значение слова-реалии может быть понято при помощи контекста или дополнительно использующегося описательного перевода.

В отличие от слов-реалий, случайных лакун и структурных экзотизмов транслитерация является наиболее часто применяемым способом перевода имен собственных. В сочетании с транслитерацией при передаче имен собственных может использоваться описательный перевод, когда переводчику нужно передать реципиенту дополнительную информацию, необходимую для полного понимания всего заложенного автором смысла текста оригинала. При передаче «говорящих» имен используется также прямая подстановка, нетипичная для перевода безэквивалентных единиц, но позволяющая сохранить в языке перевода номинативно-характеризующую функцию «говорящего» имени.

Особую сложность в процессе перевода представляют безэквивалентные аббревиатуры, при передаче которых используются калькирование расшифровки аббревиатуры, описательный или приближенный перевод. Транслитерация при переводе аббревиатур используется редко, так как переведенные таким образом безэквивалентные единицы могут остаться непонятными для реципиентов. Транслитерацию аббревиатур рекомендуется сочетать с другими способами перевода, более ясно передающими значение безэквивалентной лексемы.

Безусловно, отнесенность исследуемой безэквивалентной лексики к тому или иному виду является не единственным фактором, влияющим на выбор варианта перевода, однако не стоит и преуменьшать его значимость. От использования того или иного способа передачи безэквивалентной лексики зависит создание такого текста на переводящем языке, который полностью репрезентирует оригинальный текст, раскрывает его национально-культурную специфику, передает авторскую картину мира и в конечном итоге обеспечивает полноту восприятия оригинального текста.

Библиографический список

1. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. М.: Флинта: Наука, 2003. 320 с.

2. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. *Язык и культура*. М., 1973. 269 с.
3. Гатилова А.К. Безэквивалентная лексика как понятие и явление: На материале нем. и рус. яз. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1996. 171 с.
4. Эйнуллаева Е.А. Лакуны в структуре языковой личности и их заполнение в межкультурной коммуникации (на примере английского и русского языков): Дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 167 с.
5. Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков: Учеб. для студ. пед. ин-тов по спец. «Иностр. яз.». 3-е изд., дораб. М.: Просвещение, 1989. 288 с.
6. Ермолович Д.И. Наш перевод, вперед лети! В лакуне остановка // Мосты. № 1 (23). М.: Р. Валент, 2009. С. 48-67.
7. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1986. 416 с.
8. Аверкина Л.А. Современная классификация безэквивалентной лексики и особенности ее перевода (на материале немецкого и русского языков) // Проблемы языка, перевода и межкультурной коммуникации: Сборник научных трудов. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2002. С. 61-70.
9. Латышев Л.К. Технология перевода: Учебное пособие по подготовке переводчиков (с немецкого языка). М.: НВИ-Тезаурис, 2000. 280 с.
10. Дьяченко Е.А. Реалии как лингвистическое явление // Культура как текст: Материалы научной конференции. Выпуск V. Москва: ИЯ РАН; Смоленск: СГУ, 2005. С. 83-91.
11. Виноградов В.С. Перевод: Общие и лексические вопросы: Учебное пособие. 2-е изд., перераб. М.: КДУ, 2004. 240 с.
12. Brussig Th. *Am kürzeren Ende der Sonnenallee*. Fischer Verlag GmbH. 161 S.
13. Бруссиг Т. Солнечная аллея. М.: Слово, 2004. 187 с.

Сведения об авторе

Дженкова Екатерина Александровна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры немецкой филологии
Волгоградского государственного
социально-педагогического университета
E-Mail: ekaterina.dzhenkova@rambler.ru

УДК 378.147:81'253

РОЛЬ И МЕСТО АБЗАЦНО-ФРАЗОВОГО ПЕРЕВОДА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ ПЕРЕВОДЧИКОВ¹

Д.И. Остапенко

Воронежский государственный университет, Воронеж

Статья посвящена проблеме определения роли и места устного последовательного абзацно-фразового перевода в профессиональной подготовке переводчиков. Автор рассматривает специфику обучения абзацно-фразовому переводу в русле коммуникативно-функционального подхода к переводу.

Ключевые слова: устный перевод, последовательный абзацно-фразовый перевод, коммуникативно-функциональный подход, профессиональная подготовка переводчиков.

Consecutive Interpretation of Whole Phrases and Paragraphs in Professional Interpreter Training

Darya Ostapenko

The article discusses the role and place of consecutive interpretation of whole phrases and paragraphs in the professional training of interpreters and examines specific methodologies for teaching such interpretation within the communicative-functional approach to translation and interpretation.

Key words: interpreting, consecutive interpretation of whole phrases and paragraphs, communicative-functional approach, professional interpreter training.

В условиях глобальной экономической, политической и общественной интеграции в современном мире успех коммуникации между представителями различных культур имеет огромное значение. Отсюда очевидна роль качественного перевода – как устного, так и письменного – в обеспечении успеха данной коммуникации. Вместе с интенсификацией межкультурных контактов растут и требования к качеству перевода. Согласно исследованиям в области обыденной философии языка [1; 2; 3], для наивного пользователя качественный перевод – это такой перевод, в котором «все слова переведены». Однако в научной среде проблема качества перевода и критериев его оценки по-прежнему остается актуальной и, как показывает практика, не имеет однозначного решения [4; 5; 6]. В настоящее время считается, что критерии оценки качества перевода не сводятся только

¹ Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0096.

лишь к степени эквивалентности и адекватности, но должны также учитывать ситуацию перевода, стоящую перед переводчиком задачу и выбранную им стратегию [4].

Профессиональная подготовка квалифицированных специалистов в области перевода должна осуществляться именно с учетом современных требований к переводчику и продукту его деятельности. К сожалению, сегодня многие исследователи в области теории и дидактики перевода продолжают придерживаться трансформационного подхода к переводу как процессу и как продукту [7; 8]. В рамках данного подхода перевод расценивается лишь как трансформация, перевыражение текста на одном языке при помощи средств другого языка, при этом цель перевода, равно как и реальная коммуникативная ситуация, в которой протекает данный вид человеческой деятельности, во внимание не принимаются. В результате этого обучение переводу направлено преимущественно на освоение технологии перевода, другими словами – на овладение различными переводческими приемами, трансформациями и т.п. [9. С. 189-190; 10. С. 115-116]. Конечно, необходимость владения такими навыками и умениями не стоит недооценивать, поскольку данные аспекты являются базовыми, обучение им должно осуществляться на начальных этапах подготовки профессиональных переводчиков.

Данную подготовку целесообразно проводить в рамках коммуникативно-функционального подхода, который позволяет сформировать у студентов комплексное представление о переводе как о коммуникативном акте, характеризующемся наличием определенной структуры, конкретной цели, задач и функций. Данный подход подразумевает моделирование на занятии возможной коммуникативной ситуации, определение цели создания исходного текста и текста перевода, коммуникативной интенции автора исходного текста (ИТ), ведущей и сопутствующих функций обоих текстов, предполагаемого коммуникативного эффекта ИТ и переводного текста (ПТ) (цели создания, функции и коммуникативный эффект ИТ и ПТ могут различаться [11], поэтому предпочтительнее рассматривать каждую из ситуаций отдельно), а также анализ информации об участниках ситуации общения, а именно: о потенциальном отправителе и получателе ИТ и ПТ. Таким образом, у студентов появляется возможность представить коммуникативную ситуацию в совокупности всех ее элементов,

выйти за рамки текста и проанализировать не только его формальные и структурные признаки, но и коммуникативный контекст в целом, что, в свою очередь, позволит повысить уровень качества перевода. В основном принципы коммуникативно-функционального подхода можно назвать универсальными, а следовательно, применимыми в обучении как письменному, так и устному переводу.

Перед тем как мы перейдем к определению роли и места абзацно-фразового перевода в профессиональной подготовке переводчиков, а также к рассмотрению методики обучения данному подвиду устного перевода в русле коммуникативно-функционального подхода, обратимся к его специфике. Последовательному абзацно-фразовому переводу присущ ряд особенностей, общих для всех разновидностей устного перевода. Как и в случае собственно последовательного или синхронного перевода, для абзацно-фразового перевода характерен целый ряд особенностей: устная форма существования ИТ и ПТ, ограниченность во времени, однократность восприятия текста оригинала и предъявления текста перевода, невозможность оперирования всем текстом оригинала и корректировки текста перевода после его озвучивания, а также прямой контакт с участниками коммуникативной ситуации.

Являясь разновидностью последовательного перевода, абзацно-фразовый перевод отличается от собственно последовательного перевода объемом предъявляемого для перевода текста. В ситуации абзацно-фразового перевода оратор произносит одно или несколько предложений, после чего осуществляется их перевод. Принято различать устный последовательный абзацно-фразовый односторонний и двусторонний перевод. Абзацно-фразовому одностороннему переводу подлежат, к примеру, публичные выступления, доклады, презентации, лекции и т.д. Абзацно-фразовый двусторонний перевод может применяться в случае деловых переговоров, интервью, бесед, дискуссий и т.п.

Сегодня последовательный абзацно-фразовый перевод (как односторонний, так и двусторонний) относится к высоко востребованной разновидности переводческих услуг, поэтому профессиональной подготовке специалистов-переводчиков в данной области необходимо уделять должное внимание. Традиционно обучение абзацно-фразовому переводу начинается с самых ранних

этапов освоения студентами дисциплины «Устный перевод» и продолжается на всех последующих ступенях.

Процесс обучения абзацно-фразовому переводу должен представлять собой гармоничный синтез теории и практики, поскольку «невозможно овладеть переводческой профессией, не осознав целей, задач, закономерностей, особенностей, механизмов осуществления переводческой деятельности; в то же время осознание специфики перевода как вида человеческой деятельности возможно только на основе изучения самого процесса перевода, осуществляемого на практике, и анализа практических результатов переводческой деятельности» [9. С. 189]. Следовательно, будущие специалисты-переводчики должны быть способны совершать осознанный, теоретически подкрепленный выбор переводческой стратегии, тактики и отдельных операций.

Стратегия перевода представляет собой «программу осуществления переводческой деятельности, формирующуюся на основе общего подхода переводчика к выполнению перевода в условиях определенной коммуникативной ситуации двуязычной коммуникации, определяемую специфическими особенностями данной ситуации и целью перевода и, в свою очередь, определяющую характер профессионального поведения переводчика в рамках данной коммуникативной ситуации» [12. С. 115], в то время как тактика, то есть «системно организованная совокупность переводческих операций, используемых с целью достижения поставленной цели перевода» [12. С. 122], и конкретные операции, под которыми понимают «любые действия переводчика, направленные на выбор средств ПЯ с целью создания текста перевода» [12. С. 122], определяются избранной переводческой стратегией. Выбор той или иной стратегии перевода во многом зависит от коммуникативной ситуации и специфической совокупности ее параметров [12. С. 115]. Неверная оценка коммуникативной ситуации влечет за собой неадекватный выбор стратегии перевода, тактики и, в конечном счете, операций, что приводит к значительному снижению качества финального продукта переводческой деятельности. Поэтому перед осуществлением перевода того или иного конкретного текста представляется рациональным предложить студентам детально проанализировать возможную коммуникативную ситуацию, ее параметры и компоненты.

В процессе овладения техникой абзацно-фразового перевода у студентов также должен быть сформирован целый ряд как общих, так и специальных профессиональных навыков, умений и качеств: навыки аудирования исходного сообщения, большой объем оперативной памяти, быстрое и эффективное переключение с одного языка на другой, навыки трансформации, обширный лексический запас, управление речевыми механизмами, навыки прогнозирования, языковой интуиции и речевой догадки, владение речевыми жанрами, высокий уровень речевой техники и пр. В силу специфики предъявления исходного сообщения в ситуации абзацно-фразового перевода переводчик не располагает возможностью полностью ознакомиться с текстом оригинала во время его озвучивания, проследить за ходом мысли автора, выявить общую логику повествования, в отличие от ситуации собственно последовательного перевода, что, несомненно, создает дополнительные трудности и может привести к возникновению разнообразных искажений исходного сообщения при переводе. Пожалуй, одним из самых ярких примеров такого рода переводов может служить перевод интервью или деловых переговоров, когда ошибки при переводе вопроса влекут за собой неадекватный ответ и моментальную негативную реакцию коммуниканта, задававшего вопрос. Но не стоит забывать, что коммуникативная ситуация задает общие параметры протекания коммуникативного процесса, поэтому представляется возможным проследить или же восстановить логические внутритекстовые связи путем применения ретроспективного или прогностического механизмов, на что в учебной ситуации следует обращать особое внимание студентов.

Итак, абзацно-фразовый перевод является подвидом устного перевода, обладающим определенной спецификой, и играет немаловажную роль в профессиональной подготовке переводчиков. Наиболее эффективным подходом к обучению абзацно-фразовому переводу, на наш взгляд, можно назвать коммуникативно-функциональный подход, который позволяет достичь более высокого уровня качества перевода посредством учета реальной или возможной коммуникативной ситуации, а также всех ее компонентов и параметров.

Библиографический список

1. Кашкин В.Б. Бытовая философия языка и языковые контрасты // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып. 3. Аспекты метакоммуникативной деятельности. Воронеж: ВГТУ, 2002. С. 4-34.
2. Кашкин В.Б. Обыденная философия языка, наивная лингвистика и наивная лингвистическая технология // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. 1. Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 41-60.
3. Кашкин В.Б., Княжева Е.А. Метакогнитивный аспект перевода: стереотипы обыденного и профессионального сознания // Социокультурные проблемы перевода. Вып. 9. Воронеж: Издат.-полиграф. центр ВГУ, 2010. С. 34-43.
4. Петрова О.В. Существуют ли универсальные критерии оценки качества перевода? // Вестник ВГУ. Вып. 2. Лингвистика и межкультурная коммуникация. Воронеж: Издат.-полиграф. центр ВГУ, 2009. С. 119-123.
5. Княжева Е.А. Оценка качества перевода: проблема теории и практики // Вестник ВГУ. Вып. 2. Лингвистика и межкультурная коммуникация. Воронеж: Издат.-полиграф. центр ВГУ, 2010. С. 190-195.
6. Иванова Т.В. Оценка качества устного перевода: коммуникативный подход // Вестник НГЛУ им. Н.А. Добролюбова. Вып.14. Нижний Новгород: ГОУ ВПО НГЛУ, 2011. С. 79-87.
7. Нелюбин Л.Л. Толковый переводческий словарь. М.: Флинта: Наука, 2003. 320 с.
8. Алексеева И.С. Введение в переводоведение: Учеб. пособие для студ. филолог. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. СПб: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издат. центр «Академия», 2004. 352 с.
9. Сдобников В.В. Перевод как коммуникативный акт: дидактический аспект // Вестник НГЛУ им. Н.А. Добролюбова. Вып.1. Научное сотрудничество с зарубежными университетами-партнерами. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2005. С. 184-191.
10. Сдобников В.В. Коммуникативный подход в теории и дидактике перевода // Культура и текст. Вып. 5. М.: ИЯ РАН; Смоленск: СГУ, 2005. С. 113-122.
11. Петрова О.В. Переводческие стратегии в свете коммуникативно-функционального подхода к переводу // Вестник НГЛУ им. Н.А. Добролюбова. Вып.14. Нижний Новгород: ГОУ ВПО НГЛУ, 2011. С. 105-113.

12. Сдобников В.В. Коммуникативная ситуация как фактор определения стратегии перевода // Вестник НГЛУ им. Н.А. Добролюбова. Вып.14. Нижний Новгород: ГОУ ВПО НГЛУ, 2011. С. 114-124.

Сведения об авторе

Остапенко Дарья Игоревна
аспирант кафедры теории перевода и межкультурной коммуникации
Воронежского государственного университета
E-mail: daryaostapenko@mail.ru

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ КУЛЬТУР

УДК 821.112.2(430)(091)

„PUSCHKIN IST KEIN WODKA, SONDERN EIN DICHTER“ DEUTSCH-RUSSISCHE FRAUEN EROBERN DIE LITERATURSZENE

S. Schwerter

École des Hautes Études en Sciences Sociales (EHESS), Paris, France

**«Пушкин – это не водка, а поэт»: русские эмигрантки завоевывают популярность
в немецких литературных кругах**

Штефани Швертер

Статья посвящена трем немецким писательницам-выходцам из России, которые в 1990-е годы переехали в Германию. Лена Горелик, Алина Бронски и Ольга Грязнова, будучи детьми, покинули разваливающийся Советский Союз. Сегодня они самые популярные авторы современной немецкой литературы. На их произведения повлиял личный опыт миграции, в них затрагиваются темы интеграции, дискриминации и антисемитизма. С иронией и юмором освещают Горелик, Бронски и Грязнова культурные отличия между Россией и Германией.

Ключевые слова: миграция, современная немецкая литература, культурные отличия, интеграция, дискриминация, антисемитизм.

**“Pushkin Is Not a Vodka, But a Poet”: Russian Immigrant Women Writers Gain
Popularity in Germany’s Literary Community**

Stephanie Schwerter

This article looks at the work of three contemporary German-Russian women writers who immigrated to Germany in the 1990s. Having left the disintegrating Soviet Union in their childhood, Lena Gorelik, Alina Bronsky and Olga Grjasnowa count among the most popular authors in modern German literature. The three writers’ work is inspired by a very personal experience of immigration and touches upon themes such as integration, discrimination and anti-Semitism. With the use of irony and humor, Gorelik, Bronsky and Grjasnowa shed a new light on cultural differences between Russia and Germany.

Key words: immigration, contemporary German literature, cultural differences, integration, discrimination, anti-Semitism.

Mit seinem im Jahre 2000 veröffentlichten Buch *Russendisko* verlieh Wladimir Kaminer als erster Migrant der deutschen Kulturszene eine russische Stimme. In kürzester Zeit avancierte er zur Kultfigur des deutsch-russischen Milieus Berlins. Durch seine zahlreichen Bücher,

Sendungen bei Radio MultiKulti und seinen legendären Tanzveranstaltungen mit ausschließlich russischsprachiger Musik, wurde er auch außerhalb Deutschlands bekannt. Trotz seines ungeschmälerten Ruhmes ist Kaminer heute nicht mehr der einzige russische Schriftsteller, der mit einem Blick von außen seine alte und neue Heimat unter die Lupe nimmt. In den letzten Jahren gesellten sich eine Reihe junger Autorinnen zu ihm, die in ihrer Jugend aus der ehemaligen Sowjetunion emigriert sind. Die von ihnen diskutierten Themen sind vielfältig und gehen weit über die Darstellung der eigenen Migrationserfahrung hinaus. Die Auseinandersetzung mit traumatischen Erlebnissen, Identitätsfindung, sowie die kritische Betrachtung kultureller Unterschiede stehen im Mittelpunkt ihrer Bücher. Zur Illustration der ausgedehnten Themenpalette werden im Folgenden exemplarisch Werke von drei aus Russland ausgewanderten und in Deutschland heimisch gewordenen Frauen beleuchtet. Es handelt sich dabei um die Autorinnen Lena Gorelik, Alina Bronsky und Olga Grjasnowa, die ihre Bücher auf Deutsch verfassen. Auffallend ist die humoristische Herangehensweise mit der die Schriftstellerinnen ihre Umwelt darstellen. Im Sinne einer bachtinschen Karnevalisierung [1. S. 16] erreichen sie eine Unterminierung eingefahrener Wertesysteme, sowohl auf deutscher als auch auf russischer Seite. Mit Ironie und Sarkasmus betrachten sie diese aus einer neuen Perspektive, wobei kritische Sachverhalte auf ihren negativen Kern reduziert und grotesk verzerrt wiedergegeben werden. Auf diese Weise erzielen die Autorinnen eine kritisch-subversive Illustration gesellschaftlicher Konventionen.

Lena Gorelik

Die Autorin wurde 1981 in Leningrad geboren und kam im Alter von 11 Jahren als Kontingentflüchtling mit ihrer jüdisch-russischen Familie nach Deutschland. 2004 veröffentlichte sie ihr erstes Buch, *Meine weißen Nächte*. Auf ihren Debütroman folgten *Hochzeit in Jerusalem* (2006), *Verliebt in Sankt Petersburg* (2008), *Lieber Mischa... Du bist Jude* (2012) und *Sie können aber gut Deutsch!* (2012). Zusammen mit Alina Bronsky ist sie zur Zeit die produktivste deutsch-russische Schriftstellerin, wobei ihr Werk an ihrer persönlichen Lebensgeschichte inspiriert ist. Die Tatsache, dass sämtliche Bücher aus der Perspektive einer Ich-Erzählerin geschrieben sind verstärkt den Eindruck einer autobiographischen Dimension. Während Goreliks erster Roman sich mit dem Verlassen

Russlands und dem neuen Leben in Deutschland beschäftigt, setzt sie sich in ihrem zweiten, teilweise in Israel spielenden Buch dezidiert mit ihren jüdischen Wurzeln auseinander und auch *Verliebt in Sankt Petersburg* thematisiert ihre eigene Persönlichkeitsentwicklung mittels einer Reise in die Vergangenheit, in der die Autorin ihre alte Heimat neu entdeckt. *Lieber Mischa... Du bist Jude* wird nach der Geburt ihres ersten Kindes veröffentlicht [2] und beleuchtet somit eine weitere Entwicklungsphase der Autorin. Die Thematik des Werkes ist von der neuen Erfahrung des Mutterdaseins geprägt: mit Humor erklärt Gorelik ihrem Sohn was es bedeutet, in der heutigen Zeit ein Jude zu sein. Ihr letztes Buch mit dem Titel *Sie können aber gut Deutsch!* ist eine essayistische Reflexion zur Integrationsdebatte in Deutschland.

Die in Goreliks ersten Roman angesprochen Themenbereiche erfahren in den folgenden Werken eine Weiterentwicklung bzw. Vertiefung. In *Meine weißen Nächte* berichtet die jugendliche Protagonistin Anja über ihre Emigration nach Deutschland. Aus wirtschaftlichen Gründen entscheidet sich die Familie, von ihrem Status als Juden Gebrauch zu machen, um die Sowjetunion zu verlassen. Die Romhandlung spielt in den 90er Jahren als sich für Personen jüdischer Abstammung die Möglichkeit eröffnete, als Kontingentflüchtlinge nach Deutschland zu immigrieren und eine unbefristete Aufenthaltsgenehmigung zu erhalten [3]. Viele von ihnen verließen die sich auflösende Sowjetunion, um ökonomischer Instabilität und antisemitischen Einstellungen zu entfliehen [4. S. 14]. Auf ironische Weise beleuchtet Gorelik den Pragmatismus russischer Juden, die plötzlich ihr Judentum entdecken, da es ihnen die Ausreise ermöglicht. Für viele von ihnen war zuvor der Begriff „Jude“ lediglich der sogenannte „fünfte Punkt“ im sowjetischen Pass, ein Eintrag, der in den meisten Fällen Diskriminierung durch den Staat nach sich zog. In *Meine weißen Nächte* illustriert Gorelik diese in der zerfallenden Sowjetunion herrschende Atmosphäre und durch die Schilderung der Situation aus der Perspektive der jugendlichen Anja malt Gorelik ein drastisches Bild der politischen Lage:

Jeder versucht nun, Russland zu verlassen. Im Westen ist alles gut, in Russland nichts. Plötzlich hat es auch etwas Gutes, Jude zu sein. Juden haben die Möglichkeit auszureisen, sie werden entweder in Israel und manche sogar in Amerika aufgenommen [5. S. 85].

Die Wahl des Einwanderungslandes wird von den Romanfiguren aus sachlichen Überlegungen getroffen. Als Israel und Deutschland sich als Optionen gegenüber stehen, gewinnt Deutschland auf Grund seiner milderen klimatischen Bedingungen. Die Aussage von Anjas Vaters: „Ich will nicht nach Israel, da ist es mir zu heiß“ [5. S. 87] bringt den Pragmatismus der Familie auf den Punkt. Durch die nüchterne Beschreibung der Entscheidungsfindung des Vaters karikiert die Autorin die opportunistische Einstellung weiter Teile der russischen Juden. Trotz seiner blutigen, anti-semitischen Geschichte wird Deutschland aus praktischen Gründen dem „heiligen Land“ vorgezogen.

Übertriebene Darstellungen vom Traum eines besseren Lebens im Westen werden in *Meine weißen Nächte* von historisch-fiktionalen Erklärungen zum russischen Antisemitismus abgelöst. Auf diese Weise vermittelt die Autorin dem deutschsprachigen Leser einen Einblick in eine andere, ihm unbekanntere Art von Diskriminierung. Die Protagonistin berichtet beispielsweise von ihren jüdischen Großeltern, die unter dem Zaren nur in Ghettos leben durften und hofften, dass sich durch die Oktoberrevolution die Situation verbessern würde. Sie mussten jedoch zusehen wie in der Sowjetunion die alte Judenfeindlichkeit reproduziert wurde [5. S. 90]. Der sowjetische Antagonismus drückte sich unter anderem in Klauseln aus, die über die Anzahl der Juden an den Universitäten bestimmten [5. S. 88]. Im Verlauf des Romans kreiert Gorelik eine bachtinsche Dialogisierung konträrer Weltansichten [6. S. 262]. Durch das Aufeinandertreffen gegenseitiger Standpunkte erzielt sie somit ein vielseitiges Bild antisemitischer Haltungen. Die von Anjas Eltern vertretene Auffassung von Diskriminierung wird dem Antisemitismus-Diskurs in Deutschland entgegengesetzt. Geschildert aus dem Blickwinkel der Protagonistin erscheint die deutsche Haltung in einem grotesken Licht:

Später, in Deutschland, werden mich meine Eltern fragen, was denn hinter der Walser-Debatte steckt, worüber man sich eigentlich so aufrege, Antisemitismus ist, wenn er vom Staat kommt. Antisemitismus ist, wenn der fünfte Punkt im Pass steht und Jude ein oft gebrauchtes Schimpfwort ist [5. S. 89].

Für Anjas Eltern ist Martin Walsers Friedenspreisrede und die sich daran entfachende Kontroverse [7] zu weit von der sowjetischen

Wirklichkeit entfernt. Theoretische Erwägungen zum Umgang mit der Erinnerung an den Holocaust stoßen bei ihnen auf Unverständnis: das Erleben von Antisemitismus war in der Vergangenheit nicht abstrakt, sondern prägte konkret das tägliche Leben. Ihre Erleichterung nach der Emigration nach Deutschland nicht mehr durch einen Eintrag in ihren Pass als Juden gebranntmarkt zu sein, unterstreicht das Ausmaß der erlittenen Diskriminierung:

Darüber, dass es den fünften Punkt in einem deutschen Pass nicht gibt, freuen sich meine Eltern Jahre später in Deutschland immer wieder. Kein fünfter Punkt im Pass. Staatsangehörigkeit: deutsch [5. S. 90].

In *Hochzeit in Jerusalem* vertieft Gorelik die in ihrem ersten Roman angesprochene Judenthematik. Das Buch stellt eine Weiterführung des Erstlingswerkes dar: die schon bekannte Figurenpalette wird übernommen und vergrößert. Die Protagonistin Anja reist mit ihrer Familie nach Israel, um ihre weitläufige Verwandtschaft kennenzulernen und sich mit ihren jüdischen Wurzeln auseinander zu setzen. *Hochzeit in Jerusalem* kann im Sinne Bachtins als polyphoner Roman bezeichnet werden, der von einer Dialogisierung divergierender Perspektiven lebt [6. S. 262]. Ähnlich wie in *Meinen weißen Nächten* werden russische und deutsche Auffassungen von Antisemitismus als gegensätzlich und unvereinbar dargestellt. Durch das Aufeinandertreffen divergierender Weltsichten und Wertesysteme kommt es zu einer karnevalesken Betrachtung des viel diskutierten Themas. Erneut werden die Auffassungen des Vaters als Spiegel benutzt, um sowohl russische als auch deutsche Positionen in Frage zu stellen. Der trockene Erzählton in dem die Einstellung des Familienvaters beschrieben wird verstärkt die Komik der Situation:

In Rußland erkennt man Juden am Aussehen. Dies gilt nicht als antisemitisch, es ist normal. Deutsche Freunde reagieren entrüstet, wenn ihnen mein Vater zu erklären versucht, woran man das Jüdischsein erkennt: „Siehst du, siehst du, wegen der Nase, Glatze, Gesicht, einfach alles. An seinen Augen siehst du, dass er klug ist“, sagt mein Vater, während die Deutschen schockiert den Kopf über diese Klischeeaufzählung schütteln [8. S. 127].

Die wenig reflektierte Haltung des Vaters wird ironisch dem gezwungen politisch korrekten Diskurs in Deutschland entgegengesetzt. Auf diese Weise illustriert Gorelik beide Standpunkte subversiv als überzogen. Das beidseitige Unverständnis verweist auf die historisch- und kulturellbedingten Unterschiede, die in der Vergangenheit zu einer bestimmten Denkweise geführt haben.

Ein von Gorelik häufig eingesetztes Stilmittel ist das Spiel mit Stereotypen. Der 1922 vom amerikanischen Journalist Walter Lippmann konzipierte Begriff „Stereotyp“, bezeichnet eine simplifizierende Darstellung bestimmter Personengruppen. Diese kann sich unter anderem auf Angehörige bestimmter Nationen, Religionen, Altersgruppen oder sozialer Schichten beziehen. Den Zugehörigen zu einer Gruppe werden dabei spezifische Eigenschaften zugeschrieben, ohne unter den einzelnen Individuen zu differenzieren [9. S. 25]. Stereotypen bergen jedoch die Gefahr in sich, ein verfälschtes Bild zu erzeugen, da sie oft auf verzerrten Vorstellungen beruhen [10. S. 153]. Gorelik bedient sich übertrieben stereotypischer Darstellungen, um Verhaltens- und Denkweisen von Russen, Deutschen und Juden zu karikieren.

Mit *Lieber Mischa... Du bist ein Jude* widmet die Autorin ein gesamtes Buch der jüdischen Thematik. Unter Einsatz von Stereotypen dekonstruiert sie gängige Auffassungen des Judentums. Das in einem persönlichen Ton geschriebenen Werk richtet sie an ihren Sohn Mischa, wobei die Autorin aus der Mutterperspektive heraus Vorurteile und antisemitische Haltungen illustriert, um ihn auf die Zukunft vorzubereiten. In der *Frankfurter Allgemeinen Zeitung* verweist Jochen Hieber auf Goreliks „anekdoten- und arabeskenreiche“ Erzählweise (2011) und bezeichnet das Buch als die „wundersamste Erziehungsfibel, die ein Einjähriger wohl je erhielt“. *Lieber Mischa* ist von Ironie geprägt, wodurch Gorelik eine subversive Dekonstruktion bestehender Vorurteile gelingt. An den Rändern ist der Text mit einer Vielzahl von Kommentaren versehen, in denen die Autorin ihre eigenen Ausführungen erklärt, relativiert bzw. humoristisch unterminiert. An einigen Stellen wird dem Leser sogar mit einem „Kommentar zum Kommentar zum Kommentar“ [11. S. 22, 50] präsentiert. Durch diese sich teilweise gegenseitig widersprechenden Bemerkungen entsteht eine doppelte Ironie, die Gorelik erlaubt, spielerisch mit einem sensiblen Thema umzugehen. Nach Uwe Spörl funktioniert Ironie durch die Ablösung von *simulatio* und *dissimulatio*. *Simulatio* bedeutet dabei die vermeintliche Übernahme der gegnerischen Position

und *dissimulatio*, die Unkenntlichmachung des eigenen Standpunktes [12. S. 89]. Die Diskrepanz zwischen Gesagtem und Gemeintem dient demnach als „Ironiesignal“ [12. S. 89]. In *Lieber Mischa* spielt Gorelik mit eben dieser Diskrepanz und übernimmt gängige Vorurteile, um diese kurze Zeit später wieder zu dekonstruieren. Ihre humoristisch-ironische Herangehensweise zeigt sich an Kapitelüberschriften wie „Die Top Ten der antisemitischen Vorurteile: Warum sie wahr sind“ und „Die zehn coolsten Juden der Welt“. Gängige Stereotypen wie „Juden haben Hakennasen“, „Juden haben viel Geld“, „Juden sind Lobbyisten, klüngeln“, sowie die „Jüdische Weltverschwörung“, werden von der Autorin kritisch beleuchtet und widerlegt [11. S. 9].

Das Spiel mit Stereotypen prägt auch *Meine weißen Nächte*. In ihrem ersten Roman ironisiert Gorelik insbesondere die unter den Deutschen verbreiteten falschen Vorstellungen von Rußland. Die Protagonistin, die davon überzeugt ist, dass Deutsche Russen für „Außerirdische“ halten [5. S. 52], provoziert mit irreführenden Aussagen ihre Umgebung. Am Beispiel einer Konversation zwischen Anja und ihrem Bekannten Martin karikiert die Autorin deutsche Ignoranz:

Dostojewski hat kaum einer gelesen, aber Wodka saufen, das tun sie, die Russen, nicht wahr? Ich nippe an meinem russischen Wodka-Lemon und höre mir die üblichen Fragen an. Ob man Wodka schon zum Mittagessen trinkt, das hat er mal gehört. Ob alle Russen Wodka trinken. Ja, tun sie, eigentlich schon zum Frühstück, Wodka macht schneller wach als Kaffee [5. S. 26].

Durch Martins naive Fragen stilisiert Gorelik Wodka zum klischeehaften Symbol für Russland. Das geringe Wissen der Deutschen über den kulturellen Hintergrund russischer Einwanderer wird durch den Kommentar einer dritten Figur auf die Spitze getrieben. Nachdem Anja ihrem Freund Jan entrüstet von ihrer Unterhaltung mit Martin berichtet hat, fragt dieser sarkastisch: „Mußtest Du ihm erklären, dass Puschkina ein Dichter und nicht ein Wodka ist?“ [5. S. 26].

Ein weiteres sich durch Goreliks Werk ziehende Thema ist die Suche nach einer religiös-spirituellen Identität. In *Meine weißen Nächte* wird dies am Bruder der Protagonistin illustriert, der am sogenannten „Kontingentenkomplex“ [5. S. 42] leidet: In seinem dritten Jahr in Deutschland entdeckt Andrej plötzlich seine Jüdischkeit, lernt Hebräisch,

besucht regelmäßig die Synagoge und verbringt einen Sommer in einem israelischen Kibbuz [5. S. 42]. Seine Begeisterung für das Judentum hält jedoch nach seiner Rückkehr nicht lange an: „Ungefähr zu demselben Zeitpunkt, als sein Sonnenbrand aus Israel nicht mehr zu sehen war, war es auch mit seiner Religiosität vorbei“ [5. S. 42]. Inspiriert durch eine neue Leidenschaft durchläuft Andrej daraufhin eine Phase des Marxismus, die schlagartig mit dem Wechsel der Freundin in eine übertriebene Identifizierung mit dem Christentum übergeht. Als auch diese Beziehung sich ihrem Ende neigt, beschließt Andrej, ein Jahr nach Afrika zu gehen, um sich aus ideologischen Gründen einer Hilfsorganisation anzuschließen. Nach seiner Rückkehr verabschiedet er sich allerdings wiederum rasch von seinen humanitären Ambitionen und wendet sich dem Buddhismus zu. Durch die groteske Beschreibung der zwischen religiösen und politischen Extremen oszillierenden Figur, illustriert Gorelik die Schwierigkeit russischer Migranten ihre Stellung in der neuen Gesellschaft zu finden. Andrejs Wirrungen werden von seiner amerikanischen, als Psychiaterin praktizierenden, Tante als „Emigrantensyndrom“ diagnostiziert. Andrej suche nach einer „geistigen Heimat“, da er „irgendwann mal plötzlich aus seiner gewohnten Umgebung herausgerissen worden war“ [5. S. 44]. Durch die Bemerkung der Tante, dass sich in den Vereinigten Staaten viele russische Einwanderer der Scientology Sekte zuwenden würden, verweist Gorelik auf ein globales Problem. Nicht nur in Deutschland, sondern auch in anderen Teilen der Welt, ist die Suche nach einer spirituellen Identität vor allem für Migranten eine wichtige Frage.

Das Thema Identität tritt ebenfalls in *Verliebt in Sankt Petersburg* auf. Das Buch ist die autobiographische Erzählung einer Reise nach Rußland, die die Autorin mit ihrem besten Freund mehr als zehn Jahre nach ihrer Emigration unternimmt. Mit neuen Augen betrachtet sie die alte Heimat, die ihr sowohl bekannt als auch fremd erscheint. Die Rückkehr in die Vergangenheit ist eine in der deutschen Migrantenliteratur vermehrt zu findende Thematik, so erinnert Goreliks Erzählung zum Beispiel an das 2006 erschienene Buch *Polski Tango* von Adam Soboczynski. Der Schriftsteller wurde in Polen geboren und kam in den 80er Jahren nach Deutschland. Zwanzig Jahre später bereist Soboczynski das Land seiner Kindheit, welches er aus deutsch-polnischer Perspektive neu entdeckt.

In *Verliebt in Sankt Petersburg* bezeichnet Gorelik ihre Fahrt nach Russland als „eine Zeitreise“ [13. S. 31]. Einerseits nimmt sie in der Stadt die Sowjetunion und den ihr bekannten Sozialismus wahr [13. S. 158],

andererseits ist sie nicht mehr im Stande, die Gegebenheiten in Sankt Petersburg zu dekodieren. Zu viele Veränderungen haben sich seit ihrer Auswanderung nach Deutschland in ihrer alten Heimat zugetragen, was letztendlich zu einer Verunsicherung ihrer russischen Identität beiträgt. Da sie sich nicht mit den Petersburgerinnen zu identifizieren vermag, zweifelt sie daran, eine „echte“ Russin zu sein. Während die Frauen der Hauptstadt mit langen Fingernägeln und kurzen Röcken auf hohen Absätzen durch die Straßen stolzieren, trägt sie ungeschminkt Jeans und flache Schuhe. In mehreren Passagen beschreibt die Autorin das russische Frauenbild, welches ihr aus westlicher Perspektive gesehen absurd erscheint. Dabei unterscheidet sie wiederholt zwischen „richtigen russischen Frauen“ [13. S. 41] und sich selbst:

Eine Frau, eine richtige Frau, die trägt Absätze. Stilettos. Höhe: ab zehn Zentimeter aufwärts. Und Röcke. Aber richtige Röcke. Also Gürtel auf Deutsch. Sie trägt Lippenstift und blickt möglichst geheimnisvoll distanziert. Ich, trage Sneakers. Ich besitze Sneakers in jeder Farbe des Regenbogens. Die haben gar keine Absätze und sind sehr bequem. [...] Dazu trage ich Jeans. Meine Gürtel stecken in den Gürtelschlaufen und dienen nicht als Rockersatz [13. S. 40].

Ebenfalls hinterfragt Gorelik das betont feminine Auftreten der russischen Frauen indem sie ironisch die Theorie einer „Frauenshule“ aufstellt, welche jedes russische Mädchen in seiner Jugend durchlaufen müsse. Dort würden sie „das Stolzieren“ und den „geheimnisvollen Blick“ lernen [13. S. 45]. Ironisch erklärt sie, dass ihr diese Ausbildung vorenthalten wurde, da sie sich im dem betreffenden Alter schon in Deutschland befunden habe [13. S. 44]. Durch ihre Ausführungen verweist Gorelik humoristisch auf kulturell geprägte Geschlechterrollen. Obwohl sie erklärt „ich bin Russin im Grunde meines Herzens“ [13. S. 60], scheint mit den von ihr als „echte[n] Russinnen“ [13. S. 44] beschriebenen Frauen nicht viel zu teilen. Durch Einsatz von karnevaleskem Humor deutet Gorelik auf eine migrationsbedingte Perspektivverschiebung hin: sowohl ihre Identitätsauffassung als auch ihre Wertvorstellungen sind in großem Maße von ihrem Leben in Deutschland bestimmt. Auch ihre Verwandten kommentieren ihre schwindenden Ortskenntnisse mit einem: „Lenka, du bist ja keine Russin mehr!“ [13. S. 116]. In Deutschland verkeht sich die Situation für die Autorin jedoch ins Gegenteil. In *Sie sprechen aber gut*

Deutsch! beklagt Gorelik, von ihrer Umwelt trotz ihres akzentfreien Deutschs und ihrer deutschen Ausbildung, ständig als Russin abgestempelt zu werden. In ihrem Buch vertieft sie die Thematik, indem sie sich in ihren Reflexionen nicht ausschließlich auf die nach Deutschland übergesiedelten russischen Kontingentflüchtlinge konzentriert, sondern auch andere Migrantengruppen miteinbezieht. Vermehrt diskutiert sie ihr gespaltenes Verhältnis zu ihrer deutsch-russischen Identität. Ihr russischer Hintergrund erscheint der Autorin plötzlich als ein mit bestimmten Konnotationen verbundener Makel:

Denn ich schäme mich neuerdings für mein Russisch. Russisch klingt hart, Russisch ist die russische Mafia, Russisch sind die Besatzer der Roten Armee, Russisch ist wahrlich kein aufregendes Spanisch oder elegantes Französisch. Nicht ganz so schlimm wie Türkisch vielleicht, aber auch nicht viel besser [13. S. 137].

Ironisch macht Gorelik auf eine vermeintliche Migrantenrangliste aufmerksam, die sie in deutschen Köpfen zu erkennen scheint. Demnach wird einer Person französischer bzw. spanischer Abstammung ein höherer Stellenwert zu Teil als einer russischen Migrantin. Durch ihren beißenden Kommentar, dass Russisch „nicht ganz so schlimm wie Türkisch“ sei, spricht sich Gorelik gegen die wertende Kategorisierungen von Zuwanderern aus.

Die Autorin beschäftigt sich ebenfalls mit der Frage, ob Migranten ihre ursprüngliche Identität ablegen müssen, um als Deutsche akzeptiert zu werden:

Kann ich nicht deutsch-russisch sein oder russisch-deutsch oder sonst irgendeine Mischung sein? Also noch einmal umformuliert: Dass ich die Reste meines russischen Ichs abgeben muß, um mich in Deutschland zuhause zu fühlen [13. S. 177].

An der Gegenüberstellung der beiden Bücher *Verliebt in Sankt Petersburg* und *Sie sprechen aber gut Deutsch!* wird deutlich, dass sich Gorelik sowohl in Russland als auch in Deutschland mit ihrer doppelten Identität auseinandersetzt. Die Tatsache, dass sie in ihrem bisher letzten Werk ihre Reflexionen auch auf andere Migrantengruppen ausdehnt zeugt von einem Streben nach einer größeren Öffnung. Der Wunsch eine

Verbindung zwischen verschiedenen Migrantengruppen herzustellen kann ebenfalls in Werken anderer Autoren beobachtet werden. In seinem Film *Soul Kitchen* läßt Fatih Akin beispielsweise Deutsche, Türken, Chinesen und Griechen zusammenkommen. Anhand einer Integration verschiedener Nationalität entfernt sich Akin von einem rein deutsch-türkischen Diskurs. Auch Olga Grjasnowa stellt in ihrem Roman Verbindungen zwischen verschiedenen ethnischen Milieus her, wie im Verlauf der vorliegenden Studie noch aufgezeigt wird.

Alina Bronsky

Alina Bronsky wurde 1978 in Ekaterinenburg geboren und verbrachte ihre Kindheit auf der asiatischen Seite des Uralgebirges. Anders als Gorelik verließ sie nicht als Kontingentflüchtling die Sowjetunion, sondern kam als Tochter russischer Wissenschaftler nach Deutschland. Ihre Mutter, eine Astronomin, und ihre Vater, ein Physiker, folgten universitären Einladungen [14]. 2008 veröffentlichte sie *Scherbenpark*, ihren ersten Roman, der in kürzester Zeit zum internationalen Bestseller wurde. Verlage aus 15 Ländern erwarben die Auslandsrechte des Buches. Die Bühnenfassung des Romans wurde 2012 in vier Theaterhäusern gespielt und die Verfilmung des Buches kam im Januar 2013 in die deutschen Kinos. Ihr zweiter Roman, *Die schärfsten Gerichte aus der tatarischen Küche*, wurde 2010 veröffentlicht und zur Zeit schreibt Bronsky an einer phantastischen Jugend-Roman-Trilogie von der die ersten beiden Folgen *Spiegelkind* (2012) und *Spiegelriss* (2013) bereits erschienen sind. Während Gorelik sich verschiedener literarischer Formen bedient, die zwischen romanesken, autobiographischen und essayistischen Schreiben wechseln, bleibt Bronsky der Gattung des Romans Roman treu. Auffallend ist jedoch, dass ähnlich wie bei Gorelik, sämtliche Werke aus der Perspektive einer Ich-Erzählerin wiedergegeben werden. Auch in Bronskys Romanen stehen starke Frauen im Zentrum der Handlung, doch die thematische Gewichtung ihres Schreibens ist eine andere. Die Goreliks Bücher prägende Diskussion von Judentum und Antisemitismus ist in Bronskys Romanen nicht zu finden, was sich sicherlich darauf zurückzuführen lässt, dass ihre Familie nicht auf Grund von Diskriminierung, sondern aus beruflichen Gründen die Sowjetunion verließ und somit der speziell jüdische Identitätsaspekt entfällt. Beide Autorinnen verbindet jedoch der humoristische Ton, in dem ihre Werke verfaßt sind.

In einem Interview erklärt Bronsky, dass sie versuche, tragische Dinge komisch zu erzählen, um diese erträglicher zu machen [15].

Der Schauplatz ihres ersten Romans ist der „Solitär“, ein Asylantenwohnheim in Frankfurt, welches die Erzählerin als „Russenghetto“ [16. S. 180] bezeichnet. Schon allein durch den Namen des Wohnheims verweist Bronsky auf Ausgrenzung und Marginalisierung. Im Architektenjargon wird „Solitär“ als Begriff zur Bezeichnung eines einzeln stehenden Gebäudes benutzt [17. S. 1166]. Die lateinische Wurzel des Terminus „Solitär“ ist dabei *solitarius*, die sich mit „allein“ bzw. „gesondert“ übersetzen lässt [17. S. 1166]. Betrachtet man den etymologischen Ursprung des Wortes, wird deutlich, dass die Autorin durch die Wahl des Namens des Wohnheims die soziale Abgeschnittenheit der Bewohner unterstreicht. In *Scherbenpark* leben die Figuren in einem russischen Mikrokosmos auf deutschem Boden und bilden eine Parallelgesellschaft, die nach ihren eigenen Gesetzen funktioniert. Die Autorin unterstreicht, dass es sich bei ihrem Buch nicht um ein autobiographisches Werk handele, obwohl ihre Familie übergangsweise selbst in einem ähnlichen Wohnheim untergebracht gewesen sei [15]. Doch dieser persönlichen Erfahrung verdankt Bronsky ihre präzisen Milieukenntnisse. Im Mittelpunkt des Romans steht die siebzehnjährige Sascha Naimann, die mit ihrer Mutter, ihrem Stiefvater Vadim und ihren beiden Geschwistern aus Russland nach Deutschland ausgewandert ist. Nachdem sich Saschas Mutter von Vadim getrennt hat, erschießt er sie und ihren neuen Partner in einem Anfall von Eifersucht. Sascha bleibt mit ihren beiden Geschwistern allein zurück und wird, unterstützt von ihrer aus Sibirien angereisten Cousine Maria, zum Familienoberhaupt.

Scherbenpark lebt von dem ironisch subversiven Ton in dem die Protagonistin ihre Umwelt beschreibt. Mit der Wahl der Romankulisse konzentriert sich die Autorin auf eine bestimmte Migrantengruppe, die einer kleinkriminellen und bildungsfernen Gesellschaftsschicht angehört. Durch die Auseinandersetzung mit Kriminalität unterscheidet sich Bronskys Roman von Goreliks Werken, in denen physische Gewalt und Verbrechen nicht thematisiert werden. Auf diese Weise verleiht Bronsky der russischen Migranteliteratur eine neue Dimension. Die Protagonistin in *Scherbenpark* steht im Kontrast zu den anderen Solitärbewohnern. Als starke Person beherrscht Sascha die Handlung und hochbegabt hebt sich durch ihre Intelligenz von ihrer Umwelt ab:

Manchmal fühle ich mich wie die einzige Analphabetin im Solitär. Alle anderen tragen halb leere Flaschen in den Taschen ausgebeulter Trainingshosen, wickeln den Räucherfisch in bunte Zeitungen mit den Überschriften „Wem gehört der abgetrennte Kopf?“ oder „Ministerium vertuscht schon wieder eine Ufo-Landung“ und blicken mißtrauisch, wenn sie auf Deutsch angesprochen werden. „Kann der nicht normal reden?“ fragen sie sich dann [16. S. 59].

Die ausgebeulten Trainingshosen illustrieren den sozial schwachen Status der Figuren während der Räucherfisch auf ihre russischen Eßgewohnheiten hinweist. Die Überschriften der zum Verpacken benutzten Zeitung zeugen von dem niedrigen Niveau der gewählten Lektüre. Anhand des Solitärs zeichnet Bronsky das Bild einer mißlungenen Integration. Ohne Bildung leben die Figuren in ihrer russischen Welt, in der die deutsche Sprache als Fremdkörper erscheint.

Auf Grund ihrer Hochbegabung ist es der Protagonistin erlaubt, eine Eliteschule zu besuchen, wodurch sie im Gegensatz zu ihren russischen Solitärnachbarn vermeintlich in die deutsche Gesellschaft eingegliedert wird. Mit beißender Ironie kritisiert Bronsky jedoch diese vom Staat veranlaßte Scheinintegration. Trotz ihrer intellektuellen Fähigkeiten bleibt Sascha durch ihre Herkunft stigmatisiert:

Ich denke inzwischen, die an der Schule haben mich genommen, um ein bißchen Integration zu proben. Viele Ärzte, Anwälte und Architekten haben nämlich für ihre Kinder Absagen bekommen. Am Ende gab es vier proppevolle fünfte Klassen, und in meiner 5c war ich die Einzige „mit Migrationshintergrund“. In der 5a gab es ein Junge, dessen Vater Amerikaner war, in der 5b, einen mit einer französischen Mutter. In der ganzen Schule habe ich keinen Schwarzen gesehen und auch niemanden, der annähernd arabisch aussah. Meine Klasse hatte es also mit mir am heftigsten erwischt [16. S. 14].

Besonders auffällig ist in *Scherbenpark* der Gebrauch von schwarzem Humor. Nach Mercier resultiert komödiantischer Humor aus der Absurdität und der gleichzeitigen Erkenntnis, dass es sich bei dem Gesagten nicht um die Realität handelt [18. S. 1]. Beim Einsatz von schwarzem Humor kann der Leser jedoch nicht auflachen und erleichtert feststellen, dass es sich bei der dargestellten Situation um eine Karikatur

der Wirklichkeit handelt, sondern wird sich bewußt, dass er mit der Realität konfrontiert wird. Der von Bronsky in der oben zitierten Passage eingesetzte schwarze Humor folgt genau diesem Schema. Der ironisch in Anführungszeichen gesetzte Begriff „Migrationshintergrund“ wirkt im Munde einer Fünftklässlerin wie eine groteske Beleidigung. Bronsky suggeriert, dass sich hinter dem gewollt politisch korrekten Begriff dennoch Diskriminierung versteckt. Wie Gorelik spielt Bronsky damit zynisch auf die wertende, hierarchisierende Kategorisierung von Migranten an. Demzufolge genießen die beiden Jungen mit dem amerikanischen Vater bzw. der französischen Mutter einen höheren Status als die russische Protagonistin. In Ermangelung von farbigen Mitschülern, deren Rang noch niedriger eingestuft würde, gebührt Sascha die unterste Stellung in der Klasse. Bronsky deutet so darauf hin, dass auch in der politisch-korrekten Leitlinien folgenden Schule keine wahrhaftige Integration erreicht wird. Schwarzer Humor kommt ebenfalls zum Ausdruck als die Protagonistin ihre Stellung in der „Migrantenhierarchie“ kommentiert. Durch Saschas Bemerkung: „mit mir haben sie es am heftigsten erwischt“ verweist Bronsky unter Einsatz von Humor auf einen konkret bestehenden Mißstand in der deutschen Gesellschaft. Die Kritik an einem Zwei-Klassen-Denken wird durch einen weiteren Kommentar der Protagonistin verstärkt. Über ihre Herkunft sinnierend erklärt Sascha: „Wenn ich hier aufgewachsen wäre, wäre ich eine ganz andere geworden [...]. Ich wäre wer“ [16. S. 42]. Erneut suggeriert Bronsky, dass Migranten in der deutschen Gesellschaft weit von Integration und Chancengleichheit entfernt sind.

Wie Gorelik spielt Bronsky mit traditionellen Stereotypen von Rußland, um deutsche Ignoranz bloßzustellen. In einer grotesk übertriebenen Unterhaltung zwischen der Protagonistin und einem rechtesextremen Studenten mokiert sich die Autorin über gängige Vorstellungen. Durch Saschas provokative Antworten hebt sie die Borniertheit des Studenten hervor:

*„Die Russen sind schlimmer als die Chinesen, oder?“ frage ich [...]
 „Die Russen? Pah. Die waren mal schlimm. Jetzt kann man die vergessen.
 Die saufen sich zu Tode. Die sind degeneriert.“ „Tja, was willst du“, sage ich.
 „Schlechtes Essen, schlechtes Wetter, soziale Ungerechtigkeit, nach der alten Diktatur neue Diktatur, Willkür und Gewalt, wie soll man da die Weltherrschaft für sich beanspruchen?“ „Da mache ich mir keine Sorgen“, sagt er.
 „Es dauert nicht lange, da haben die sich gegenseitig*

abgestochen. Wer überlebt sitzt dann im Knast. Und wenn wir an die Macht kommen, machen wir die Grenze dicht“ [16. S. 228].

Wie auch in Goreliks *Meine weißen Nächte* werden Russen zunächst mit Alkohol in Verbindung gebracht. Dieser weitverbreitete Stereotyp wird in *Scherbenpark* darüber hinaus mit dem Bild des degenerierten Kriminellen verbunden. Vor dem Hintergrund der Romanhandlung erhält die Unterhaltung zwischen der Protagonistin und dem Studenten eine ironische Note. Als literarisches Stilmittel wählt Bronsky „strukturelle Ironie“. Nach Meyer Howard Abrams wird in einem fiktionalen Text strukturelle Ironie nicht explizit formuliert, sondern sie erschließt sich aus dem Gesamtzusammenhang des Werkes [19. S. 135]. Durch gewisse Handlungslinien, die im Widerspruch zu Äußerungen der Figuren stehen, kommt es zur Einführung einer ironischen Dimension. In der oben zitierten Passage aus *Scherbenpark* manifestiert sich strukturelle Ironie demnach durch die Gegenüberstellung des grotesk übertriebenen Standpunktes des rechtsradikalen Studenten und den Lebensumständen im Solitär. Ohne die im Solitär herrschende Realität zu kennen, zeichnet der Student ein überzogenes Rußlandbild, welches jedoch nicht weit von der Lebenswirklichkeit der Asylantenheimbewohner entfernt ist. Sein Kommentar, dass sich Russen gegenseitig abstechen, verweist ironisch darauf, dass Saschas Mutter und deren Liebhaber von Vadim ermordet wurden. Der geschilderte Mordfall ist dazu nicht der erste, der sich im Wohnheim zugetragen hat. Die Bemerkung des Studenten, dass diejenigen, die Kriminalität überleben später im „Knast“ sitzen, spielt indirekt darauf an, dass sich Vadim nach seiner Tat im Gefängnis befindet. Auch seine Bemerkung „die Russen saufen sich zu Tode“ erhält zwangsläufig einen ironischen Ton, da mehrere der geschilderten Solitärebewohner alkohol- bzw. drogenabhängig sind. Bronsky spielt so mit übertrieben erschienenen Stereotypen, welche jedoch in der kleinkriminellen Umgebung des Asylantenwohnheims ein Teil der Realität sind. Durch den Einsatz von struktureller Ironie unterstreicht die Autorin die in einem gewissen Milieu herrschende Misere. Bronskys Beschreibung eines marginalisierten russischen Mikrokosmos erinnert an Feridun Zaimoglus literarische Darstellung türkischer Migranten, die ihre halbkriminelle Existenz am Rande der deutschen Gesellschaft frönen. In seinem Buch *Kanak Sprak* vereint er die Stimmen von Zuhältern, Drogenabhängigen, Prostituierten und anderen Außenseitern (2007) [20]. Das in *Kanak Sprak* dargestellte

türkische Migrantenumlieu stellt ebenso eine Parallelwelt zur deutschen Gesellschaft dar wie es bei den Solitärbewohnern in *Scherbenpark* der Fall ist.

Wie schon oben erwähnt ist Bronskys Roman von einer starken Protagonistin geprägt, die sich durch ihre Willenskraft auszeichnet. Auffällig an *Scherbenpark* ist die Abwesenheit von starken Männerfiguren. Die auftretenden männlichen Charaktere sind entweder kränklich oder moralisch bzw. sozial schwach. Harry, der ermordete Geliebte der Mutter wird von der Erzählerin als „Versager“ bezeichnet [16. S. 40]. Der Mörder Vadim wiederum begeht im Gefängnis Selbstmord. Felix, der Junge mit dem Sascha ihre ersten sexuellen Erfahrungen macht, ist schwer lungenkrank. Volker, Felix' Vater, hat als geschiedener Zeitungsredakteur Affären mit von ihm abhängigen Praktikantinnen, was dem Tatbestand sexueller Nötigung entspricht. Die männlichen Solitärbewohner zeichnen sich ebenfalls durch Schwäche aus. Grigorij, Marias Liebhaber, ist Alkoholiker und unter den jugendlichen Solitärbewohner gehört Drogenmissbrauch zum Alltag.

Auch Brodskys zweiter Roman ist durch das Fehlen von starken Männerfiguren geprägt. Im Zentrum des Geschehens befinden sich Rosalinda, ihre Tochter Sulfia und ihre Enkelin Aminat. Wie *Scherbenpark* wird auch *Die schärfsten Gerichte der tatarischen Küche* von einer dominanten Erzählerin beherrscht. In einem subversiv-ironischen Ton erzählt Rosalinda die Handlung. Als übermächtige Mutter koordiniert die Protagonistin das Leben der gesamten Familie. Rosalinda ist davon überzeugt, dass das Beste, was eine Frau für ihre Familie tun könnte eine „klare und harte Führung“ sei [21. S. 101]. Sie verhilft nicht nur ihrem Mann zu einer Karriere, sondern übernimmt auch die Erziehung der Enkelin und steuert die Männerwahl ihrer Tochter. Als sie von ihrem Mann verlassen wird, ersetzt sie diesen ohne zu zögern durch eine Reihe von Liebhabern. Wie in *Scherbenpark* werden auch in diesem Roman Männer als Schwächlinge abgebildet. Kaganow, der stets bei seinen Nachnamen genannte Ehemann der Protagonistin, wird von ihr verächtlich als „Amöbe“, „wirbelloses Geschöpf“ und „giftlose Qualle“ beschrieben [16. S. 45]. Bezeichnenderweise sind Sulfias Männer allesamt ihre ehemaligen Patienten, die sie als Krankenschwester gesund gepflegt hat. Während ihres Krankenhausaufenthaltes werden die Männer zunächst als physisch gebrechlich und hilflos dargestellt. Nach ihrer Genesung kommen jedoch auch ihre charakterlichen Schwächen zum Vorschein: Sergej, Sulfias erster

Mann, betrügt sie kurz nach der Hochzeit. Der jüdische Rosenbaum, Sergejs Nachfolger, steht unter dem starken Einfluß seiner Familie, die ihn dazu bewegt, mit nach Israel auszuwandern. Dieter, Sulfias letzter Mann wird in zwei Kapitelüberschriften als „der komatöse Deutsche“ [21. S. 171] bzw. als „ausländischer Idiot“ beschrieben [21. S. 180]. Diese wenig schmeichelhaften Bezeichnungen verweisen ebenfalls auf physisches und geistiges Unvermögen. Dieter läßt sich von Rosalinda dazu bringen, sie selbst, Sulfia und Aminat nach Deutschland einzuladen. Aber auch er stellt sich als Enttäuschung heraus, Dieter ist weniger galant und wohlhabend als erwartet. Er wird von Rosalinda als „Geizkragen“ [21. S. 229] beschimpft und erfüllt lediglich die Funktion, die drei Frauen aus der zusammenbrechenden Sowjetunion nach Deutschland zu bringen. In diesem Zusammenhang beschreibt Bronsky die schwierige wirtschaftliche Situation in den 90er Jahren und verleiht dem Roman eine geschichtliche Dimension. Im Gegensatz zu den Figuren in Goreliks Werken verlassen Rosalinda, Aminat und Sulfia Rußland nicht auf Grund von religiöser Diskriminierung, sondern aus ökonomischen Gründen, wie die Autorin selbst.

Auf humoristische Weise beschreibt Bronsky das Aufeinandertreffen des russischen und deutschen Frauenbildes anhand der Garderobe, die Rosalinda und Sulfia für einen Besichtigungsausflug mit Dieter wählen und bietet damit aus Rosalindas Sicht eine umgekehrt klischeehafte Betrachtung der Deutschen:

Ich mußte genau überlegen, wer wann was anzog, denn wir hatten nicht viele Kleider dabei. Ich hatte ein rotes Kleid eingepackt, und das zog ich an, dazu goldene Pumps. Anstelle einer Handtasche nahm ich die bunte Plastiktüte mit den Erdbeeren mit. Sulfia zog eine formlose Jeans an, dazu ein T-Shirt. Später stellt ich fest, dass Sulfia den Stil deutscher Frauen perfekt getroffen hatte – ausdrucksloses Gesicht, keine Schminke, flache Schuhe, keine Röcke [21. S. 206].

Bronsky spielt so mit dem Stereotyp der eleganten Russin, die sich von der unattraktiven Deutschen abhebt. Ironisch suggeriert sie, dass aus russischer Perspektive goldene Pumps in Kombination mit einem roten Kleid und einer bunten Plastiktüte für eine Exkursion eine bessere Kleiderwahl darstellt als eine „formlose Jeans“. Durch den Kommentar der Protagonistin karikiert Bronsky sowohl den deutschen als auch den

russischen Kleidungsstil. Wie Gorelik thematisiert sie auf karnevaleske Weise unterschiedliche Auffassung von Weiblichkeit. Anhand von Rosalinda illustriert Bronsky das insbesondere auf Femenität abhebende russische Frauenbild. Die Protagonistin erklärt, dass sie sich jeden morgen schminke bevor sie irgendwo hinginge, sei es auch nur in die Küche [21. S. 62]. Auch als Putzhilfe in Deutschland insistiert Rosalinda, ihre Netzstrumpfhose anzubehalten [21. S. 218]. Das von Bronsky kreierte Bild der russischen Frau erinnert an Goreliks Beschreibungen der Petersburgerinnen, die sich im Eiltempo mit Stöckelschuhen über das „historische Kopfsteinpflaster“ bewegen [8. S. 41]. Die distanziert ironische Darstellung der russischen Auffassungen von Weiblichkeit deutet darauf hin, dass beide Autorinnen einen Abstand zur russischen Kultur gewonnen haben und sie diese nun kritisch betrachten.

Olga Grjasnowa

Die Schriftstellerin wurde 1984 in Baku, der Hauptstadt Aserbaidschans, geboren. Wie Lena Gorelik verließ sie auch als Kontingentflüchtling die Sowjetunion. Als Tochter einer Pianistin und eines Anwaltes kam sie mit zwölf Jahren nach Deutschland. Grjasnowa lebte ebenfalls für längere Zeit in Polen, Russland und Israel. *Der Russe ist einer, der Birken liebt* ist ihr erster Roman, der 2012 veröffentlicht wurde [22]. Die Protagonistin ihres Werkes ist Mascha, die als Jugendliche aus Baku nach Frankfurt kommt. Während des Bergkarabachkonflikts erlitt Mascha ein Trauma, da sie mit ansehen musste, wie vor ihren Augen eine Frau getötet wurde. Jahre später in Deutschland machte sie eine weitere traumatische Erfahrung, als ihr Freund Elias unerwartet einer Fußballverletzung erliegt. In der Hoffnung ihre Traumata zu überwinden und gleichzeitig ihre jüdischen Wurzeln zu finden, reist Mascha nach Israel. Aber auch hier ist es ihr nicht möglich, ihrer Vergangenheit zu entfliehen.

In einem Interview mit Stefan Kister unterstreicht Grjasnowa, dass es sich bei ihrem Roman nicht um ein autobiographisches Werk handle. Sie beteuert: „Ich bin sehr behütet aufgewachsen [...] Meine Biographie ist langweilig. Ich bin irgendwann nach Deutschland gekommen, aber das gilt mittlerweile ungefähr für zwanzig Prozent der Bevölkerung“ [23]. Grjasnowa erklärt, dass ihr Roman auf akribischer Recherche über posttraumatische Belastungsstörungen und die Hintergründe des armenisch-aserbaidshanischen Konflikts beruhe [23]. Die Autorin hebt

sich mit ihrem Roman von Goreliks und Bronskys Werken ab, indem sie ihrem Buch eine kaukasische Dimension verleiht. In *Der Russe ist einer, der Birken liebt* spielt der Bergkarabachkonflikt als geschichtlicher Hintergrund eine wichtige Rolle. Durch ihren Roman vermittelt die Autorin der deutschsprachigen Leserschaft das Schicksal einer vielen unbekanntenen Sowjetrepublik. Das Buch lebt einerseits von realistisch-ernsthaften Darstellungen der politischen Situation Aserbaidschans, andererseits von subversiv humoristischen Illustrationen des heutigen Deutschlands und ist ein vielschichtiger Roman, in dem eine Reihe von Themen aufgegriffen werden, die auch in Goreliks und Bronskys Werken zu finden sind. Zu diesen gehören unter anderem die Aufarbeitung der eigenen Migrationserfahrung, sowie die Auseinandersetzung mit dem Judentum russischer Kontingentflüchtlinge. Ebenfalls nimmt Grjasnowa die auch von Gorelik und Bronsky angesprochene Integrationsdebatte auf. Die Autorin zielt insbesondere darauf ab, ein breites Spektrum an Kulturen zu zeichnen, was unter anderem daran zu erkennen ist, dass sie in ihrem Roman verschiedene Migrantengruppen interagieren läßt. Wie Gorelik in *Sie sprechen aber gut Deutsch!* illustriert auch Grjasnowa die Wahrnehmung Deutschlands aus der Perspektive von Zuwanderern aus verschiedenen Ländern. Auf diese Weise gelingt es ihr, von einer rein deutsch-russischen Thematik Abstand zu nehmen. Grjasnowa geht jedoch noch einen Schritt weiter: Sie läßt die Protagonistin den Beruf der Dolmetscherin wählen und stilisiert diese so zur Mittlerin zwischen Sprachen und Kulturen. Als Studentin der Dolmetscherwissenschaften spricht Mascha fünf Sprachen fließend und strebt eine Karriere bei der UNO an.

Schon allein durch die Wahl der Romanfiguren verleiht Grjasnowa ihrem Werk eine multikulturelle Färbung. Die Protagonistin Mascha vereint verschiedenen Kulturen in sich: sie ist Russin, die ihre Kindheit in der muslimisch-sowjetischen Kultur Aserbaidschans verbringt, bevor sie nach Deutschland auswandert. Der Bergkarabachkonflikt, welcher den geschichtlichen Hintergrund des Romans bildet, verleiht der Kindheitsgeschichte der Protagonistin eine armenisch-aserbaidschanische Dimension. Als Jüdin besitzt Mascha einen weiteren kulturellen Hintergrund, den sie im dritten Teil des Buches bei ihrem Israelaufenthalt zu entdecken versucht. Die Figuren, die Mascha umgeben gehören ebenfalls verschiedenen Kulturkreisen an. Ihr Freund Elias ist Deutscher, während ihr Ex-Freund Sami einen libanesisch-französischen Hintergrund

besitzt. Maschas bester Freund und Kommilitone Cem dagegen, ist Sohn türkischer Migranten. Durch die Dialogisierung verschiedener Weltansichten und Wertesysteme erzeugt Grjasnowa einen polyphonen Roman im Sinne Bachtins [6. S. 262]. Russische, deutsche, türkische und französisch-libanesisch-palästinensische Perspektiven stehen miteinander im ständigen Wechsel. Darüber hinaus hebt sich Grjasnowas Roman von Goreliks und Bronskys Werken insbesondere dadurch ab, dass in ihm verschiedene Krisenregionen einander gegenübergestellt werden. Neben der Illustration des Bergkarabachkonflikts und den israelisch-palästinensischen Auseinandersetzungen wird ebenfalls der libanesisch-palästinensische Bürgerkrieg angesprochen. Die Migration nach Deutschland stellt so nur eine unter vielen Themenbereichen des Buches dar.

Wie Goreliks und Bronskys Werke wird auch *Der Russe ist einer, der Birken liebt* von einer allgegenwärtigen Ich-Erzählerin geprägt, die gleichzeitig als Protagonistin fungiert. Als starke Persönlichkeit bestimmt Mascha die Romanhandlung. Ähnlich wie in *Scherbenpark* und *Die schärfsten Gerichte der tatarischen Küche* verblassen die männlichen Figuren im Lichte der Protagonistin. Auch sie erweisen sich als körperlich gebrechlich und willensschwach: Maschas Freund Elias stirbt an einer Fußballverletzung und nachdem Mascha ihrem Bekannten Daniel einen Zahn ausgeschlagen hat, liegt ihr dieser zu Füßen. Sami, Maschas Ex-Freund, ist unfähig sich zwischen seiner alten Liebe zu Mascha und seiner ehemaligen Freundin in Amerika zu entscheiden. Maschas bester Freund Cem wiederum ist stets bereit, sich ihren Launen zu beugen.

Wie Gorelik und Bronsky spielt auch Grjasnowa in ihrem Roman mit Stereotypen, um gängige Bilder von Rußland zu dekonstruieren. Schon der Titel des Buches *Der Russe ist einer, der Birken liebt* verweist auf einen vielgebrauchten Stereotyp. Das Bild vom birkenliebenden Russen wird ebenfalls von Gorelik in *Verliebt in Sankt Petersburg* gebraucht: „Denn der Russe an sich liebt die Natur, liebt Russlands Birkenwälder und den moosigen Duft darin“ [13. S. 146]. Aus dem Anfangszitat in Grjasnowas Roman erhält der Leser einen literarischen Hinweis auf den Ursprung des Stereotyps. Die Autorin zitiert Tschechows Theaterstück *Drei Schwestern* in dem Werschinin, eine der Hauptfiguren, seine Liebe zu den Birken deklamiert: „Die lieben bescheidenen Birken, ich liebe sie mehr als sonst alle Bäume“ [22. S. 5]. Durch den im Titel benutzten Stereotyp wird demzufolge ein romantisch-verklärtes Bild der „russischen Seele“ gezeichnet. Gegen Ende des Romans wird der Stereotyp in einer banal

erscheinenden Unterhaltung zwischen der Protagonistin und einem Palästinenser wieder aufgegriffen:

Ismael seufzte: „[...] Du siehst gar nicht deutsch aus.“ „Wie sehen Deutsche aus?“ „Keine Ahnung“. „Und Russen, wie sehen die aus?, fragte ich ihn. Er zuckte mit den Schultern, sagte: „Wie Leute, die Birken lieben.“ „Amerikaner?“ „Schau dich doch um. Palästina ist voll von ihnen.“ „Und die Palästinenser?“ „Wie Leute, die es gewohnt sind, lange zu warten“ [22. S. 265].

Durch die Konversation zwischen Mascha und Ismail karikiert Grjasnowa die Kategorisierung von Angehörigen einer bestimmten Nation. Auf karnevaleske Weise suggeriert die Autorin, dass beide in einer wirklichkeitsfremden Welt leben. Während der romantisch verklärte Russe die Birken bewundert, wartet der Palästinenser zu lange auf die Rückgabe seines Landes.

In einer weiteren Szene spielt Grjasnowa mit dem Stereotyp des toleranten Deutschen, der innerlich in seiner Borniertheit gefangen ist. In der Universität wird Mascha von ihrem Professor auf Grund einer schlechten Note in die Sprechstunde bestellt. Obwohl er sich einen weltoffenen Anschein gibt, weiß Mascha, dass er sich nicht wirklich für ihre persönliche Migrationsgeschichte und die Gegebenheiten in ihrer Heimat interessiert. Auf Grund seines Status beansprucht der Professor für sich, kulturelle Unterschiede besser beurteilen zu können. Entmutigt durch dessen Haltung sieht Mascha davon ab, ihm begreiflich zu machen, dass Armut nicht zwangsläufig fehlende Bildung bedeutet. Sie erklärt ihm daher nicht, dass ihre Mutter den Diamantring ihrer eigenen Mutter verkauft hatte, um Mascha als Kind Privatunterricht in Englisch und Französisch zu ermöglichen. Mit beißender Ironie karikiert Grjasnowa durch die Reflexion der Protagonistin die oberflächliche Weltoffenheit des Professors:

Ich würde ihm auch nicht sagen, dass Menschen, die ohne fließendes Wasser leben, nicht zwangsläufig ungebildet sind, aber mein Professor war mein Professor und hatte Patenkinder in Afrika und in Indien. Sein Multikulturalismus fand in Kongresshallen, Konferenzgebäuden und teuren Hotels statt. Integration war für ihn die Forderung nach weniger Kopftüchern und mehr Haut, die Suche nach einem exklusiven Wein oder einem ungewöhnlichen Reiseziel [22. S. 33].

Grjasnowa stilisiert den Professor zu einem stereotypischen Akademiker, der weit ab von der Wirklichkeit in seiner Theoriewelt schwelgt. Ironisch deutet die Autorin darauf hin, dass für ihn die virtuellen Patenkinder in Afrika und Indien die konkrete Erfahrung mit anderen Kulturen ersetzen. Anhand der Figur des Professors karikiert Grjasnowa ebenfalls engstirnige Auffassungen von Integration bei denen es darum geht, die zugewanderten Kulturen zu assimilieren ohne ihren eigenen Wert zu respektieren.

Die Thematik von Integration und Diskriminierung ist auch an anderen Stellen des Romans zu finden. Nach ihrer Emigration nach Deutschland wird Maschas Familie mit Sprachproblemen konfrontiert. In der Grundschule wird die Protagonistin zunächst wegen unzureichender Deutschkenntnisse zwei Klassen zurückgestuft. Als sie mit den deutschen Behörden in Berührung kommt, muß Mascha die Machtposition der deutschen Sprache erfahren:

Ich beleitete meine Eltern auf das Ausländeramt und lernte dort, dass Sprachen Macht bedeuteten. Wer kein Deutsch sprach, hatte keine Stimme, und wer bruchstückhaft sprach, wurde überhört. Anträge wurden entsprechend der Schwere der Akzente bewilligt [22. S. 38].

Durch die vielleicht überzogene Darstellung der Situation auf dem Ausländeramt, verweist Grjasnowa auf eine Art von Diskriminierung, die auf rein sprachlichen Kriterien beruht. Sie suggeriert so, dass Einwanderer, die nicht fähig sind sich in der neuen Sprache korrekt zu artikulieren von ihrer deutschen Umgebung ignoriert werden. Sprachprobleme sind des Weiteren der Grund aus dem Mascha das Gymnasium verlassen soll. Die Beschreibung der Schule aus der Perspektive der Protagonistin verweist auf eine mißlungene Integration:

Das Gymnasium, das ich besuchte, kannte Migranten ausschließlich aus der Springerpresse und dem Nachmittagsfernsehen. In meiner Klasse gab es zwar ein Mädchen, dessen Mutter aus Finnland kam, und in der Parallelklasse einen Jungen mit einer niederländischen Mutter, aber beide trugen keine Aldiklamotten und waren ohnehin Mormonen. Araber, Schwarze und Türken gab es keine. Ich trottete hinter meinen Mitschülern her, versuchte mir die gleiche Kleidung und die gleichen Hobbys zuzulegen, aber wir konnten uns beides nicht leisten. Wenn in der Klasse

Unruhe herrschte, wurde ich dafür verantwortlich gemacht, obwohl ich mich schämte, meinen Mund aufzumachen [22. S. 38].

Die ironische Darstellung des Gymnasiums erinnert an die in Bronskys *Scherbenpark* beschriebene Eliteschule. Auch hier gibt es weder Schwarze, noch Schüler die „annähernd arabisch“ aussehen [16. S. 14]. Die Tatsache, dass Mascha ungerechtfertigter Weise für Unruhe in der Klasse verantwortlich gemacht wird, illustriert ihre Stigmatisierung als Ausländerin. Maschas Stellung als Außenseiterin erinnert wiederholt an die Marginalisierung der Protagonistin Sascha in *Scherbenpark*. In Bronskys Roman fühlt sich Sascha ebenfalls von der Klassengemeinschaft ausgeschlossen und ist davon überzeugt, dass sie eine andere Person geworden wäre, hätte sie das Glück gehabt, in Deutschland aufzuwachsen: „Ich wäre zum Siegen geboren und müßte mich nicht so verzweifelt abstrampeln, um allen zu beweisen, dass ich auch wer bin“ [16. S. 42]. Durch die im oben zitierten Paragraphen erwähnten „Aldiklamotten“ bringt Grjasnowa Migration mit Armut in Verbindung und thematisiert gleichzeitig eine auf Äußerlichkeiten basierende soziale Ausgrenzung. Dies stellt eine weitere Parallele zu Bronskys Roman *Scherbenpark* dar, in dem auch Sascha wegen ihrer Kleidung diskriminiert wird. Die Protagonistin argumentiert, dass wenn sie Deutsche wäre, sie nicht wegen äußeren Erscheinung verurteilt würde: „Man würde es an der Alfred-Delp-Schule nicht wagen, hinter meinem Rücken zu tuscheln und aus den Augenwinkeln auf meine Aldi-Turnschuhe zu schielen“ [16. S. 42].

Wie Bronsky und Gorelik karikiert auch Grjasnowa die Hierarchisierung von Ausländern in der deutschen Gesellschaft. Sie illustriert diese anhand einer Unterhaltung wo Mascha ihren türkischstämmigen Freund Cem fragt, wann er das erste Mal benachteiligt worden sei. Dieser erklärt, dass er sich zurückgesetzt gefühlt habe, als es darum ginge, welche Kinder seiner Klasse von der Grundschule auf das Gymnasium wechseln dürfen. Unter den Schülern mit einem Migrationshintergrund wurde lediglich ein Franzose für begabt genug gehalten:

Ein neuer Junge kam in unsere Klasse. Pierre-Marie. Die Lehrerinnen waren aus dem Häuschen. Der Junge konnte kaum Deutsch, aber alle hielten ihn für wahnsinnig intellektuell, weil er Franzose war und weil sie dachten, dass er schon nächste Woche perfekt Deutsch sprechen

würde. Und da habe ich mich in meiner Klasse umgeschaut: lauter Kanaken. Marcel sprach italienisch, Georgi, griechisch, Taifun türkisch, Farid persisch und armenisch, genau wie seine Zwillingsschwester. Und wir alle sprachen auch Deutsch, akzentfrei. Aber keiner von uns wurde als intelligent genug erachtet, um auf das Gymnasium wechseln zu können, wir sollten lieber alle auf die Hauptschule oder im besten Fall auf die Realschule [22. S. 221].

Von dem französischen Jungen wird einzig und allein auf Grund seiner als positiv bewerteten Nationalität Intelligenz erwartet. Durch den ihm zugeschriebenen Status des Angehörigen einer westeuropäischen „Kulturnation“ erhält er eine höhere Stellung in der Migrantenhierarchie. Grjasnowa suggeriert so eine in der deutschen Gesellschaft existierende Kulturhegemonie. Mit Cems Stimme führt die Autorin eine orientalische Perspektive in ihren Roman ein. Die Rangliste der Kulturen wird so nicht wie in Bronskys und Goreliks Werken aus rein russischer Sicht wahrgenommen, sondern erhält eine zusätzliche Perspektive. Durch den Gebrauch des abwertenden Terminus „Kanaken“ werden Cem und seine südländischen Klassenkameraden ironisch als Migranten zweiter Klasse bezeichnet und. Cems subversiver Kommentar verdeutlicht die von verschiedenen Migrantengruppen erfahrene Diskriminierung.

Im Gegensatz zu Gorelik und Bronsky, die die Situation in Russland in den 90er Jahren schildern, illustriert Grjasnowa die politische Lage in Aserbaidshan. Während zahlreiche Menschen Russland verließen, um antisemitischen Einstellungen und der ökonomischen Krise zu entkommen, flohen zur gleichen Zeit viele Menschen aus Aserbaidshan vor dem Tod. Die Provinz war einerseits vom Bergkarabachkonflikt gezeichnet, was eine massive Vertreibung von Armeniern nach sich zog, darüber hinaus spaltete sich Aserbaidshan 1991 von der Sowjetunion ab, wodurch andererseits eine aggressive anti-russische Haltung unter der Bevölkerung aufkam. Dies hatte die Folge, dass zahlreiche in Aserbaidshan ansässige Russen ihre Heimat verlassen mußten. Grjasnowa schildert die drastische politische Situation aus der Perspektive der Protagonistin:

Die Intelligenzija und die Mafia wanderten ab, kaum jemand blieb in Baku: keine Ärzte, keine Professoren, keine Ingenieure; weder Armenier noch Georgier, Juden, Russen, Tataren. Es gab nur noch Gräber, für deren Pflege Geld aus dem Ausland geschickt wurde [22. S. 50].

Das gezeichnete Bild von Tod und Hoffnungslosigkeit spiegelt auf eine noch grausamere Weise den Verfall der Sowjetunion wider als er in den Werken von Gorelik und Bronsky dargestellt wird. Durch Grjasnowas Roman erhält der deutschsprachige Leser Einblicke in die Geschichte der Kaukasusregion, die vielen Westeuropäern wenig bekannt ist. Die emotionsgeladene Beschreibung der Situation aus der Perspektive der Protagonistin erlaubt es, die kriegsgeprägte Atmosphäre sowie die von den vertriebenen Menschen erlittenen Traumata nachzuempfinden.

Der realistisch-ernsthafte Ton den Grjasnowa zur Illustration der konfliktgezeichneten Region verwendet, wird von einer humoristischen Darstellung des jüdischen Pragmatismus abgelöst. Mit Ironie kommentiert die Protagonistin wie viele russische Juden ihr Judentum erst dann entdecken, als dieses ihnen die Möglichkeit gibt, die Sowjetunion zu verlassen:

Nach Deutschland und Israel konnte man noch einreisen, aber nur als Jude, weshalb die Register in den Synagogen sich mit Namen füllten, ebenso wie die Einreiseeinträge in der deutschen und israelischen Botschaft. Dabei wurden dieselben Leute bestochen, die früher das Wort Jude aus dem Pass und der Geburtsurkunde streichen sollten, denn nur mit sauberen Dokumenten war eine Karriere möglich gewesen [22. S. 50].

Wie Gorelik illustriert Grjasnowa den Opportunismus ausreisewilliger Juden. Ebenfalls verweist sie auf sowjetischen Antisemitismus und den besagten „fünften Punkt“ im Pass, der den meisten betroffenen Personen eine Chancengleichheit verwährte. Während in Goreliks *Meine weißen Nächte* die Wahl des Einwanderungslandes von den Figuren aus rein oberflächlichen, d.h. klimatischen Gründen getroffen wird, ist die Entscheidung für Maschas Familie eine komplexere. Abgeschreckt von der unstabilen politischen Situation lehnen Maschas Eltern eine Auswanderung nach Israel ab. Sie zögern ebenfalls nach Deutschland überzusiedeln, da es sich bei der Großmutter um eine Holocaust-Überlebende handelt. Auf Grund der Familiengeschichte erscheint der Mutter eine Emigration nach Deutschland zunächst als absurd, da für sie in diesem Land die „Asche noch warm“ sei [22. S. 51]. Die sich immer mehr zuspitzende Situation in Aserbaidshan veranlaßt die Familie letztendlich dennoch nach Deutschland einzuwandern. Die

Feststellung der Protagonistin, dass zur Bewilligung der Ausreise dieselben Personen bestochen wurden, die zuvor den Vermerk „Jude“ aus Pässen entfernten, liest sich auf den ersten Blick als ein karnevalesk übertriebener Kommentar. Im Kontext des chaotischen Zerfalls der Sowjetunion wird jedoch deutlich, daß es sich nicht um eine humoristische Übertreibung handelt, sondern um die Realität. Grjasnowa spielt so mit der Diskrepanz zwischen der Erwartungshaltung des deutschsprachigen Lesers und der sowjetischen Wirklichkeit.

Schlussbetrachtung und Ausblick

Bei der Untersuchung der Werke der drei hier besprochenen Autorinnen ist auffällig, dass ihr Schreiben einerseits eine Anzahl von Gemeinsamkeiten aufweist, andererseits über eine sehr individuelle Note verfügt. Goreliks Bücher sind insbesondere von der jüdischen Thematik geprägt. Zu einem gewissen Grad nimmt auch Grjasnowa die Diskussion von Antisemitismus und Judentum in ihrem Roman auf. Das Interesse an dem besagten Themenbereich ist naturgemäß darauf zurückzuführen, dass Gorelik und Grjasnowa die Sowjetunion als Kontingentflüchtlinge verließen. In Bronskys Romanen dagegen ist die Thematik nicht vertreten. Im Gegensatz zu Gorelik und Grjasnowa illustriert Bronsky Kriminalität im Migrantenmilieu und verleiht so der russischen Migrantenliteratur eine weitere Dimension, inwieweit sie damit gegebenenfalls zu den bestehenden Vorurteilen gegen vor allem russische Migranten in Deutschland beiträgt, oder diese sogar bestätigt, ist ein zusätzlich interessanter Aspekt, der sich allerdings nicht (da rezeptionsspezifisch) belegen lässt. Grjasnowas Roman zeichnet sich insbesondere durch ihre Bezugnahme auf den Bergkarabachkonflikt aus, welcher den historischen Hintergrund der Handlung bildet.

Gorelik und Bronsky diskutieren und karikieren in ihren Büchern das russische Frauenbild, welches sie aus einer distanzierten Perspektive kritisch beleuchten. Diese differenzierte Haltung weist darauf hin, dass die Autorinnen durch ihr Leben in Deutschland einen neuen Blick auf ihre Ausgangskultur erlangt haben. Die Werke aller drei Schriftstellerinnen sind von einer dominanten Ich-Erzählerin geprägt, welche mit Ironie, Humor und zuweilen Zynismus ihre Umgebung kommentiert. Insbesondere in Bronskys und Grjasnowas Romanen stehen dabei starke Frauenfiguren schwachen männlichen Charakteren gegenüber. Die Handlung wird in beiden Fällen jeweils von einer willensstarken

Protagonistin beherrscht, hinter der die männlichen Figuren in den Schatten treten.

Sowohl Gorelik, Bronsky als auch Grjasnowa thematisieren die Existenz einer Kulturhegemonie in der deutschen Gesellschaft: Alle drei Autorinnen sprechen sich in ihren Romanen gegen eine Hierarchisierung von Migrantengruppen aus. Des Weiteren stellen sie die Integration von Einwanderern als verfehlt dar. Ihre Romanfiguren fühlen sich von ihren deutschen Mitbürgern diskriminiert und an den Rand der Gesellschaft gedrängt. Im Zusammenhang von Integration werden ebenfalls Themen wie Identitätsfindung und Marginalisierung diskutiert. Es ist darüber hinaus auffällig, dass alle drei Schriftstellerinnen subversiv mit gängigen Stereotypen spielen, um traditionelle Rußlandbilder zu dekonstruieren bzw. auf Mißstände in der deutschen Gesellschaft hinzuweisen. Unter Einsatz von Ironie und Sarkasmus erreichen Gorelik, Bronsky und Grjasnowa im Sinne einer bachtinschen Karnevalisierung eine kritische Beleuchtung russischer und deutscher Wertesysteme.

Der Kreis der in Deutschland lebenden russischen Autorinnen befindet sich in einem ständigen Wachstum. Ihre Werke werden zunehmend ein wichtiger Bestandteil der deutschen zeitgenössischen Literatur. Diese Entwicklung könnte einerseits Ausdruck des gestiegenen russischen Bevölkerungsanteils in Deutschland sein, andererseits als ein Indiz dafür interpretiert werden, dass die Integration der russischen gebildeten Mittelschichtimmigranten relativ erfolgreich „geglückt“ ist. Neben Lena Gorelik, Alina Bronsky und Olga Grjasnowa sind des Weiteren Olga Kaminer, Olga Martynova und Daria Boll-Palievskaya zu nennen. Ihre auf Deutsch verfaßten Werke sind nicht weniger originell und bieten ergiebige Ausgangspunkte für weitere literaturwissenschaftlichen Forschungen und Analysen. Mit ihrem Mann Waldimir Kaminer, verfaßte Olga Kaminer zum Beispiel ein außergewöhnliches Kochbuch mit dem Titel *Küche totalitär – das Kochbuch des Sozialismus* (2006). Sie selbst veröffentlichte *Weihnachten auf Russisch* (2007), eine Geschichtensammlung russischer Meister, *Alle meine Katzen* (2005), eine Zusammenstellung eigener Erzählungen, sowie *RF. Russische Frauen* (2011), ein historisches Buch über das Leben von Frauen aus der russischen Kulturszene. Olga Martynova wurde dagegen zunächst durch ihre Lyrik bekannt. Für ihren ersten Roman *Sogar Papageien überleben uns* (2012) erhielt sie 2012 den Bachmannpreis. Die als interkulturelle Beraterin arbeitende Daria Boll-Palievskaya widmet sich in ihrem Buch

Russische Frauen. Innen- und Außenansichten (2009) dem im Ausland existierenden russischen Frauenbild. Auch Kaminer, Matynova und Boll-Palievskaya geben durch ihre vielfältigen Werke der deutschen Literatur neue Stimmen und Impulse, die es in der Zukunft zu erforschen gilt.

Bibliographie

1. Bachtin, Michail: *Rabelais and His World*. Iswolsky, Hélène (Übers.). Bloomington: Indiana, 1984.
2. Hieber, Jochen: „Mutterwitz mit Telephon, 2012, Seite besucht am 04.02.13. <http://www.faz.net/frankfurter-allgemeine-zeitung/bilder-und-zeiten/mutterwitz-mit-telefon-1627998.html>.
3. Anonym: „Kontingentflüchtling“, 2005, Seite besucht am 25.01.2013. <http://www.aufenthaltstitel.de/stichwort/konti.html>.
4. Göktürk, Deniz; Gramling, David, Kaes, Anton (Hrsg.): *Germany in Transit. Nation and Migration 1955-2005*. Berkely: University of California Press, 2007.
5. Gorelik, Lena: *Meine weißen Nächte*. München: Diana, 2006 [2004].
6. Bachtin, Michail: „Discourse in the Novel“, in: Holquist, Michael (Hrsg.): *The Dialogic Imagination. Four Essays by M. M. Bakhtin*. Austin: University of Texas Press, 1981, S. 259-422.
7. Jaecker, Tobias: „Die Walser-Bubis-Debatte: Erinnern oder Vergessen?“, 2003, Seite besucht am 01.02.13. <http://www.hagalil.com/antisemitismus/deutschland/walser-1.htm>.
8. Gorelik, Lena: *Hochzeit in Jerusalem*. München: Diana, 2008 [2006].
9. Lippmann, Walter: *Public Opinion*. New York, Harcourt, 1922.
10. Lustig, Myron; Koester, Jolene: *Intercultural Competence. Interpersonal communication across Cultures*. Boston, Pearson.
11. Gorelik, Lena: *Lieber Mischa... Du bist ein Jude*. Berlin: List, 2012.
12. Spörl, Uwe: *Basislexikon der Literaturwissenschaft*, Paderborn: Schönigh, 2004.
13. Gorelik, Lena: *Verliebt in Sankt Petersburg*. München: Schirmer Graf Verlag, 2008.
14. Götze, Grete: „Alina Bronsky. Die schreibende Hausfrau“, 2012, Seite besucht am 01.02.13. <http://www.fr-online.de/frankfurt/alina-bronsky-die-schreibende-hausfrau,1472798,11408086.html>.

15. Anonym: „Alina Bronsky – Scherbenpark“, 29.09.2008., DW-TV, Seite besucht am 08.02.2013, www.youtube.com/watch?v=rQJrY5Joy8A.
16. Bronsky, Alina: *Scherbenpark*. Köln: Kiwi, 2009 [2008].
17. Wahring-Burfeind (Hrsg.): *Deutsches Wörterbuch*. München, Bertelsmann, 2001.
18. Mercier, Vivian: *The Irish Comic Tradition*. Oxford: Oxford University Press, 1962.
19. Abrams, Meyer Howard: *A Glossary of Literary Terms*. Orlando: Harcourt Brace College Publisher, 1999.
20. Zaimoglu, Feridun: *Kanak Sprach. 24 Mißtöne vom Rande der Gesellschaft*. Berlin: Rotbuch, 2007 [1995].
21. Bronsky, Alina: *Die schärfsten Gerichte aus der tatarischen Küche*. Köln: Kiwi, 2012 [2010].
22. Grjasnowa, Olga: *Der Russe ist einer, der Birken liebt*. München, Hanser, 2012.
23. Kister, Stefan: „Olga Grajasnow im Porträt: ‚Warum wollen alle immer nur das eine wissen?‘“, 2012, Seite besucht am 16.02.13, <http://www.stuttgarter-zeitung.de/inhalt.olga-grjasnowa-im-portraet-warum-wollen-alle-immer-nur-das-eine-wissen.d1fa2f08-8f62-42cf-aef2-a5e2f96c5e73.html>.

Сведения об авторе

Stephanie Schwerter
Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales (EHESS), Paris, France
Maître de langue
E-mail: SSchwerter@yahoo.com

Штефани Швертер
доцент Высшей школы социальных наук
(Париж, Франция)
E-mail: SSchwerter@yahoo.com

УДК 821.111(410)(091):(410.111)

МУЛЬТИКУЛЬТУРНЫЙ ЛОНДОН В РОМАНЕ ЗЕЙДИ СМИТ «БЕЛЫЕ ЗУБЫ»

Е.А. Ситникова, А.В. Соснин

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа
экономики» – Нижний Новгород*

На примере романа английской писательницы Зейди Смит «Белые зубы» в статье исследуется мультикультурное пространство Лондона, каким оно предстает в контексте современной английской постколониальной прозы. Выявляются характерные компоненты лондонского текста, содержащиеся в романе, и новые, привнесенные признаки, которые свидетельствуют об эволюции описаний английской столицы. Попутно анализируются некоторые особенности жанра, в котором работает З. Смит, и вскрываются причины успеха романа у английского читателя.

Ключевые слова: Лондон, лондонский текст, мультикультурализм, постколониальная проза, истерический реализм.

Multicultural London in the Novel “White Teeth” by Zadie Smith

Elena Sitnikova, Alexey Sosnin

The article explores the multicultural space of London as it is represented in the novel “White Teeth” by the English writer Zadie Smith, and, on a larger scale, in the contemporary British postcolonial fiction. of the London text. Alongside the typical components of the London text, the authors single out its new features, demonstrating the evolving tradition of London’s literary descriptions, and list the distinctive features of the novel’s genre, which help explain its popularity with the English reader.

Key words: London, London text, multiculturalism, postcolonial fiction, hysterical realism.

«Белые зубы» (*White Teeth*, 2000 г. [1]) – дебютный роман современной английской писательницы Зейди Смит (род. в 1975 г.). Центральное положение в романе занимает описание жизни трёх лондонских семей (Икбалы, Джонсы и Чалфены) в нескольких поколениях. Самад и Алсана Икбал – иммигранты из Бангладеш. Джонсы представляют собой смешанный брак: Арчи – англичанин, Клара родом с Ямайки (точно так же, как родители самой З. Смит). Маркус Чалфен – еврей, чьи предки эмигрировали из Польши. Джойс Чалфен – англичанка. В романе есть и другие персонажи, представляющие самые различные этнические и религиозные группы.

Роман получил восторженные отзывы критиков и разошелся миллионными тиражами, а З. Смит стала лауреатом нескольких

престижных литературных премий. Хотя выход романа и сложно назвать знаковым событием, нельзя отрицать определенную степень его значимости для английской национальной культуры на рубеже веков. Как отмечает английский литературный критик Патрик Пэрриндер, «роман об иммиграции сейчас признаётся как самая жизненно важная форма художественной литературы начала двадцать первого века», и существует уже «вековая традиция написания романов об иммиграции в Лондон, игнорировать которую нельзя» [2. С. 380]. «Белые зубы» являют собой закономерное развитие этой традиции и воплощают идею новой мультикультурной английскости.

Увидев свет в 2000 г., роман на тему иммиграции не мог не стать отчасти «вторичным». Это признает и сама З. Смит: «Мне было тогда 24 года. Для писателя это то же самое, что быть задорной рыжеволосой девчонкой десяти лет, у которой в голове только танцы. У меня было мало жизненного опыта, вернее, он был опосредованным, основывался на книгах, которые я прочитала. Их было немало, так что я была прекрасно подготовлена к тому, чтобы написать то, что я написала. Мой роман как дом из книг: комнаты в нем оклеены страницами с чужими мыслями, и вы идете по нему, будто совершая экскурсию по старинному английскому особняку. Вы, конечно, впечатлены, но понимаете, что, скорее всего, в этом доме никто не живет» [3]. Именно узнаваемость (наряду с масштабной рекламной кампанией!) стала одной из важнейших причин, по которой роман З. Смит снискал широкую популярность. По мнению Саймона Проссера, главного редактора издательства «Хэмиш-Хэмилтон», в котором были впервые опубликованы «Белые зубы», творчество З. Смит вобрало в себя отличительные черты письма лучших английских романистов современности: искрометный юмор Мартина Эмиса, серьезность Яна Мак-Эвана (Мак-Юэна), игровой характер отдельных произведений Джулиана Барнса и, наконец, интерес к повседневной английской жизни. Более того, она приняла у этих писателей эстафету и побежала дальше; продолжила их дело, вдохнув в него новую жизнь. Я считаю Смит исключительно английской писательницей; ее английскость как литератора и как простого человека не фальшивая, не надуманная, а совершенно реальная: она имеет многоконфессиональную, полиэтническую и мультикультурную природу» [4].

В дальнейшем интерес читателей к «Белым зубам» поддерживался, в частности, за счет того, что после трагических событий в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г. и особенно после взрывов в лондонском транспорте 7 июля 2005 г. в обществе вырос интерес к проблеме исламского фундаментализма, которая как раз поднимается в романе. Совершенно ненавязчиво, как бы между прочим, З. Смит показывает, как дети иммигрантов, молодые люди, для которых Англия – родная страна, примыкают к радикальным течениям. Это оказалось более чем актуальным, поскольку исполнители террористических актов 2005 г. были гражданами Великобритании; все они, кроме одного, родились и выросли там, учились в английских школах.

Стала очевидной несостоятельность провозглашенной предыдущими писателями-мультикультуралистами идеи о том, что гармоничное сосуществование культур является визитной карточкой британской столицы. Оказалось, что в лондонском «плавильном котле» плавится далеко не всё: «некоторые огнеупорные болванки, не исчезая, склонны к существованию на поверхности» [5. С. 170], а городское пространство становится рингом, на котором приезжим приходится отстаивать свое право жить и работать, соблюдать свои традиции и исповедовать свою религию. В своем романе З. Смит создаёт безрадостную картину Лондона конца XX века, в которой, несмотря на множественность и соприсутствие культур и народов, иммигранты с неевропейской внешностью, даже родившись и прожив несколько десятилетий в Англии, так и остаются «чужими». Например, дальнего родственника Икбалов Мохамеда Хуссейна-Исмаила, владельца двух лавок – мясной и кондитерской, «пять раз пыряли ножом, ему отрезали подушечки трех пальцев, ломали руки-ноги, поджигали пятки, выбивали зубы и стреляли в него из духового ружья». Белым хулиганам не нравилось, что Мохамед пакистанец («поди объясни пьяному, что ты из Бангладеш»); что он торгует непонятным пакистанским мясом; что он носит челку и любит Элвиса Пресли; что сигареты у него дорогие, что приехал неизвестно откуда; либо им просто не нравилось выражение его лица. З. Смит пишет, что Мохамед сопротивлялся как мог, но тут же с горечью замечает, что «в одиночку против армии не выступишь» (все цитаты из романа «Белые зубы» приводятся по [6]).

Таким образом, мультикультурное население современного Лондона характеризуется неоднозначными межрасовыми отношениями, и в нем существуют смешанные, переходные идентичности. Самый яркий тому пример из романа – это, несомненно, описание молодежной банды Раггастани, члены которой невероятным образом сочетают приверженность к европейской культуре с трансформированной себе на пользу верой в Аллаха: «Среди других уличных групп <...> они появились как помесь культур, <...> общались на дикой смеси ямайского наречия, гуджарати, бенгальского и английского языков. Их учение <...> тоже являло собой гибрид: Аллаха почитали, но не как далекое божество, а как всеобщего большого брата, сурового чудака, который в случае необходимости будет на их стороне; также в основе их философии лежали кунгфу и фильмы Брюса Ли; на это накладывалось некое представление о «Власти Черных» (основанное на альбоме группы «Паблик Энеми» «Угроза черной планеты»); но главным образом они видели свою миссию в том, чтобы сделать из индуса ирландского фения, из пакистанца – фанки-парня, а из бенгальца – бедового ковбоя».

Наконец, коммерческий успех романа не в последнюю очередь объясняется традиционной любовью англичан и особенно лондонцев ко всему экзотическому (прим. 1). Неискушенному читателю сложно осознать то, что идея плавильного котла обанкротилась, и в его сознании реальный мультикультурализм подменяется экзотичностью, что с большим сожалением неоднократно отмечала З. Смит в своих интервью. Критика экзотизма содержится и в «Белых зубах». Например, коренная англичанка Поппи Берт-Джонс одна из немногих поддерживает требование Самада Икбала включить в школьный календарь больше мусульманских праздников. На первый взгляд, её поступок указывает на прогрессивность и лояльность по отношению к «инаковости». Но реальная причина заключается в том, что Поппи хочет поэкспериментировать с необычной «индийской» музыкой и сделать школьные мероприятия более красочными. Поппи Берт-Джонс в восторге от «индийской» культуры Самада и очень удивляется, когда узнает, что он не из Индии. Но ещё больше она интересуется Самадом как мужчиной: это происходит во многом потому, что он напоминает ей Омара Шарифа. Читателю становится понятно, что за интересом к другой культуре кроется прагматизм

лондонцев и их пристрастие к экзотике. Данный эпизод содержит скрытую критику того восторга, с которым общественность могла принять сам роман с его ярким и разнообразным описанием жизни современной британской столицы. З. Смит не приемлет «бутиковый» мультикультурализм: мишурную эклектичность ресторанов, пестроту этнических фестивалей и другие виды «флирта» с иными культурами [7. С. 69].

Несмотря на то, что действие романа происходит в Лондоне, авторитетный английский критик Джеймс Вуд, автор термина «истерический реализм» (прим. 2), связывает «Белые зубы» скорее с творчеством Тома Вулфа, Дэвида Эггерса, Дэвида Фостера Уоллеса и Салмана Рушди, другими словами, с постмодернистской трансатлантической литературой.

Как «Сатанинские стихи» Рушди, «Белые зубы» практически не обладают самым характерным качеством, присущим английской литературе, а именно, чувством места. Вместо этого роман полагается на теоретические и аллегорические возможности гибридного пространства, в котором все «перемешано» (прим. 3); в результате действие могло бы разворачиваться в любом современном мегаполисе. В отличие от Х. Курейши, который создаёт одно из самых живых конкретных описаний Лондона со времён Диккенса, в «Белых зубах» сложно найти детальное описание характерных топографических черт Лондона. Относительная безликость городского пространства символизирует распавшийся и обособившийся мир предметов и человеческих отношений. Так, дочь Джонсов Айри стремится восстановить целостность своего мира, собирая разнородные артефакты и пытаясь восстановить ход истории. Впрочем, ей это не удастся: предсказуемость, упорядоченность, научность терпит фиаско в этом отчасти «магическом» мире. Попытка Маркуса Чалфена, ученого, занимающегося генной инженерией, запрограммировать, просчитать будущее до секунды проваливается, а подопытная мышь, на которую он возлагал большие надежды, убегает. Строго категоризировать мир не удастся ни одному из героев.

Итак, в «Белых зубах» на месте Лондона мог быть любой другой мегаполис, любой другой «Вавилон» в рамках избранного писательницей «трансатлантического пути». В результате этого получается гибридный полуфантастический образ мегаполиса, этаким

«макондовский» Лондон, который вбирает в себя всех и вся. Отметим, что, хотя роман З. Смит и нельзя отнести к магическому реализму, в нем можно обнаружить отдельные черты этого жанра. Так, главы с показательными названиями «“Конец истории” против “Последнего человека”», «Последнее место действия», «О мышах и о памяти» характеризуются искаженным течением времени, перекрыванием и взаимным наложением пространств, возвратом к мифологической концептуализации действительности.

З. Смит тем не менее не может обойти стороной настойчивую и мощную мифологию, которую Лондон, как бывшая столица Британской империи, накладывает на сознание героев романа. Например, Самад волевым решением расстался с англичанкой Поппи Берт-Джонс, «коварной искусительницей», которая, по его мнению, сбивала его с пути нравственной чистоты. Его коллега Шива укоряет его: «Говорил тебе, не впутываться в это дело <...> Коричневый мужчина бросает англичанку, Неру делает ручкой мадам Британии». Шива ссылается на исторический полуфакт, полуанекдот, когда жена вице-короля Индии лорда Маунтбеттена состояла в любовной связи с Джавахарлалом Неру и последний отверг ее, английскую леди! – как раз тогда, когда Индия добилась независимости, «отвергнув» Британию. Шива, таким образом, смотрит на эту ситуацию сквозь призму колониального сознания: у него в некотором смысле остался стереотип о Лондоне как о месте, в котором живут представители высшей касты, идеальные леди и джентльмены. Этот мотив, безусловно, не является новым: поразительные аналогии находим, в частности, у Х. Курейши в романе «Будда из пригорода». В нем Лондон, как анклав маргиналов, иронично противопоставляется восприятию иммигрантов, не способных избавиться от идиллических образов викторианской литературы, рисовавшей Англию, населенную безупречными джентльменами и леди (прим. 4): «Здесь [в южном Лондоне] безработные слонялись от нечего делать по улицам, мужчины в пыльных куртках и женщины в стоптанных башмаках без чулок. Пока мы гуляли, глаза по сторонам, Чангиз говорил о том, как он любит англичан, как они вежливы и тактичны: «Они настоящие джентльмены, особенно женщины». У джентльменов были нездоровые лица, серая кожа. <...> Чангиз, видимо, думал о том же. Он сказал: «Вероятно, я чувствую себя здесь как дома, это напоминает мне Калькутту» [8. С. 360-361].

Метафорой застывшего колониального времени в «Белых зубах» становится эпизод, когда Миллат Икбал стоит на Трафальгарской площади перед памятником генералу Хэвлоку, подавившему восстание сипаев в Индии, которое, как следует из содержания романа, инициировал прапрадед Миллата Мангал Панде. Памятник имеет очень унылый вид, он весь обгажен голубями, но Миллат по-прежнему видит в генерале врага. Показательно, что характерной чертой памятника генералу является пустой взгляд Хэвлока, стоит он на холодном, бездушном постаменте, и для нового поколения он пустое место. В этой связи друг и соратник Миллата Абдул-Колин произносит такие слова: «Посмотрите на их империю. Все, что от нее осталось, – это улица Чарльза Второго и «Саут-Эфрика-хаус», да еще дебилы мраморные люди и мраморные кони. <...> Вот и все, что осталось» (прим. 5).

Холодность, пустота, уродство – воплощение всего, что существовало под флагом британской власти. Например, в праздник урожая Маджид, Миллат и Айри идут по поручению школы в гости к некоему пенсионеру с Кензл-райз, чтобы вручить ему подарки. Оказывается, что этот старик являет собой пример вопиющей расовой нетерпимости и воплощает пережитки колониального прошлого. У него стеклянный глаз и вставная челюсть; он настолько отвратительный и гротескный, что вызывает ассоциации с диккенсовским Круком.

Таким образом, роман «Белые зубы» лишён чувства симпатии к Британии, которое формировало важный мифологический фон для творчества ряда писателей из стран Карибского бассейна, в основном предшественников З. Смит.

В «Белых зубах», как и в «Загадке прибытия» В.С. Найпола, как и в «Будде из пригорода» Х. Курейши, Лондон, центр бывшей империи, принимает метафорическую форму устаревшего текста, отмирающей знаковой системы. Так, Самад старается говорить на «правильном» английском языке, но окружающие находят его речевое поведение старомодным и напыщенным. Этот герой, вот уже двадцать лет вынужденный слушать «жуткое произношение лондонцев», негодует: «Похоже, грамматику в наши дни помнят одни только иммигранты». Похожая ситуация описана у Курейши: когда отец главного героя «принимался рассуждать о Байроне в местных пабах, выяснялось, что <...> далеко не каждый желает выслушивать

лекции индийца на тему поэтики безумца и извращенца, а ведь его никто не предупреждал об этом» [8. С. 46].

В «Белых зубах» Самад, как иммигрант, не способен избавиться от идиллического образа Англии, о чем свидетельствует его видение в ресторане (он работает официантом), которое отсылает читателя к колониальному дискурсу: «Самад смотрел в эти розовые лица, и ему грезились джентльмены, задравшие ноги на стол, в тропических шлемах и с оружием на коленях; дамы, прихлебывающие чай на верандах под дарующими прохладу опахалами из страусиных перьев в руках смуглых мальчиков». Видение Самада имеет связь с реальностью, поскольку, как отмечает З. Смит, в современных англичанах осталось подсознательное стремление цивилизовать отсталые народы, нести «бремя белого человека». Так, Чалфены с «их удивительной логичностью, их добротой, их умом» сравниваются с пассажирами «Мейфлауэр», «безумными глазами высматривавшими берег и не находившими его», с «пилигримами и пророками, не находящими Новой земли». Однако у Чалфенов наблюдается недостаток идей и энергии: их стремление колонизировать, казалось бы, становится абстрактным, выхолощенным, но тут они знакомятся с Миллатом Икбалом и Айри Джонс, а потом с Маджидом Икбалом и с жадностью принимают их в свои цивилизующие объятия. Айри потом все поймет: «не они нужны нам (прим. б), а мы им – им нужна свежая кровь!»

З. Смит пишет не столько о «прямой», сколько об «обратной» колонизации – освоении столицы бывшей империи выходцами из ее бывших колоний. Этот процесс подобен процессу вживления в ткань принимающего лондонского текста отсылки к тексту другой культуры; в результате как принимающий текст, так и текст-источник трансформируются, получается нечто новое, не сводящееся к простой сумме двух компонентов – вот процесс сплавления культур в действии! Под лондонским текстом мы понимаем «глобальную» вербализацию концепта «Лондон», получаемую путем сближения текстов исследуемой смысловой сферы, т.е. текстов, в которых наличествуют вербализации данного концепта. Лондонский текст – это теоретико-множественная сумма признаков, содержащихся в литературных произведениях, которые так или иначе связаны с британской столицей.

Процесс колонизации идет параллельно процессу «присвоения» городского пространства: освоив пространство, «колонизатор» считает его своим (прим. 7). Зейди Смит пишет, в частности, о районе Уиллисден на северо-востоке Лондона, который в разгар викторианской эпохи был популярным местом отдыха лондонцев, а к 1992 стал центром огромной австралийской диаспоры. «В викторианском особняке шестнадцать незаконно проживающих австралийцев проделали в полу большую дырку и жарили в ней свинью, видно, пытаясь воссоздать эффект подземной печи, распространенной в Южном полушарии». Стремление преобразовать, «одомашнить» постколониальный Лондон, приспособить его к своему образу жизни – еще одна тема романа «Белые зубы».

Процесс колонизации неизбежно сопряжен с мотивом неизвестности / неопределенности и со сценарием исследования. У З. Смит Лондон может в отдельных случаях становиться волнующим пространством мультикультурных возможностей (традиция, заложенная еще Конрадом в повести «Негр с “Нарцисса”») или же тиглем для научных экспериментов (тема, которую поднял Оруэлл в автобиографической книге «Фунты лиха в Париже и Лондоне»). Так, устав от семейных тайн и недосказанности, Айри Джонс ночью едет на автобусе к бабушке на другой конец города, надеясь найти там правду: «Она пошла в свою комнату, взяла тетради и учебники, самую необходимую одежду, сложила все в большой рюкзак и надела длинное пальто прямо на ночную рубашку. <...> Айри знала, куда надо идти – к самому сердцу тайн, туда, куда в это время суток можно добраться только на 17-м автобусе, сидя на втором этаже среди сидений, залитых рвотой, и до места назначения ехать 47 остановок». В пути, как первооткрывателю, ей приходится пройти сквозь ряд испытаний: «вечно их сначала три часа ждешь на остановке, на морозе, а потом, наконец, залезаешь и на тебя со всех сторон дует, потому что какие-то идиоты пооткрывали все окна. В итоге промерзаешь до смерти» (прим. 8).

Говоря об экспериментах на лондонском пространстве в романе, нельзя не вспомнить, как Самад буквально ставит опыт на своих сыновьях. После долгих и мучительных раздумий он отправляет старшего Маджида к родственникам в Бангладеш, подальше от разлагающего влияния Лондона, надеясь, что на родине тот впитает традиции и моральные устои. Маджид до этого точно так же

экспериментирует в школе с двумя горшками с бобами: одно растение он закрыл в шкафу, а другое выставил на солнце, чтобы посмотреть, какое из них будет расти лучше. Ученый Маркус Чалфен ставит опыты на мышах, пытаясь запрограммировать их жизнь на генетическом уровне. Ни один из этих экспериментов не увенчался успехом: Маджид, например, возвращается из Бангладеш совершенным англоманом, а «Мышь будущего», лучший подопытный экземпляр Маркуса, убегает. Сама З. Смит называет свой роман одним большим трансатлантическим экспериментом с непредсказуемым результатом.

Лондон – это, безусловно, город больших возможностей, но, если человек слаб, этот город подомнет его под себя и раздавит. В английской литературе это достаточно распространенный сценарий, и данный компонент лондонского текста присутствует и в «Белых зубах». Когда Даркус Боуден, отец Клары, приехал в Лондон с Ямайки, он оказался неспособным противостоять разлагающему воздействию телевидения и впал в летаргическое оцепенение перед экраном. Самад, который считает себя правоверным мусульманином (при этом сам много пьет и ест свинину), полагает, что Лондон его развратил, лишил моральных ориентиров; он негодует по поводу распушенности современной молодежи и часто бросается словом «неверный». Город неверных, с которыми надо вести войну, – таков Лондон в представлении исламских фундаменталистов, принадлежащих к радикальной организации КЕВИН («Крепкое единство воинов исламского народа»). Лондон для «Свидетелей Иеговы» (к их числу относится мать Клары Гортензия и первый молодой человек Клары Райан Топпс) – это погрязший во грехе Вавилон, который идет к неизбежному концу. Метафора «Лондон-Вавилон» имплицитно эсхатологические мотивы и, как у С. Рушди в «Сатанинских стихах», Лондон предстаёт апокалиптическим. Особенно к концу романа сюжет закручивается так, что кажется, что апокалипсис действительно грядет.

В тот день, когда кончается старый 1992 год и начинается новый отсчёт времени, разные группировки со своими лидерами и отдельные индивиды устремляются в центр Лондона в вымышленный Институт Перре на презентацию «Мыши будущего». По их плану там должна произойти решающая битва добра со злом. Участники конфликта видят зло по-разному: для исламистов из КЕВИНа – это

европейская цивилизация, для Маджида и Маркуса, представляющих науку, – это хаос и непредсказуемость. Группировка ФАТУМ («Фронт антиэксплуатации тварей угнетенных и мучимых») отправляется на борьбу с вивисекцией, Гортензия Боуден и «Свидетели Иеговы» – с грехом, Миллат – с судьбой.

Тот факт, что объектом пристального внимания общественности выступает мышь, уже сам по себе указывает на ничтожность повода для глобального конфликта. О том, как измельчали интересы и цели человечества, говорит и название главы: «О мышах и о памяти».

Автор превращает действия героев в фарс. Среди борцов за глобальные цели мы обнаруживаем Абдула-Микки, который пришёл на презентацию, чтобы узнать средство, способное раз и навсегда избавить от прыщей его самого и членов его семьи. (Он тоже борется с судьбой, но на другом, обывательском уровне.) Методы борьбы со злом, выбранные другими героями, также выглядят комично. Например, члены КЕВИНа собираются зачитать перед людьми, собравшимися на презентацию «Мыши будущего», отрывки из Корана, но никак не могут решить, какой перевод лучше. Сторонники ФАТУМа планируют инсценировать террористический акт и потребовать освобождения мыши в обмен на жизнь заложника (Джошуа Чалфену здесь уготована роль отрока, приносимого в жертву). Во всём чувствуется театральность, «постановочность» происходящего. Большинство людей собралось в Институте посмотреть на удивительную мышь, и им нет дела до борьбы добра со злом. Презентация Маркуса и покушение на доктора Перре для них всего лишь развлечение, шоу: «И вот Арчи кинулся под пулю, чтобы сделать нечто, удивительное даже для телевидения <...>. Весь зал с ужасом смотрел, как пуля попадает Арчи в бок – прямо в бедро, – как Арчи, словно в мелодраме, разворачивается и валится на коробку, в которой сидит мышь. Осколки во все стороны. Вот это зрелище! В телевизоре бы тотчас зазвучал саксофон, замелькали бы цифры выигрыша. Но сначала досмотрим игру...»

Попытки сторон конфликта обречены на провал даже в рамках того жанра, который З. Смит избрала для своего романа. Тем не менее, концентрация в одном месте большого количества людей с такими разными устремлениями создаёт напряжение, необходимое для эффектного финала в духе современной медиа-продукции. В роли героя и спасителя выступил Арчи Джонс, что было сложно ожидать

от такого «маленького», ничем не примечательного человека. Накопившиеся противоречия так и остались неразрешенными, так как они неразрешимы в принципе (например, проблема отцов и детей).

Апокалиптический мотив проходит через всё произведение, а образ рушащегося мира преследует героев на протяжении всего романа: даже свою будущую жену Арчи встретил, зайдя в дом, из окна верхнего этажа которого свисала простыня с надписью «Добро пожаловать на вечеринку в честь конца света, 1975». Хотя тема распада не является преобладающей, З. Смит не может обойти стороной худшие стороны лондонской жизни: запустение, бедность, грязь, плохой общественный транспорт, враждебность и нетерпимость горожан, высокий уровень преступности, безнаказанность злодеяний, распушенность нравов, наркомания. Вот далеко не полный перечень «темных проявлений» лондонской жизни, о которых говорит писательница: пьющая вульгарная молодежь, использованные шприцы, которые разбросаны повсюду; здания с облупившимися фасадами, обгаженные голубями памятники, ветхие эдвардианские дома с полуподвальными квартирами, в которых вынуждены ютиться иммигранты и из окон которых видны только ноги проходящих («штопаные носки и знавшие лучшие времена сумки с длинными ручками»); разбитые стекла в автобусах и сидения, залитые рвотой (прим. 9); и на этом фоне – крайняя отчужденность, разобщенность людей.

К мотиву отчужденности близок мотив призрачности всего происходящего, и в этой связи актуализируется признак «Лондон-мираж», «Лондон-видение». Например, З. Смит пишет о том, как рано утром Айри пьет чай на кухне полуподвальной квартиры, где живет ее бабушка. Солнце стоит еще низко, поэтому его лучи проникают сквозь окно. Из-за игры света и тени Айри «вместо хаоса Ламбета представляются виноградники под Флоренцией и мускулистые загорелые итальянцы, собирающие сочные ягоды, чтобы потом топтать их ногами». Но вскоре неумолимое солнце поднимается выше, мираж исчезает, и все становится серым и обычным. «Оставался только ветхий эдвардианский дом. Запасные пути, названные именами неосторожных детей. Узкий участок земли, где ничего толком не могло вырасти. И бледный кривоногий человек с рыжими волосами, сутулый, в резиновых сапогах топтался в земле, стараясь с подошвы остатки растоптанного помидора».

З. Смит, тем не менее, принадлежит ко второму поколению иммигрантов, которые выросли далеко не в идеальной лондонской среде и принимают как данность то, что может повергнуть приезжего в шок. Как и в классическом английском романе, она видит и критикует худшие стороны жизни, но не предлагает действенного решения проблем – библейский призыв быть терпимым и «возлюбить соседа своего» регулярно звучит, но жизнь в современном мегаполисе с его скученностью и разнородностью населения делает реализацию этого принципа невозможной. З. Смит пропагандирует непредвзятый взгляд на окружающую действительность, а также терпимость к культурным различиям. Герои романа неоднократно призывают «жить и давать жить другим». Например, Джойс и Клара ищут «нейтральное место», где англофил Маджид и ставший англофобом Миллат смогли бы помириться. Айри тоже мечтает о таком месте, где неважно, кто ты и откуда родом. Тем не менее, сама писательница признаёт утопичность идеи всеобщей терпимости: «Нейтральное место. В наше время шансы найти нейтральное место ничтожно малы. <...> Только подумайте, сколько всего надо разгрести, чтобы начать все с чистого листа. Национальность. Страну. Принадлежность. Веру. Воровство. Кровь. И еще кровь. И еще. Нейтральным должно быть не только место, но и тот, кто тебя туда приведет, а еще тот, кто послал того, кто приведет. В Северном Лондоне не осталось ни таких мест, ни таких людей». Возможно, отсюда такой «оборванный», несколько наигранный конец романа.

В заключение отметим, что Лондон не является «главным героем» романа «Белые зубы»; это просто место действия, однако в книге содержится ряд характерных компонентов лондонского текста. Это еще раз свидетельствует о том, что схожесть текстов, которые образуют лондонский текст, объясняется более глубокими причинами, чем простое цитирование, реминисценции или подражание: не влиянием одного текста на другой, одного автора на другого, а наличием некоторой сверхтрадиции.

Английская столица у З. Смит не представляет собой гармоничного мультикультурного пространства: концепт плавильного котла писательницей критически пересматривается.

Примечания

1. Как отмечает П. Акرويد в книге «Лондон: Биография», «жажду экзотических зрелищ, присущую лондонцам на протяжении многих столетий, невозможно переоценить», а «в чудесах и курьезах в Лондоне никогда не было недостатка» [9. С. 192]. Великаны и карлики, сиамские близнецы, несчастные уродцы и, на худой конец, люди с другим цветом кожи неизменно пользовались у лондонской публики успехом: по словам шута Тринкуло из «Бури» Шекспира, «там [в Англии] гроша не дадут, чтобы помочь нищему калеке, а десять заплатят, чтоб посмотреть на мертвого индейца» [10]. В пьесах XVI-XVII вв. мавр выводится как существо иррациональное и опасное; с началом в XVI в. африканской торговли и появлением в Лондоне первых чернокожих рабов горожане стали задаваться вопросом, есть ли у этих язычников души или они недочеловеки и цвет их кожи свидетельствует о глубокой пропасти, отделяющей их от людей. Поэтому они вызывали страх, смешанный с крайним любопытством: «мавр считался похотливым созданием, будто чернота кожи была знаком черных влечений, скорее звериных, нежели человеческих» [9. С. 804]. Подозрительное отношение к представителям других рас сохранилось вплоть до второй половины XX в., когда иммиграция в Лондон стала явлением массовым.

2. «Белые зубы» 3. Смит стали первым романом, охарактеризованным как произведение истерического реализма. Сам же термин впервые прозвучал в резкой статье Дж. Вуда «Human, All Too Inhuman: The Smallness of the “Big” Novel» [11], в которой автор критикует современные романы с необоснованно раздутым сюжетом, «где много и шума и страстей, но смысла нет». Вуд не приемлет истерический реализм за стремление придать литературному повествованию черты социальной теории и за желание «показать, как работает мир, в большей мере, чем передать личные переживания героя». При этом функционирование мира описывается сквозь призму (ограниченного) личного опыта автора, а субъективное начало подменяет объективное. Истерический реализм характеризуется преувеличенной значимостью деталей и нарочитой экстравагантностью, неоправданным гротеском в трактовке повседневной реальности. Помимо З. Смит, к представителям истерического реализма Вуд относит таких авторов, как Салман Рушди, Дэвид Фостер Уоллес, Дон Делилло, Томас Пинчон и Джеффри Эугенидис (Евгенидис). Зейди Смит, впрочем, умело использовала критику Вуда в свою пользу, заявив, что «истерический реализм есть <...> точное название тому полному преувеличений, маниакальному стилю, в котором написаны “Белые зубы”» [3].

3. Вот забавные примеры смешения культур: жена Самада Алсана носит сари с кроссовками, а голову обматывает оранжевым африканским шарфом; сам «правоверный мусульманин» Самад разгуливает в голубом спортивном костюме и в бейсболке с эмблемой «Лос-Анджелесских рейдеров», которую ему подарила любовница-англичанка. Микрокосмом расово эклектичного района Виллесден-Грин является псевдоирландский паб и бильярдная «О'Коннелл». Официально зарегистрированное как «Эндрю О'Коннелл Юсуф», данное заведение является местом, где мирно уживаются англичане и представители других национальностей. Это находит своё отражение и в оформлении помещения: стены, покрытые оранжевой и зелёной краской, украшены коврами (чтобы скрыть пятна от пищи); еще там висят репродукции картин Джорджа Стаббса, на которых изображены скачки, карта Арабских Эмиратов, картонная фигура Вива Ричардса (антигуанский игрок в крикет) и фрагменты из Корана (повешенные по совету братьев владельца, чтобы в этом заведении-гибриде «было приятно находиться»). Управляет пабом выходец из Ирака Абдул-Микки, чьи родственники также носят гибридные имена Абдул-Колин, Абдул-Джимми и так далее. «В большой и взрывоопасной семье Микки существовала традиция называть всех сыновей Абдулами, дабы научить их не заноситься и быть как все, что было чудесно и замечательно, но в юные годы их совместного проживания создавало путаницу. Однако дети не растерялись и придумали к арабскому имен английский хвост».

4. Ср. авто- и гетеростереотипы в терминологии В.Б. Кашкина (т.е. то, что мы думаем о себе и о «чужих»). «Англичане – джентльмены» – это гетеростереотип. «Гетеростереотип говорит больше не столько о референте этнонима, связанного со стереотипом, сколько о создателе и пользователе стереотипа» [12].

5. Подобно этому метафорой застывшего колониального времени в романе В.С. Найпола «Загадка прибытия» становятся старомодные, тяжелые автоматы по продаже сладостей, стоящие на станциях метро с незапамятных, колониальных времен. Автоматы, которые уже не продают ни конфет, ни шоколадок (тема приостановившегося прошлого), но все еще существуют согласно предписанию некоего грандиозного сценария империи как памятники ушедшему в небытие блеску колониализма. Знаки теряют естественную первоначальную функцию и приобретают новое отрицательное содержание.

6. После того как Миллата Икбала, Айри Джонс и Джошуа Чалфена застали на школьном дворе за курением марихуаны, Миллата и Айри обязали два месяца ходить домой к отличнику Джошуа, чтобы подтянуть свои знания по математике и биологии. В разговоре с

директором школы прогрессивные Чалфены заметили, что образовательная политика должна не столько пользоваться карательными мерами, сколько вести к плодотворному сотрудничеству, и поэтому они предложили этот двухмесячный курс.

7. В романе Х. Курейши «Будда из пригорода» главный герой Карим Эмир, «колонизировавший» Лондон, торжествует: «Наконец-то передо мной был Лондон, и ничто не давало мне большего удовлетворения, чем весь день гулять по моим новым владениям» [8. С. 126].

8. Мотив исследования весьма характерен для лондонского текста: когда в романе В. Вулф дочь миссис Дэллоуэй Элизабет садится в автобус на Виктория-Стрит и едет по Уайтхоллу и Стрэнду до Чансери-Лэйн, она точно так же испытывает захватывающее чувство свободы и некоторый страх перед неизведанным: «Она посмотрела вдоль Флит-стрит. Немножко прошла к собору Святого Павла; она шла с опаской, будто забралась среди ночи в чужое жилье и пробирается на цыпочках, со свечой и дрожит, что вот-вот хозяин громыхнет дверью спальни и огреет вопросом, чего ей тут надо; она не давала себя сманить странным закоулочкам, зазывным поворотам, как не стала бы толкать чужой двери, чтоб не вломиться ненароком в спальню, гостиную или, того гляди, в кладовую. Дэллоуэйев каждый день на Стрэнде не увидишь. Она отбилась от своих, стала первооткрывателем и шла на авось, наобум» [13].

9. В романе «Soft City» английский писатель Джонатан Рабан (род. в 1942г.) указывает на то, что в постколониальной литературе самым распространенным признаком в описаниях Лондона является грязь, которая, служит своего рода «моральной синекдохой» (*moral synecdoche*) [14. С. 32] британских кампаний по захвату колоний – всей той грязи, что оставила после себя империя.

Библиографический список

1. Smith Z. White Teeth. London: Hamish Hamilton, 2000. 480 p.
2. Parrinder P. Nation and Novel: The English Novel from its Origins to the Present Day. Oxford and New York: Oxford University Press, 2006. 502 p.
3. Smith Z. This is How It Feels to Be Me // The Guardian. Oct. 13, 2001.
4. Prosser S. An Interview // The Guardian. Sep. 3, 2001.
5. Толкачев С. П. Мультикультурный контекст современного английского романа: Монография. М.: Литературный институт им. А.М. Горького, 2003. 405 с.

6. Смит З. Белые зубы / Пер. О. Качановой, М. Мельниченко. М.: Издательство Ольги Морозовой, 2005. 373 с. // Электронный ресурс Интернет: <http://etextlib.ru/Book/DownloadPDFFile/49272>.
7. Fish S. Boutique Multiculturalism // Multiculturalism and American Democracy / Ed. by A.M. Meizer, J. Weinberger. Lawrence Ka., 1998. P. 31-84.
8. Курейши Х. Будда из пригорода / Пер. Д. Крупской. М.: Иностранка, 2002. 454 с.
9. Акройд П. Лондон: биография. М.: Издательство Ольги Морозовой, 2005. 893 с.
10. Шекспир У. Буря / Пер. М. Кузмина. М.: Московский рабочий, 1990 // Электронный ресурс Интернет: <http://lib.misto.kiev.ua/SHAKESPEARE/tempest1.txt>.
11. Wood J. Human, All Too Inhuman: The Smallness of the “Big” Novel // The New Republic. July 24, 2000.
12. Кашкин В.Б. Этноним в наивной философии языка и картине мира. 2002 // Электронный ресурс Интернет: <http://kachkine.narod.ru/Articles2003/KashkineIdentity2002.htm>.
13. Вулф В. Миссис Дэллоуэй // Избранное / Пер. Е. Суриц. М.: Художественная литература, 1989 // Электронный ресурс Интернет: http://lib.ru/INPROZ/WULF_W/dalloway.txt.
14. Raban J. Soft City. London: Flamingo, 1984. 301 p.

Сведения об авторах

Ситникова Елена Александровна
старший преподаватель кафедры иностранных языков
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» – Нижний Новгород
E-mail: ea_sitnikova@bk.ru

Соснин Алексей Владимирович
кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» – Нижний Новгород
E-mail: alexsosnin@mail.ru

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 378.147:81'246.2

TOLERANZ IM UMGANG MIT FEHLERN: ZUM EINFLUSS DER MUTTERSPRACHLICHEN INTERFERENZ BEIM ERLERNEN EINER FREMDSPRACHE (am Beispiel von russischsprachigen Deutschlernern)

G.B. Matthias

Staatliche Linguistische Dobroljubow-Universität Nishnij Nowgorod

Толерантность в процессе обучения иностранному языку: влияние родного языка на процесс изучения немецкого языка (на примере русскоговорящих студентов)

В статье рассматривается интерференция как часто встречающаяся причина ошибок в процессе изучения иностранного языка, а также влияние родного языка на этот процесс, приводится классификация видов интерференции. Многочисленные примеры из работ студентов отражают данную проблематику.

Ключевые слова: интерференция, процесс изучения иностранного языка, влияние родного языка.

Tolerance in Dealing With Mistakes: The Influence of Mother Tongue Interference in Learning a Foreign Language (Russian Speakers Learning German) Georgia Bettina Matthias

The article looks at interference and, more specifically, mother tongue interference as a frequent cause of mistakes in the process of learning a foreign language. It describes different types of native language interference and demonstrates its influence on the language learning process, citing numerous examples from students' papers.

Key words: interference, learning a foreign language, native language interference, Russian speakers.

„Jeder, der eine Sprache lernt, macht Fehler!“ [1. S. 64]. Das wissen wir aus unserer eigenen Erfahrung. Erst haben wir Fehler beim Erlernen der Erstsprache, später beim Fremdsprachenerwerb gemacht. Als Sprachlehrer sollten wir uns dessen bewusst sein, dass Fehler natürliche Phänomene sind und notwendige Phasen im Sprachlernprozess darstellen (vgl. 1. S. 64f.).

Ausgehend von der Tatsache, dass Lerner aus ihren Fehlern lernen und sich auf diese Weise sprachlich weiterentwickeln können, bemüht sich der vorliegende Aufsatz um eine Sensibilisierung für die häufig vorkommende Fehlerquelle Interferenz. Zahlreiche Beispiele aus dem Unterricht mit russischsprachigen Deutschlernern sollen die Problematik veranschaulichen.

1. Zum Begriff der Interferenz

Der Begriff ‚Interferenz‘ wurde bereits im 17. Jahrhundert im Bereich der Physik geprägt. Er bezeichnet die Überlagerung von Wellen ähnlicher Länge, wie man sie beispielsweise im Radio durch Rauschen oder Pfeifen wahrnehmen kann [2. S. 37]. In der sprachwissenschaftlichen Literatur wird der Terminus ‚Interferenz‘ seit Mitte des 20. Jahrhunderts unterschiedlich verwendet. Er wird zum einen als „Prozeß, in dem ein Sprecher einen Normverstoß begeht, weil er Strukturen einer Sprache auf eine andere überträgt“ [3. S. 167] aber auch als „Ergebnis dieses Prozesses, wie es sich in Grammatik, Lexik, Idiomatik etc. niederschlägt“ [3. S. 167] gebraucht.

Es erscheint sinnvoll, die Begriffe ‚Interferenz‘ und ‚Transfer‘, die eng miteinander verbunden sind, voneinander abzugrenzen. Den weiteren Ausführungen liegen in Anlehnung an Kielhöfer und Snell-Hornby folgende Definitionen zu Grunde: Unter ‚Transfer‘ wird der Übertragungsprozess von Formen oder Strukturen einer Sprache auf eine andere, unter ‚Interferenz‘ das negative Ergebnis dieses Transfers, das sich auf den verschiedenen Sprachebenen niederschlägt, verstanden. Interferenz führt demnach zu einem Verstoß gegen die Norm. Die Ursachen der Interferenz sind hauptsächlich in der vermeintlichen Ähnlichkeit der Sprachen L 1 und L 2 begründet. Der Lerner geht davon aus, dass es formale oder strukturelle Ähnlichkeiten zwischen den Sprachen gibt und überträgt sie. (vgl. 2. S. 38) Andererseits scheinen die Komplexität und die damit verbundene Strategie der Vereinfachung eine nicht unwesentliche Rolle bei der Entstehung von Interferenzen zu spielen. Wenn komplexe oder unregelmäßige Strukturen Probleme in der Fremdsprache bereiten, dann kann der Lerner versuchen, sie mit Hilfe der Muttersprache zu vereinfachen. (vgl. 2. S. 39) Auf diese Weise kann es auch bei Kontrasten, bei Phänomenen wie z. B. dem Artikel im Deutschen, die in der Muttersprache nicht vorhanden sind, zu Interferenzen kommen. Besonders

in den Anfangsphasen des Deutschunterrichts kann es dazu führen, dass russischsprachige Lerner den Artikel nicht setzen, da es in der Muttersprache hier eine Nullstelle gibt (vgl. 4. S. 229f.), z. B. „*Es lebten Brüderchen und Schwesterchen; sie gingen in großen Wald ... und setzen sich in hohlen Baum*“ [4. S. 230].

2. Zum Einfluss der Muttersprache

Allgemein lässt sich konstatieren, dass die Muttersprache einen großen Einfluss auf das Erlernen einer Fremdsprache hat. Es fällt uns beispielsweise sehr schwer eine Sprache zu lernen, die unserer Muttersprache fremd ist. Während die Andersartigkeit von Sprachen wie Arabisch und Chinesisch, die vollkommen andere Strukturen als eine (indo-) europäische Sprache haben, große Probleme bereitet, erleichtern die vielen Ähnlichkeiten das Erlernen durch die Möglichkeit des Transfers. (vgl. 2. S. 37ff.) Dennoch muss man bemerken, dass der Einfluss der Muttersprache auf den einzelnen Niveaustufen unterschiedlich stark ist. Im Anfangsunterricht beschränkt er sich vor allem auf die Aussprache, die Intonation und einfache Lexik (woraus sich die „falschen Freunde“ ergeben). Auf dem Mittelstufenniveau ist der muttersprachliche Einfluss besonders hoch. Er nimmt dann aber mehr und mehr ab, wenn sich der Lerner im System der Fremdsprache so zurechtfindet, dass er in ihr zu generalisieren und zu übertragen beginnt. Im Bereich der Lexik und insbesondere bei der Verwendung von Präpositionen bleibt der Transfer aus der Muttersprache jedoch auch bei fortgeschrittenen Lernern bestehen (vgl. 4. S. 226ff. und 2. S. 43f.).

3. Interferenzarten

Die Gliederung der im Folgenden vorgestellten Interferenzarten erhebt keinen Anspruch auf Vollständigkeit. Die angeführten Beispiele entstammen der eigenen Unterrichtspraxis, einige sind aber auch der einschlägigen Literatur entnommen. Sie dienen der Illustration der Problematik und der Verdeutlichung der Relevanz für den Unterricht.

3.1. Phonetische und orthografische Interferenz

Die Aufmerksamkeit im Bereich der phonetischen Interferenz soll nicht auf die bekannten Probleme wie die Unterscheidung von langen und kurzen Vokalen, die sprachliche Realisierung der Umlaute oder des Ich-

Lauts gelenkt werden, sondern ein phonetisches Interferenzproblem, mit dem man es auch bei fortgeschrittenen Lernern immer wieder zu tun hat, betrachten. Es geht um die Akzentunterschiede bei formal identischen Wörtern. Der Wortakzent hebt im Russischen den betonten Silbenvokal stark heraus und wirkt auf alle vor- und nachtonigen Vokale reduzierend (vgl. 1. S. 82). Auf diese Weise wird aus *Verónika* [ve'ro:nika] oder *Pótsdam* [ˈpotsdam] im Deutschen, *Veroníka* [vira'nika] und *Potsdáam* [pats'dam] analog zur Reduktion im Russischen gebildet (vgl. 4. S. 228).

Im Bereich der Orthografie kommt es abgesehen von der falschen Verschriftlichung der langen Vokale und den Problemen mit der Groß- und Kleinschreibung häufig zu Fehlern, die mit der Schreibung in der Muttersprache verbunden sind, z. B. bei:

Agregat anstatt *Aggregat* (russisch: agregat),

Tost anstatt *Toast* (russisch: tost),

Sertifikat anstatt *Zertifikat* (russisch: sertifikat) und

Marafon anstatt *Marathon* (russisch: marafon)

(vgl. 1. S. 83ff. und 4. S. 228).

Der Übergang von der kyrillischen zur lateinischen Schrift bringt viele Schwierigkeiten mit sich, da es sich um ein vollkommen anderes Zeichensystem handelt. Dennoch gibt es einige Zeichen, die in beiden Sprachen vorkommen:

z. B. steht dann für deutsch: *D, d* – das russische: *D, g*,

für deutsch: *R, r* – das russische *P, p*,

für deutsch *I, i* – das russische *U, u*.

Hier kommt es häufig zu handschriftlichen Interferenzen nicht nur in der Anfangsphase, sondern auch im fortgeschrittenen Lernstadium. Interferenzen wie *gurch* statt *durch* oder *uch* statt *ich* sind keine Seltenheit. (vgl. 1. S. 86ff.)

Da im Russischen nur Satzanfänge und Eigennamen groß geschrieben werden, wird diese Regel immer wieder auf die Groß- und Kleinschreibung übertragen. Das zeigt sich am häufigsten bei Substantivierungen. (vgl. 1. S. 86ff.)

3.2. Lexikalische Interferenz

Im Bereich der lexikalischen Interferenz führen ‚falsche Freunde‘ häufig zu Missverständnissen: „Wörter oder andere Einheiten zweier Sprachen, die aufgrund ihrer – oft herkunftsbedingten – gleichen oder

ähnlichen Form der Vermutung Vorschub leisten, dass sie auch gleich oder ähnlich verwendet werden“ [5. S. 169].

„*Ich kenne eine gute Anekdote.*“ Während das russische Wort *anekdot* einen Witz bezeichnet, versteht man im Deutschen unter einer *Anekdote* eine kurze, lustige Geschichte über bekannte Persönlichkeit oder ein Geschehen. Aus diesem Bedeutungsunterschied ergibt sich eine andere Erwartungshaltung beim deutschen Gesprächspartner, wenn eine Anekdote angekündigt wird, dann aber ein Witz erzählt wird.

„*Wann planieren wir das Seminar?*“ Russisch *planirovat'* bedeutet planen, im Deutschen hat *planieren* die Bedeutung mit einer Maschine den Boden eben zu machen.

„*Er arbeitet als Programist.*“ (russisch: *programist*, deutsch: *Programmierer*)

„*Er ist Militär.*“ Russisch *voennyj* bedeutet *Militär*. Im Deutschen ist es üblich entweder den Rang zu nennen, z. B. „*Er ist Offizier.*“ oder allgemein zu formulieren „*Er ist beim Militär.*“

„*Sie hat eine Hochbildung.*“ oder auch „*Sie hat eine Hochoausbildung.*“ In beiden Fällen ist die Rede von einer Hochschulbildung (russisch: *vysšee obrazovanie*).

„*Wir waren in der Computerklasse.*“ (russisch: *kompjuternyj klass*, deutsch: *Computerraum*)

„*Die Batterie ist heiß.*“ (russisch: *batareja*, deutsch: *Heizkörper*)

„*Die Bequemlichkeiten sind außen.*“ oder „*Das ist ein Zimmer ohne Bequemlichkeiten.*“ Fälscherweise wird *udobvsta* häufig mit *Bequemlichkeiten* übersetzt. Unter *udobvsta* im Russischen versteht man *Komfort*. In den genannten Beispielen ist allerdings nicht die Rede von *Komfort* im Allgemeinen, sondern es geht um die sanitären Anlagen, sie sich außerhalb des Hotelzimmers befinden. Es wäre demnach besser zu sagen, dass es sich um ein „*Zimmer ohne Bad und WC*“ handelt.

„*Überall reklamiert man Zigaretten.*“ Das russische Verb *reklamirovat'* bedeutet *Reklame machen* oder für etwas werben. Das deutsche Verb *reklamieren* bedeutet hingegen sich über eine fehlerhafte Ware beschweren. In dem Beispiel muss es daher heißen: „*Überall wirbt man für Zigaretten*“ oder „*Überall macht man Werbung für Zigaretten*“.

Eine weitere Schwierigkeit stellen Kollokationen, also typische Wortverbindungen dar, die Glück als „erwartbares Miteinandervorkommen von Lexemen“ [6. S. 353] definiert hat. „*Ich habe ein Stipendium*

gewonnen.“ (russisch: *Ja vyigrala stipendiju.*) Ein Stipendium kann man nicht gewinnen, sondern nur „erhalten“ oder „bekommen“. Ein Gewinn impliziert Glück und bei der Vergabe von Stipendien gibt es konkrete Kriterien, die weniger mit Glück als vielmehr mit Leistung in Zusammenhang stehen.

Weitere Beispiele für häufig vorkommende Kollokationen sind:

„Meine Lehrerin stellte mir heute eine Fünf.“ (russisch: *postavila mne*). Noten werden im Deutschen „gegeben“ und nicht „gestellt“.

„Medizin trinken“ (russisch: *pit' lekarstvo*). Medikamente werden „eingenommen“ oder „genommen“.

„Das kostet teuer.“ (russisch: *stoit dorogo.*) Im Deutschen gibt es zwei Varianten diesen Sachverhalt auszudrücken: „etwas ist teuer“ oder „es kostet viel“.

„Eine aus meinen Freundinnen ...“ (russisch: *odna iz moich podrug*) „Eine meiner Freundinnen ...“ muss es richtig heißen.

„Das ist in Deutschland zwei Mal billiger.“ (russisch: *v dva raza deševle*) „Das kostet in Deutschland nur die Hälfte.“

„Das ist in Russland zwei Mal teurer.“ (russisch: *v dva raza dorozhe.*) „Das ist doppelt so teuer in Russland.“ oder „Das kostet in Russland das Doppelte.“

„Oder wir gehen ins Kino oder ins Theater.“ (russisch: *libo ... libo*) entspricht im Deutschen *entweder ... oder*.

Erfahrungsgemäß stellen ‚Divergenzen‘, Wörter für die es in der Fremdsprache mehrere Entsprechungen gibt, die Lerner häufig vor Schwierigkeiten (vgl. 4. S. 233). Das russische Lexem *ljudi* hat im Deutschen zwei Äquivalente, nämlich Menschen und Leute. „Vor der Tür warten fünf Menschen.“ Hier sollte man besser sagen, dass fünf „Personen“ oder „Leute“ vor der Tür warten. *Leute* bezeichnet eine Gruppe von Menschen und *Personen* ist eher eine neutrale Bezeichnung von Individuen.

Tol'ko im Russischen hat im Deutschen die Bedeutungen *nur*, *erst* und *bloß*. „Meine Schwester ist nur drei Jahre alt.“ (anstatt: *erst drei Jahre alt*) oder „Ich habe das nur jetzt verstanden.“ (anstatt: *erst jetzt*) sind sehr häufige Beispiele dafür.

Die Verben *wissen* und *kennen* haben im Russischen die Entsprechung *znat'*. Dabei bedeutet *wissen* allgemeine Kenntnisse z. B. aus Büchern zu haben oder über bestimmte Informationen zu verfügen, *kennen*

bedeutet hingegen Kenntnisse aus persönlicher Erfahrung zu haben. „*Ich weiß keinen russischen Mann, der ...*“ muss demnach richtig heißen: „*Ich kenne keinen russischen Mann, der ...*“.

Nicht zuletzt bereiten auch Präpositionen den Lernern große Schwierigkeiten. So hat die Präposition *nazad* im Deutschen verschiedene Äquivalente, von denen die temporale Verwendung mit den Bedeutungen *vor* und *zurück* besonders schwierig zu sein scheint. Sätze wie „*Zwei Jahre zurück ...*“ (russisch: *dva goda nazad*) sind im Unterricht keine Seltenheit. Die richtige Entsprechung ist „*vor zwei Jahren*“.

Ganz ähnlich gestaltet sich die Verwendung der Präposition *čerez*. Auch sie hat mehrere Entsprechungen im Deutschen. Hier scheinen jedoch die temporale und lokale Verwendung gleichermaßen Schwierigkeiten zu bereiten. Im Unterricht werden häufig Sätze wie „*Durch vier Jahren ...*“ (russisch: *čerez 4 goda*) produziert. Richtig muss es heißen „*in vier Jahren*“. Aber auch Sätze wie „*Die Brücke durch den Amur.*“ (russisch: *most čerez Amur*) kommen häufig vor. Das richtige Äquivalent ist hier „*über den Amur*“.

Besonders problematisch scheinen auch diejenigen Fälle zu sein, bei denen im Russischen eine Präposition, im Deutschen aber die Pronomen *es* oder *das* verwendet werden. Ein klassisches Beispiel dafür ist der Satz „*Ich habe darüber vergessen.*“. Im Deutschen gibt es dafür zwei Äquivalente: „*Ich habe es vergessen.*“ oder „*Das habe ich vergessen.*“.

Ein weites Feld sind Probleme bei der Verwendung der Modalverben. Da diese Schwierigkeiten hinreichend bekannt sind, soll an dieser Stelle auf eine ausführliche Darstellung der Problematik verzichtet werden.

3.3. Morphologische Interferenz

Im Bereich der Grammatik kommt es neben Schwierigkeiten beim Artikelgebrauch und der Deklination der Adjektive zu einer Reihe von Interferenzen, die im Folgenden exemplarisch dargestellt werden sollen.

Der richtige Gebrauch der Genusformen ist für russische Muttersprachler problematisch. Im Deutschen ist er - im Gegensatz zum Russischen - oft nicht an der Endung des Substantivs zu erkennen. Daher kommen im Unterricht häufig Beispiele wie diese vor: „*die Mädchen*“ (russisch: *devuška*) oder „*eine Auto*“ (russisch: *mašina*) vor. Das Genus von russisch *devuška* richtet sich sowohl nach dem grammatischen als auch

nach dem biologischen Geschlecht und ist demnach feminin. Im Deutschen richtet es sich nicht nach dem biologischen, sondern nach dem grammatischen Geschlecht. Das Deminutivsuffix *-chen* bestimmt das neutrale Genus von Mädchen. Die Endung *-a* zeigt im Russischen bei *mašina* und *devuška* das grammatische Geschlecht feminin an.

Darüber hinaus kommt es häufig zu Problemen bei der Pluralbildung. Es heißt dann z. B.: *die Problemen, die Sprachkursen* (anstatt: *Probleme, Sprachkurse*) oder *die Schmerze, die Poliziste* (anstatt: *Schmerzen, Polizisten*). (vgl. 2. S. 91)

Auslassungen von Personalpronomina kommen im Deutschen in der geschriebenen Sprache sehr selten vor. Man findet sie beispielsweise nur in Tagebüchern, kurzen Notizen oder elektronischen Mitteilungen wie E-Mails oder SMS. Auf Postkarten kann man z. B. lesen „*Wünsche Dir alles Gute*“. (anstatt: „*Ich wünsche Dir alles Gute.*“). Aber schon Sätze wie „*Will Dir ein bisschen erzählen.*“ (anstatt: „*Ich will Dir ein bisschen erzählen.*“) findet man eher selten. (vgl. 1. S. 92)

Die Rektion der Verben stellt eine sehr häufige Fehlerquelle dar. Es gibt eine Vielzahl von russischen Verben, deren Rektion sich im Vergleich zum Deutschen unterscheidet. Ein Beispiel hierfür ist *gratulieren* (russisch: *pozdravit' kogo-libo s čem-libo*). Glückwunschkarten mit dem Text „*Ich gratuliere dich mit ...*“ (anstatt: „*Ich gratuliere dir zum ...*“) sind daher keine Seltenheit.

Das Verb *anrufen* (russisch: *pozvonit'*) birgt gleich mehrere Schwierigkeiten in sich, da sich die Rektion im Vergleich zum Russischen unterscheidet und es dazu noch trennbar ist. Daher hört man im Unterricht häufig Sätze wie „*Ich rufe dir.*“ oder „*Ich rufe dir an.*“ (anstatt: „*Ich rufe dich an.*“). In diesem Fall kommt die Divergenz *anrufen / telefonieren* auch noch erschwerend hinzu, sodass man auch „*Ich telefoniere dir.*“ (anstatt: „*Ich rufe dich an.*“) gelegentlich hören kann.

Auch die Angabe der Schreibweise gehört in den Bereich Rektion. Häufig wird im Unterricht die Frage gestellt „*Schreibt sich das Wort durch V oder F?*“ (anstatt: „*Schreibt es sich mit V oder F?*“). Ursache dafür ist die Rektion im Russischen *pišetsja čerez*, was fälschlicherweise mit *durch* übersetzt wird.

Da es im Russischen keine trennbaren Verben gibt, ist auch dieser Bereich äußerst schwierig für russischsprachige Deutschlerner. Es gibt Fälle, bei denen den Lernern nicht klar zu sein scheint, dass es sich um ein

trennbares Verb handelt z. B. „*ich vorschlage ...*“ (anstatt: „*ich schlage ... vor*“) oder bei denen nicht klar ist, was der trennbare Teil ist z. B. „*Ich zähle ... nacher.*“ (richtig: „*ich erzähle ... nach.*“). Das Verb *abhängen* scheint besondere Schwierigkeiten zu bereiten, da es in verschiedenen Variationen von den Lernern gebraucht wird z. B. „*Das hängt von dir.*“ (anstatt: „*Das hängt von dir ab.*“) oder „*Alles ist davon abgehängt.*“ (anstatt: „*Alles hängt davon ab.*“).

Die Komparation von Adjektiven und Adverbien kann im Russischen sowohl synthetisch als auch analytisch erfolgen. Bei der analytischen Bildung des Komparativs wird das Wort *bolee* (deutsch: *mehr*) vor den Positiv gesetzt. Diese offenbar leichtere Bildungsvariante wird häufig auch im Deutschen benutzt, daher kommt es zu Fehlern wie „mehr exotisch“ (russisch: *bolee ékzotičeskij*, anstatt: *exotischer*).

Interferenzen im Bereich der reflexiven Verben kommen relativ selten vor, jedoch kommt es zu Problemen mit der 1. und 2. Person sowohl im Singular als auch im Plural. Während sich im Deutschen die Reflexivpronomen je nach Person und Zahl unterscheiden, gibt es im Russischen nur die Reflexivpronomen *sebja* im Akkusativ und *sebe* im Dativ (deutsch: *sich*). Aus diesem Grund kommt es häufig zu Sätzen wie „*Ich kann sich nicht vorstellen, dass ...*“ oder „*Ich konnte sich nicht konzentrieren.*“ (anstatt: *mir nicht vorstellen / mich nicht konzentrieren*).

Im Bereich der Wortbildung lassen sich vor allem folgende Unterschiede feststellen: im Russischen überwiegen Präfigierung und Suffigierung, im Deutschen hingegen die Komposition. Daher bringt die Kompositabildung einige Schwierigkeiten für die Lerner mit sich, wie die folgenden Beispiele illustrieren: „*Ich war Redakteur in unserer schulischen Zeitung ...*“ (anstatt: *Schulzeitung*), „*Ich bekam eine goldene Medaille.*“ (anstatt: *Goldmedaille*) oder „*Zuckerpuder*“ als wörtliche Übersetzung aus dem Russischen *sacharnaja pudra* (anstatt: *Puderzucker*) (vgl. 4. S. 235).

Bei der Suffigierung kann es zu fehlerhaften Bildungen kommen. Beispiele dafür sind: „*meine Bekanntin*“ (anstatt: *meine Bekannte*), „*unsere Gästin*“ (anstatt: *unser Gast*) und „*die Deutschin*“ (anstatt: *die Deutsche*). In diesen Fällen wird im Russischen die weibliche Form verwendet. Im Deutschen verhält es sich anderes. *Der Gast* hat ein maskulines Genus und bezeichnet gewöhnlich sowohl männliche als auch weibliche Personen. Das Genus der Nomen *der / die Bekannte* und *der /*

die Deutsche wird durch den Artikel bestimmt. Die Ursachen für diese Interferenz könnten im Vorhandensein eines femininen Äquivalents im Russischen oder in der Übertragung bekannter Vorbilder wie *der Freund / die Freundin* liegen.

Ein besonderer Fall ist die Suffigierung von Fremdwörtern. Hier gehen die Lerner eindeutig von den Suffixen in der Muttersprache aus und übertragen diese auf das Deutsche. Als Beispiel können hierfür „*Praktik*“ (russisch: *praktika*, anstatt: *Praxis*) und „*Intensifikation*“ (russisch: *intensifikacija*, anstatt: *Intensivierung*) dienen (vgl. 4. S. 235).

3.4. Syntaktische Interferenz

Bei den syntaktischen Interferenzen sind es abgesehen vom Infinitiv mit *zu* vor allem die sogenannten „*man*“-Konstruktionen in unbestimmtpersönlichen Sätzen, die den russischsprachigen Deutschlernern Probleme bereiten. In diesen Sätzen wird im Russischen ein Verb in der 3. Person Plural verwendet und dieses Satzmuster wird dann ins Deutsche z. B. so übertragen „*Überall sind sie freundlich zu uns.*“ (anstatt: *Überall ist man freundlich zu uns.*). (vgl. 1. S. 93)

Ebenfalls sehr häufig wird die 3. Person Singular in unbestimmtpersönlichen Sätzen verwendet, z. B. „*Wenn er weiß, dass das Wetter schlecht ist...*“ (anstatt: *Wenn man weiß, dass das Wetter schlecht ist.*).

Das syntaktische „*es*“ ist als unpersönliches Subjekt oder Objekt obligatorisch, wofür es im Russischen kein Äquivalent gibt. In der Regel wird es daher von den Lernern einfach weggelassen, z. B. „*Wie gefällt Ihnen hier?*“ (anstatt: „*Wie gefällt es Ihnen hier?*“). (vgl. 1. S. 1991: 94)

Die strenge deutsche Wortstellung mit dem Verb an zweiter Stelle und der verbalen Klammer, ist dem Russischen fremd. Aus diesem Grund werden häufig russische Satzstrukturen transferiert wie beispielsweise

„*Zwar die Sonne scheint hier nicht so viel, ...*“ (anstatt: *Zwar scheint die Sonne ...*) und „*Ich werde schließen meinen kurzen Brief.*“ (anstatt: „*Ich werde meinen kurzen Brief schließen.*“) Ähnlich ist es mit der Endstellung des finiten Verbs im Nebensatz, z. B. „*Eine Sprachschule, wo wir lernen die deutsche Sprache*“ (anstatt: „*Eine Sprachschule, wo wir die deutsche Sprache lernen.*“) (vgl. 1. S. 94f.).

3.5. Textuelle Interferenz

Textuelle Interferenz liegt vor, wenn Textbesonderheiten wie äußere Form, Aufbau und Textmuster aus der Muttersprache übernommen werden, obwohl andere Konventionen in der Fremdsprache üblich sind. (vgl. 3. S. 168) Die folgenden Beispiele sollen das Problem exemplarisch veranschaulichen.

Im Russischen kommt es häufig vor, dass am Ende einer Überschrift ein Punkt gesetzt wird. Ein anderes Beispiel ist die Schlussformel in offiziellen Briefen. Am Ende der Schlussformel wird ein Komma gesetzt, danach folgen Familienname und Vorname des Absenders. Russisch:

S uvaženiem,
Kitaeva Anna.

Dagegen wird im Deutschen kein Komma am Ende der Schlussformel gesetzt und zuerst wird der Vor- dann der Familienname des Absenders geschrieben. Deutsch:

Mit freundlichen Grüßen
Anna Kitaeva

Das führt dazu, dass russischsprachige Deutschlerner offizielle Briefe häufig folgendermaßen beenden:

Mit freundlichen Grüßen,
Kitaeva Anna.

Auffällig bei der Arbeit mit Presstexten ist, dass bei Kurzmeldungen in deutschen Zeitungen immer das Wichtigste an erster Stelle steht. Wenn russischsprachige Deutschlerner Kurzmeldungen oder Zeitungsartikel nach diesem Prinzip selbst verfassen, beginnen sie häufig mit der Zeitangabe. In der Regel ist das aber nicht das Wichtigste für den deutschen Leser.

3.6. Kulturelle Interferenz

Jede Kulturgemeinschaft hat ihre eigenen Sprach- und Verhaltensmuster. Eine Übernahme der Muster aus der Muttersprache stellt häufig einen Verstoß gegen die üblichen Interaktionsmuster in der entsprechenden Situation dar (vgl. 3. S. 168f.). Daher können andere zeitliche Einteilungen (Russen zählen in Studienjahren, Deutsche in Semestern) oder unterschiedliche Auffassungen von Entfernungen (was für Russen *nedaleko* – *nicht weit* ist, kann mitunter für Deutsche sehr weit sein) zu Verwirrungen führen.

In Russland kann man zu Feiertagen nicht nur am Feiertag direkt und nachträglich, sondern auch vorher gratulieren. Für Deutsche ist es sehr ungewöhnlich, wenn man ihnen bereits einen Tag vor dem eigentlichen Ereignis zum bevorstehenden Geburtstag gratuliert (russisch: *s nastupajuščim dnëm roždenija*).

Allgemein gratuliert man im Russischen zu allen Feiertagen. Im Deutschen gratuliert man dagegen eher selten, in den meisten Fällen wünscht man schöne Feiertage. Zu Weihnachten wünscht man beispielsweise „*ein frohes Fest*“ oder „*ein besinnliches Weihnachtsfest*“. Eine Gratulation ist zu Weihnachten nicht üblich und daher wirken Sätze wie „*Ich gratuliere Ihnen zu Weihnachten.*“ oder „*Wir gratulieren Ihnen zum Feiertag.*“ eher befremdlich.

Bei Aufzählungen mit Personalpronomen benutzt man *wir* im Deutschen, wenn mehr als zwei Personen am Geschehen beteiligt sind oder waren. Daher erwartet der deutsche Gesprächspartner bei der Aussage „*Gestern waren wir mit Lena im Kino.*“ (russisch: *Včera my s Lenoj byli v kino.*), dass mindestens zwei andere Personen mit Lena im Kino waren. Wenn aber nur eine Person mit Lena im Kino war, muss es wie folgt lauten: „*Lena und ich waren gestern im Kino*“. Ebenso ist es, wenn eine Person allein ihren Hund ausführt. Es ist dann im Deutschen unmöglich zu sagen: „*Wir waren mit dem Hund spazieren*“. (russisch: *My s sobakoj guljali.*)

Bei der Begrüßung ist es unter Deutschen üblich sich die Hand zu geben, auch unter Frauen. Das ist für Russen sehr ungewöhnlich. Wenn ein Russe die Männer mit Handschlag begrüßt und den Frauen zur Begrüßung nicht die Hand gibt, wirkt das auf Deutsche sehr unhöflich. Ebenso ist es für Deutsche sehr wichtig während eines Gesprächs mit dem Gesprächspartner Blickkontakt zu halten. In der Regel ist dies bei Russen nicht üblich. Wenn ein Russe daher im Gespräch nicht auf Blickkontakt achtet, kann der deutsche Gesprächspartner dieses Verhalten als Desinteresse oder Unsicherheit werten.

4. Didaktische Konsequenzen

Einleitend wurde bereits betont, dass die Art und Anzahl der Fehler, die auf Interferenzen beruhen, von den einzelnen Stufen des Spracherwerbs abhängen. Sie geben Auskunft darüber, inwieweit das Ziel der fremdsprachlichen Kompetenz erreicht ist [7. S. 251] bzw. welche

Lernschwierigkeiten bestehen [8. С. 118-119]. Fehler ermöglichen dem Lerner die Entwicklung der eigenen sprachlichen Kompetenz, wenn die Fehler vom Lehrer registriert, analysiert und korrigiert werden. Wichtig ist hierbei die Rolle des Lehrers als Beobachter und Organisator des Lernprozesses.

Die Fehleranalyse ist wichtig, um die Ursache der Fehler zu ermitteln. Wenn eine muttersprachliche Interferenz vorliegt, ist es sinnvoll, die kontrastive Methode in den Unterricht einzubinden. Durch Bewusstmachung, Verstehen und intensives Üben können Lerner auf allen Niveaustufen sprachliche Ähnlichkeiten und Kontraste verarbeiten. Jeder Lerner vergleicht ohnehin bewusst oder unbewusst die zu erlernende Fremdsprache mit seiner Muttersprache. Man kann nicht alle potentiellen Fehler vorhersagen oder vermeiden, aber durch die Anwendung der kontrastiven Grammatik lassen sich positive Ergebnisse erzielen (vgl. 1. S. 64ff. und 7. S. 250f.).

Aus den Fehlern sollte der Lehrer Übungsschwerpunkte ableiten und die Lehrmaterialien entsprechend auswählen. Lehrwerke und Übungsmaterialien sind erfolgreicher, wenn sie adressatengerecht sind, d. h. die Besonderheiten der Muttersprache berücksichtigen. Sie sollten die besonderen Lernschwierigkeiten erfassen.

Abschließend sei noch hervorgehoben, was in Lehrwerken aus Deutschland und Österreich vielfach übersehen wird: Die heimischen Lehrkräfte für Deutsch als Fremdsprache haben in anderen Ländern wie z. B. in Russland in der Regel zwei Vorteile gegenüber Lehrern, die Deutsch als Zweitsprache in Deutschland unterrichten. Sie beherrschen beide Sprachen, Russisch und Deutsch, und können daher die Interferenzfehler ihrer Lerner analysieren, durch einen Sprachvergleich die Lerner auf die Fehler aufmerksam machen und durch gezielte Übungen Fehler vermeiden. Darüber hinaus unterrichten sie in homogenen Gruppen, d. h. alle Lerner sprechen dieselbe Muttersprache, was den Sprachvergleich und die Interferenzanalyse wesentlich erleichtert.

Literatur

1. Lewandowski Th. Linguistisches Wörterbuch. 6. Auflage. UTB für Wissenschaft/Uni-Taschenbücher: Heidelberg, Wiesbaden, 1994.
2. Kielhöfer B. Die Rolle der Kontrastivität beim Fremdspracherwerb. In: Dittmar, Norbert und Rost-Roth, Martina (Hrsg.): Deutsch als Zweit- und

Fremdsprache. Methoden und Perspektiven einer akademischen Disziplin. 2. Aufl. Frankfurt am Main usw.: Lang, 1997. S. 35-52.

3. Snell-Hornby M. (Hrsg.) Handbuch Translation. 2. verb. Aufl. Tübingen: Stauffenburg-Verlag, 1999. S. 167-170.

4. Uhlisch G. Immer wieder: Interferenz(fehler) im Fremdsprachenunterricht. In: Handwerker, Brigitte (Hrsg.): Fremde Sprache Deutsch: grammatische Beschreibung-Erwerbsverläufe-Lehrmethodik. Tübingen: Narr, 1995. S. 225-238.

5. Nord Ch. Fertigkeit Übersetzen. Ein Selbstlernkurs zum Übersetzenlernen und Übersetzenlehren. Editoriale Club Universitario: Alicante, 2002.

6. Glück H. (Hrsg.) Metzler-Lexikon Sprache. Verlag J. P. Metzler Stuttgart, Weimar, 2000.

7. Nord Ch. Jack of All Trades, Master of None? // Вестник НГЛУ им. Н.А. Добролюбова. Вып. 4. Лингвистика и межкультурная коммуникация. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2009. С. 114-121.

8. Radden G. Fehleranalyse. In: Werner O., Fritz G. (Hrsg) Deutsch als Fremdsprache und neuere Linguistik. Max Hueber Verlag, 1973. S. 236-251.

Сведения об авторе

Georgia Bettina Matthias
DAAD-Lektorin und Hochschullehrerin an der
Staatlichen Linguistischen Dobroljubow-Universität
E-Mail: georgia_matthias@web.de

Маттиас Георгия Беттина
лектор Германской службы академических обменов (DAAD)
старший преподаватель кафедры немецкой филологии
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-Mail: georgia_matthias@web.de

УДК 008:316.732

ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ ОСНОВА СОВРЕМЕННЫХ ПРОЦЕССОВ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Е.П. Глумова

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

Данная статья посвящена проблеме осуществления эффективного межкультурного общения в условиях постиндустриального общества. Автор выявляет возможные негативные последствия межкультурного общения в условиях современного мегаобщества и представляет составляющие эффективного процесса межкультурной коммуникации на основе гуманистических представлений о ценности человека.

Ключевые слова: постиндустриальное общество, гуманизм, межкультурная коммуникация, национально-культурная идентичность, аккультурация.

Humanistic Foundations of Contemporary Intercultural Communication Processes Elena Glumova

This article looks at ways of ensuring effective intercultural communication in post-industrial society, describing potential negative effects of cross-cultural interaction in the modern global society, and delineating effective practices of intercultural communication, based on the humanistic understanding of the value of a human being.

Key words: post-industrial society, humanity, intercultural communication, cultural identity, acculturation.

Условия жизни в XXI веке требуют от человека способности быть эффективным участником социальных процессов, происходящих на фоне интернационализации и глобализации современного мира. Становление данной способности возможно в процессе межкультурного образования, которое основано на глубоком изучении сходств, различий, особенностей разных культур и социумов. Для того чтобы подготовить ученика к жизни в поликультурном обществе, необходимо сформировать у него межкультурное мировоззрение, позволяющее осуществлять взаимодействие с представителями других культур в различных сферах. Это возможно достичь, выстраивая процесс обучения иностранному языку в школе и вузе в русле межкультурного подхода (В.П. Фурманова, Е.Г. Тарева, И.С. Соловьева, Л.П. Халяпина, Г.В. Елизарова и др.). В основе межкультурного подхода к обучению

иностранному языку лежит идея обучения учащихся достижению взаимопонимания, установлению сотрудничества с представителями других культур. Эффективность межкультурной коммуникации будет зависеть от того, насколько в процессе общения учитываются в двустороннем порядке потребности партнеров по общению. Для того чтобы подготовить учащихся к взаимодействию в поликультурном мире, необходимо учитывать законы мирового общественного развития, которые находят свое отражение в процессах межкультурной коммуникации и определяют тем самым осуществление межкультурно ориентированного образования личности.

С последней четверти XX века человечество переживает переходный период от индустриальной к постиндустриальной цивилизации, происходит процесс смены цивилизационных исторических циклов. Общность мировых процессов общественного развития придает сегодня большую актуальность словам Элеоноры Рузвельт: «Мы должны принять тот факт, что либо мы умрем вместе, либо будем жить вместе, и если мы выбираем последнее, то нам необходимо общаться» [1. С. 465]. Во все времена успех межкультурных, межнациональных контактов зависел от того, насколько интересы отдельных государств соотносились с общемировыми тенденциями общественного развития. Для того чтобы человечество обрело стабильность и благополучие в третьем тысячелетии, необходимы совместные действия, основанные на выявленных закономерностях современных глобальных процессов.

Сегодня сильно противоборство между элементами старого, уходящего, и нового общества. К 2060-2080 гг. будущая цивилизация вступит в стадию зрелости, развиваясь на собственной основе [2]. Главная черта переживающей начальный период фазы становления постиндустриальной цивилизации – возрождение гуманизма, поэтому её называют **гуманистической** [2].

Быстрое технологическое развитие является залогом современного общественного прогресса, в центре которого находится человек как всесторонне развитая, творческая личность. Возврат к гуманизму происходит на новой основе, он обусловлен изменившимися условиями жизни и развития общества. Основными среди них являются следующие. 1. Становление ноосферы.

Эффективная деятельность в любой сфере невозможна сегодня без современного научного знания, непрерывного его пополнения и обновления. 2. Ключевое значение науки. В обществе вырисовываются признаки очередной научной революции. Обновленная наука призвана стать лидером постиндустриальной цивилизации. Повышается наукоемкость не только производства, но и всей жизни общества, его динамики. 3. Приоритетную роль приобретает культура. Высокая культура становится общедоступной, вместе с тем уменьшается спрос на массовую, обезличенную культуру. 4. В корне меняются содержание, формы, методы образования. Оно нацелено не на усреднение личностей, а на всестороннее развитие самобытных индивидуальностей, способных к творческому мышлению, эффективному решению различных задач, постоянно преподносимых жизнью, адаптации к быстроменяющимся условиям труда и жизни. Образование становится непрерывным, обеспечивающим постоянное обновление и пополнение знаний и навыков. 5. Формируются элементы новой этики, правил межличностных отношений, подчеркивающих стремление к независимости и самобытности каждого члена общества как уникальной личности, имеющей право самостоятельно строить свое поведение, считаясь, однако, с такими же интересами других. 6. Устраняется подавляющее господство идеологии правящей элиты. Самостоятельный человек свободен в выборе мировоззрения, вероисповедания, целей. Он сам, через полосу исканий и заблуждений, прокладывает дорогу к собственным идеалам. 7. Новые тенденции проявляются сегодня в социальных и национальных отношениях. Углубляется социальная стратификация, пробуждаются национальные чувства. В постиндустриальном обществе не происходит стирания национальных и этнических различий, не предвидится также утраты самобытности национальных культур. Однако нынешнее противостояние наций, преувеличение особенностей и приоритетов тех или иных этнических групп не имеет перспектив. 8. В динамике мирового сообщества будущее за интеграционными процессами, которые характеризуют постепенный, добровольный процесс устранения межгосударственных ограничений. Нарастает тенденция глобализации всех сторон жизни общества, усиливается взаимозависимость и общность интересов всех

стран в решении общих экологических, экономических, демографических, информационных задач [2].

Пространство «мегаобщества» требует от индивида адекватной реакции на новые социокультурные условия. Межкультурная коммуникация является тем механизмом, который позволяет осуществлять совместную деятельность по созданию общих ценностей, нового совместного познания и единого социокультурного пространства, в котором могут полноценно развиваться и взаимодействовать представители различных культур [3]. В постиндустриальном обществе усиливается взаимозависимость народов и стран, которая обусловлена необходимостью единения сил в реализации общечеловеческих интересов, целями выживания в условиях опасности возникновения глобальной экологической катастрофы. Взаимодействие народов и культур – настоятельное требование времени. При этом необходимо иметь в виду, что межкультурная коммуникация – мощный и опасный инструмент, требующий специальных знаний и умений. Результат межкультурного взаимодействия может иметь антигуманистический характер, выражающийся в следующих проявлениях:

1. Межкультурная коммуникация может сопровождаться культурной экспансией, подавлением одной культуры другой, не всегда более высокой. В этом случае может появиться своеобразная социальная «закомплексованность», которая обуславливает невозможность противостояния высшим авторитетам и порождает нетерпимость в собственной среде. Крайние формы проявления толерантности могут приводить к слепому преклонению перед другими культурами, и в итоге – к негативному отношению к культурным нормам своего народа. Возникает «опасность забвения и вытеснения собственных культурных истоков» [4. С. 228]. Полное погружение в чужую культуру, означающее, что индивид забыл традиции и ценности родной культуры, называется ассимиляцией. Людей, которые отбрасывают свою родную культуру в пользу чужой, называют перебежчиками [5. С. 121].

2. В процессе межкультурной коммуникации возможно полное неприятие другой культуры, выражающееся в таких мощных барьерах межкультурной коммуникации, как этноцентризм, этническая предубежденность, национализм, шовинизм.

Этноцентризм – это склонность человека воспринимать и оценивать явления окружающей действительности с позиции своей этнической общности, рассматриваемой в качестве эталона. Этническая предубежденность, проявляющаяся в негативных стереотипах и предрассудках, предполагает недоверчивое, подозрительное, иногда враждебное отношение к представителям других национальных и этнических культур. Люди-шовинисты отрицают достоинства чужой культуры в пользу своей родной, критикуют, осуждают чужие нормы поведения [5. С. 121].

3. Формирование «метапотребителя», для которого ценности своей культуры окажутся чуждыми, в то же время и принадлежность к другой культуре будет неполной. В результате взаимодействия с чужой культурой иного народа у человека может сформироваться негативная маргинальная этническая идентичность. Люди-маргиналы балансируют между двумя культурами, не овладевая в должной мере нормами и ценностями ни одной из них, испытывают внутриличностные конфликты, отчужденность и неприятие обоих народов и обеих культур, отчаяние, неприспособленность, агрессию [5. С. 121]. Такие люди часто придерживаются идеи космополитизма – идеологии мирового гражданства, нигилизма по отношению к идее Отечества и партиципации. Основная мысль космополитизма – «Родина там, где мне хорошо».

Опасности межкультурной коммуникации могут быть устранены путем создания качественно новых форм общения между народами. Для современного общества является актуальной проблема оптимального сочетания адаптации к инокультурной среде и сохранения самобытности и индивидуальности партнеров по общению. На наш взгляд, создание общего коммуникативного пространства между представителями разных культур возможно на основе единства следующих составляющих:

1. Общечеловеческие ценности, в основу которых могут быть положены общие принципы гуманизма. Гуманизм мы понимаем как осознание наличной гуманности, т.е. соответствующих качеств, потребностей, ценностей, принципов и норм сознания, психологии и образа жизни реальных слоев любого современного общества. Наибольшее преломление в процессе межкультурной коммуникации находят следующие принципы, выделенные В.А. Кувакиным:

1. Человек является абсолютно ценной и приоритетной по отношению к себе реальностью в ряду всех других материальных и духовных ценностей и реальностей.

2. Человек как уникальное материально-интеллектуальное существо равноправен по отношению к другому человеку, природе, обществу.

3. Личность характеризуется внешне относительной, но внутренне абсолютно неуклонно прогрессирующей самостоятельностью, самодостаточностью и равноправием перед лицом всех иных реальностей.

4. Человеку присущи неограниченные возможности самосовершенствования, неисчерпаемость его эмоциональных, познавательных, адаптивных, преобразовательных и творческих способностей.

5. Гуманизм – это мировоззрение без границ, поскольку предполагает открытость, динамизм и развитие, возможность радикальных внутренних трансформаций перед лицом новых перспектив.

6. Гуманисты признают реальность антигуманного в человеке и стремятся максимальным образом ограничить ее сферу и влияние.

7. Задача гуманизма – интегрировать и культивировать на уровне мировоззрения и образа жизни нравственные, юридические, гражданские, политические, социальные, национальные и транснациональные, философские, эстетические, научные, экзистенциальные, экологические и все иные человеческие ценности [6].

Реализация данных принципов напрямую соотносится с характеристикой современного общества как гуманистической фазы становления постиндустриальной цивилизации, затрагивающей все мировое сообщество в целом.

К. Льюис, известный британский ученый прошлого века, утверждал, что существуют универсальные этические и моральные принципы, общие для всех человеческих сообществ вне зависимости от их религиозных верований, культурной принадлежности или государственной структуры. Льюис описал восемь общечеловеческих законов, которые представляют собой общечеловеческий моральный код, основу всех поступков человека. Многие из них нарушались и

продолжают нарушаться в наши дни, но, по убеждению Льюиса, данные моральные принципы есть основа ценностей любого общества. Сокращенно эти восемь законов суть следующие: закон общего благодеяния; закон частного благодеяния; долг по отношению к родителям, старшим людям и предкам; долг по отношению к детям и потомкам; закон справедливости: уважай основные права других людей; каждый человек есть ценность; закон добросовестности и правдивости; закон милосердия; закон великодушия [1].

Выявление и подчеркивание общих с собеседником характеристик способствует эффективности процесса межкультурной коммуникации. Если во время общения с представителем другой культуры взгляды на тот или иной предмет расходятся, то указание на ценности, общие для коммуникантов, поможет найти точки соприкосновения.

2. Национально-культурная идентичность личности как результат осознания человеком принадлежности к определенной культуре. Самоидентификация личности предполагает духовную взаимосвязь со своим народом, чувство принадлежности к национальной культуре. Родная культура способствует созданию и выработке системы собственных ценностей и целей на основе патриотизма – любви к Отечеству, как к сообществу граждан одного государства, независимо от национальной и конфессиональной принадлежности. Патриотизм должен быть противопоставлен как космополитизму, так и национализму. Для активного патриота невозможно приобретение нескольких «родин». Истинный патриот всегда сочетает верность Отечеству с уважением к другим нациям, верность своей культуре с готовностью принять все лучшее из иных культур, обогащая и развивая свою собственную культуру. Необходимыми условиями успешного взаимодействия разных народов и культур являются национально-культурная идентичность и межкультурная толерантность, как взаимозависимые и взаимодополняющие процессы [7].

3. Аккультурация как разновидность социализации применительно к другой культуре – частичное усвоение традиций и ценностей чужой культуры. Умения ориентироваться в иной иерархии норм и ценностей, которые обеспечиваются системой знаний о культуре чужого лингвосоциума, являются обязательным

условием возможности личности реализовать себя в рамках диалога культур. Такая личность осознает, что ценности и нормы поведения одной культуры нельзя рассматривать с позиций ценностей и норм поведения другой культуры, так как их важность относительна, а не универсальна. Мышление и поведение людей из различных культур не имеют стандарта правильности. В этом суть концепции этнорелятивизма, который предполагает равноправие культур и их толерантность друг к другу. Разные культуры могут быть оценены только на основании их собственных, а не универсальных критериев. Личность, придерживающаяся такой ориентации, принимает и ценит другую культуру такой, какая она есть [1].

По мнению П.В. Сысоева, целью взаимодействия на межкультурном уровне является «полноценный равноправный диалог – диалог, построенный на взаимоуважении участвующих в диалоге культур, в котором имеет место обмен смыслами и равнозначная репрезентативность культур с целью их взаимообогащения, взаиморазвития и взаимообновления [8]. Потребность мирового сообщества в коммуникации требует также учета этнокультурных особенностей коммуникантов с целью достижения компромисса и установления сотрудничества. Эффективность межкультурной коммуникации в постиндустриальном обществе должна определить гуманистические представления о ценности человека, как носителя определенной культуры, о необходимости уважения его прав и свобод, которые определяют его самобытность и индивидуальность.

Таким образом, межкультурный подход к обучению иностранным языкам должен быть уточнен и обозначен как *гуманистически ориентированный* в современном понимании этого термина. Суть данного уточнения проявляется в том, что высшей целью гуманистического постиндустриального общества, как новой модели, становится свободный, творческий человек, яркая индивидуальность, раскрывающаяся в разнообразных видах деятельности и в общении. Основу межкультурной коммуникации в постиндустриальном обществе должны составить идеи взаимопонимания, взаимопомощи, свободы, равенства и справедливости. Культурный диалог, направленный на решение жизненных задач возможен, если его участники обладают

гуманистическим мышлением, осознают свою национально-культурную идентичность, а также владеют знаниями об особенностях носителей другой культуры и умеют применять их в различных ситуациях общения. Данное положение может стать основой формирования межкультурного мировоззрения учащихся, которое позволит им осуществлять эффективное взаимодействие в мультикультурном мегаобществе постиндустриальной цивилизации.

Библиографический список

1. Межличностная коммуникация: теория и жизнь / Под науч. ред. О.И. Матяш. СПб.: Речь, 2011. 560 с.
2. Яковец Ю.В. Циклы. Кризисы. Прогнозы. М.: Наука, 1999. 448 с.
3. Костюк О.В. Межкультурная коммуникация в процессе глобализации современного мира: Дис. ... канд. филос. наук. Ставрополь, 2002. 170 с.
4. Межкультурная коммуникация: Учебное пособие. Нижний Новгород, 2001. 320 с.
5. Столяренко Л.Д. Культурология: Краткий курс лекций. М.: Издательство «Юрайт», 2013. 167 с.
6. Кувакин В.А. Твой рай и ад: Человечность и бесчеловечность человека (философия, психология и стиль мышления гуманизма). СПб.: Алетейя; М.: Логос, 1998. 360 с.
7. Патриотизм в диалоге поколений: Сборник научных трудов. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2012. 572 с.
8. Сысоев П.В. Культурное самоопределение личности в контексте диалога культур: Монография. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2001. 145 с.

Сведения об авторе

Глумова Елена Петровна
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры лингводидактики и
методики преподавания иностранных языков
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: el.glumova2010@yandex.ru

УДК 378.147:81'25

ОБУЧЕНИЕ ПЕРЕВОДУ НА ОСНОВЕ КОММУНИКАТИВНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ПОДХОДА¹

О.В. Гоголева

Вологодский государственный технический университет, Вологда

В статье описываются различные направления в теории перевода. Особое внимание уделяется обучению переводу на основе коммуникативно-функционального подхода, который предполагает, что перевод должен оказывать на своего получателя такое коммуникативное воздействие, на какое рассчитывает инициатор перевода.

Ключевые слова: обучение переводу, коммуникативно-функциональный подход, коммуникативная ситуация.

Teaching Translation: The Communicative/Functional Approach

Olga Gogoleva

The article describes key approaches to teaching translation, focusing on the communicative/functional approach, where translation is supposed to produce the communicative effect, expected by the initiator of the translation process.

Key words: teaching translation, communicative/functional approach, a communicative situation.

Как известно, когда говорят о переводе, то обычно имеют в виду либо процесс создания текста перевода (то есть действия переводчика), либо результат этого процесса (то есть сам текст перевода). На первых порах возникновения лингвистической теории перевода многие ее создатели полагали, что именно процесс перевода должен быть предметом изучения этой научной дисциплины. В дальнейшем перевод стал рассматриваться в широких рамках межъязыковой коммуникации, и в сферу интересов переводоведения были включены и результат, и процесс перевода, и все участники коммуникации, и все факторы, влияющие на ход и результат переводческого процесса. Вместе с тем очевидно, что раскрытие механизма перевода, описание действий переводчика, его стратегии и тактики представляют большой теоретический и практический интерес [1. С. 150]. Решение указанных проблем возможно только на основе коммуникативно-функционального подхода к переводу.

¹ Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0096.

Целью данной статьи является освещение возможностей использования данного подхода в формулировании теоретических и методических основ преподавания перевода.

Необходимость подготовки большого числа профессиональных переводчиков возникла сравнительно недавно, хотя перевод – это, несомненно, очень древний вид человеческой деятельности [1. С. 317].

Не секрет, что в последние годы сформировались новые школы, направления и концепции. Возникновение и разработка данных концепций требует поиска и внедрения новых подходов к решению методических проблем формирования переводческой компетенции, моделирования наиболее перспективных структур учебного процесса, системы обучения с учетом коммуникативных, психологических, лингвистических и дидактических аспектов обучения.

Разные представления об объекте исследования легли в основу двух самостоятельных направлений в теории перевода, каждое из которых исходило из собственного видения характера переводческой деятельности и особенностей перевода, а точнее, процесса перевода как такового. В.В. Сдобников отмечает, что подобная двойственность отношения к переводу проявилась в работах И.И. Ревзина и В.Ю. Розенцвейга («Основы общего и машинного перевода»), которые проводили разграничение между собственно переводом (заменой знаков одного языка языками другого языка) и интерпретацией, предполагающей обращение к реальной действительности в целях уяснения описываемой в тексте оригинала ситуации и дальнейшего ее описания в тексте перевода [2. С. 114].

В рамках первого направления переводческих исследований перевод рассматривался как процесс перехода от знаков одной языковой системы к знакам другой языковой системы. В центре внимания исследователей оказались такие вопросы, как наличие совпадений или расхождений в лексических системах языков, в наборе грамматических категорий разных языков [2. С. 115]. Одной из первых теорий перевода, созданных в результате изучения текстов в переводе (текст оригинала и текст перевода) – это теория закономерных соответствий Я.И. Рецкера. Сущность этой теории заключается в том, что для перевода отдельных слов и словосочетаний необходимо найти существующие в другом языке

постоянные эквиваленты. Постоянные эквиваленты имеются во всех языках, например, для имен собственных, терминов, числительных. Для перевода некоторых других слов и словосочетаний можно найти только вариантные контекстуальные соответствия, т.е. временные эквиваленты, годные для данного контекста, для данного употребления слова и словосочетания в речи. По мнению Я.И. Рецкера, между единицами текстов оригинала и перевода имеются три категории соответствий: 1) эквиваленты, установившиеся в силу тождества обозначаемого, а также отложившиеся в традиции языковых контактов; 2) вариантные и контекстуальные соответствия; 3) все виды переводческих трансформаций. Недостатком этой теории является то, что она не объясняет всего процесса перевода, поскольку ее автор ограничивает изучение части объекта науки о переводе – изучением единиц текстов оригинала и перевода [3. С. 26]. В основе теории В.Н. Комиссарова лежит представление о том, что степень реальной смысловой близости между оригиналом и переводом является величиной переменной. В.Н. Комиссаров выделяет следующие типы эквивалентных отношений между текстами оригинала и перевода: 1) эквивалентность на уровне цели коммуникации, характеризующаяся наименьшей общностью содержания оригинала и перевода; 2) эквивалентность на уровне описания ситуации, характеризующаяся несколько большей общностью содержания разноязычных текстов, так как в обоих текстах говорится об одном и том же; 3) эквивалентность на уровне способа описания ситуации, при которой, кроме общности цели коммуникации и общности ситуации, сохраняются и понятия, с помощью которых была описана ситуация в исходном тексте; 4) эквивалентность на уровне структурной организации высказывания, при которой к описанным выше общим компонентам добавляется инвариантность синтаксических структур оригинала и перевода; 5) эквивалентность на уровне семантики словесных знаков – наименьшая степень смысловой общности, которая вообще не может существовать между оригиналом и переводом [3. С. 30].

Таким образом, объектом исследования в рамках данного направления в теории перевода является перевод как некая процедура (процесс) перехода от знаков одного языка к знакам другого языка,

осуществляемая по определенным правилам [2. С. 115]. В результате целью обучения переводчиков будет ознакомление студентов с технологией перевода в узком смысле.

В рамках второго направления переводческих исследований перевод рассматривается как вид языкового посредничества в широких рамках межъязыковой и межкультурной коммуникации. Оказывается, что процесс осуществления перевода и его эффективность детерминированы лингвистическими факторами, однако при этом важную роль играют и факторы экстралингвистические (различия в фоновых знаниях разноязычных коммуникантов, различия в ситуациях создания текста оригинала и текста перевода, различия между двумя культурами, сталкивающимися в процессе межъязыковой коммуникации в целом) [2. С. 116]. В определении перевода А.Д. Швейцера, например, есть указание на то, что процесс перевода характеризуется установкой на передачу коммуникативного эффекта первичного текста. Именно понятие коммуникативного эффекта является важнейшим для понимания того, зачем осуществляется перевод, в чем его назначение [4].

Следует отметить, что задача подготовки квалифицированного переводчика, переводящего не только слова, может быть решена на основе коммуникативно-функционального подхода к переводу [5. С. 13]. Традиционно обучение переводчиков сводилось к усвоению студентами отдельных переводческих соответствий слов исходного языка (ИЯ) в переводящем языке (ПЯ). Все внимание сосредоточено на языковой стороне текста, а его смысл, определяемый коммуникативной установкой создателя текста, уходит из сферы внимания студентов. По мнению В.В. Сдобникова, традиционное рассмотрение процесса перевода как акта, включающего два или три этапа, является весьма ограниченным и не обеспечивающим достижение высокого результата переводческого процесса. Ограниченность такого подхода заключается в исключении из рассмотрения таких аспектов, как цель создания текста на ИЯ, характер воздействия, оказываемого этим текстом на получателя, степень соответствия воздействию со стороны текста перевода воздействию со стороны текста оригинала на своего получателя и некоторых других [2. С. 117]. Согласно коммуникативно-

функциональному подходу необходимо обеспечить на занятии своего рода «погружение» студентов в ту ситуацию коммуникации, которая послужила основой для создания оригинала, когда они на основе предпереводческого анализа текста оригинала смогут почувствовать себя частью этой ситуации, участниками коммуникации. Будучи посредником в коммуникации, студент-переводчик должен уметь представить себя и автором исходного сообщения, имеющим определенные коммуникативные намерения, и получателем текста оригинала, испытывающим определенное воздействие со стороны текста на ИЯ, и получателем текста перевода, испытывающим определенное воздействие с его стороны. На занятии должны постоянно звучать следующие вопросы: каков общий смысл текста, для чего автор создал данный текст, что автор имел в виду в том или ином месте текста, почему он использовал именно это слово, как данное понятие или содержание данного фрагмента текста согласуется по смыслу с содержанием других фрагментов текста, на какой отклик со стороны получателей рассчитывает автор и т.п.? И только потом следует озадачиться вопросами типа: как следует передать значение данной лексической единицы в переводе, как обеспечить сохранение логической структуры текста оригинала в переводе? К этим вопросам приходится обращаться при обсуждении варианта перевода практически каждого предложения или фрагмента, поскольку в каждой из частей текста, даже мельчайшей, при помощи языковых средств реализуется коммуникативное намерение создателя текста [2. С. 121]. Отметим, что основной задачей в рамках коммуникативно-функционального подхода к переводу будет создание текста, обеспечивающего необходимое воздействие на получателя.

В заключение, отвечая на вопрос «Чему же надо учить будущих переводчиков?», приведем три основных принципа обучения переводу, сформулированные В.В. Сдобниковом:

1. Обучать переводу как посреднической деятельности в условиях межъязыковой и межкультурной коммуникации.

Коммуникативно-функциональный подход к переводу означает, что текст оригинала должен рассматриваться как инструмент коммуникации, инструмент воздействия на коммуникантов, обладающий определенным прагматическим потенциалом.

Следовательно, переводу текста должен предшествовать предпереводческий анализ. На этих занятиях следует добиваться, чтобы студенты почувствовали себя участниками предполагаемой, воображаемой коммуникации, ощутили себя в ситуации общения с разноязычными коммуникантами.

2. Учить студентов видеть ситуацию, описанную в тексте.

Предполагаемый подход к обучению перевода основан на том, что если студент ставит себя на место автора оригинала, то он должен увидеть и ситуацию, описанную в тексте, глазами автора. В дальнейшем это даст ему возможность воспроизвести данную ситуацию в тексте перевода именно так, как представил ее автор, с учетом особенностей восприятия получателей перевода.

3. Учить студентов бороться с интерференцией исходного языка.

Появление в переводе ошибок, определяемых как нарушения норм и узуса ПЯ, связано с сильным воздействием на переводчика языковой формы оригинала. Оригинал как бы навязывает переводчику свою синтаксическую организацию, свое собственное лексическое наполнение, в результате неопытный переводчик дублирует синтаксические структуры оригинала, неоправданно использует словарные соответствия лексических единиц ИЯ в ПЯ, то есть идет по пути буквалистского перевода. Одна из главных задач в преподавании перевода – научить студентов сопротивляться этому воздействию со стороны оригинала, научить находить те способы изложения информации, которые являются наиболее приемлемыми с точки зрения переводящего языка и привычными с точки зрения носителей ПЯ [6. С. 30].

Общий смысл текста, помимо слов и конструкций, зависит от того, кто, когда, по какому случаю, для кого и зачем создал текст, от заранее известного отношения автора к тому, о чем он говорит. А выбор варианта перевода зависит еще и от того, зачем и для кого этот перевод осуществляется, то есть от той коммуникативной ситуации, в которой будет использоваться перевод [7. С. 127].

Таким образом, коммуникативно-функциональный подход к переводу является той теоретической основой, на которой только и возможно построение эффективной методики преподавания перевода. Использование данного подхода в учебном процессе помогает

научить студентов анализировать предполагаемую коммуникативную ситуацию, в которой осуществляется перевод, формулировать цель осуществления перевода, предвидеть возможные реакции на переводной текст со стороны его получателей, а также видеть в полном объеме представленную в оригинале предметную ситуацию и описывать ее в переводе теми средствами, которые соответствуют норме и узусу переводящего языка, избегая буквализма и интерференции. В конечном итоге использование коммуникативно-функционального подхода в преподавании перевода позволяет достичь главной цели – сформировать у студентов профессиональное переводческое мышление.

Библиографический список

1. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение: Учебное пособие. М.: ЭТС, 2002. 424 с.
2. Сдобников В.В. Коммуникативный подход в теории и дидактике перевода // Культура как текст: Материалы научной конференции. Выпуск V. М.: ИЯ РАН; Смоленск: СГУ, 2005. С. 113-122.
3. Переводоведческая лингводидактика: Учебно-методическое пособие. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Флинта: Наука, 2009. 320 с.
4. Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. 215 с.
5. Методические основы подготовки переводчиков: нижегородский опыт: Монография / Под общ. ред. В.В. Сдобникова. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2007. 165 с.
6. Сдобников В.В. Основные принципы обучения переводу // Инновационные технологии в методике преподавания иностранного языка: социокультурная компетенция учителя: Материалы IV всероссийского семинара, 9 ноября 2009 г., Урал.гос.пед.ун-т. Екатеринбург, 2010. С. 21-31.
7. Петрова О.В. От слова к тексту или от текста к слову? (From word to text or from text to word?) // Культура как текст: Сборник научных статей. Выпуск XI. М.: ИЯ РАН; Смоленск: СГУ, 2012. С. 124-130.

Сведения об авторе

Гоголева Ольга Викторовна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации
Вологодского государственного технического университета
E-mail: olgogol@mail.ru

УДК 378.147:81'253

ОСНОВЫ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ УСТНОГО ПЕРЕВОДА В РАМКАХ КОММУНИКАТИВНО- ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ПОДХОДА²

Е.Ю. Гурова

Вологодский государственный технический университет, Вологда

В статье рассматриваются особенности коммуникативно-функционального подхода, его отличия от лингвистического и обосновывается точка зрения, согласно которой предпочтение отдается использованию в преподавании устного перевода метода, учитывающего такие прагматические факторы, как коммуникативная ситуация, интенция отправителя сообщения и коммуникативный эффект.

Ключевые слова: коммуникативная ситуация, коммуникативный эффект, коммуникативная интенция, переводческий анализ текста.

Basic Methods of Teaching Interpretation in the Context of the Communicative / Functional Approach to Translation Ekaterina Gurova

The article outlines distinctive features of the communicative/functional approach to teaching translation and interpretation (as opposed to the linguistic approach) and highlights its advantages in teaching interpretation, given its emphasis on the importance of the communicative situation, the speaker's intention and the communicative effect.

Key words: communicative situation, communicative effect, communicative intention, text analysis in translation.

В теории перевода долгое время господствовал так называемый лингвистический подход к изучению текста, который подразумевал видение языка как набора формальных средств, а в качестве единиц перевода рассматривались слова и грамматические конструкции. Такой подход на современном этапе развития теории перевода, по мнению многих исследователей, является ограниченным, поскольку не учитывает такие аспекты, как цель создания текста, его функциональность, характер воздействия текста на получателя. А.В. Федоров считает, что лингвистический путь изучения не является достаточным для постановки и решения всех проблем перевода. Необходим учет исторических, страноведческих,

² Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0096.

психологических, этнографических, социокультурных аспектов [1. С. 21].

В современном переводе все большее распространение получает так называемый коммуникативно-функциональный подход к переводу. В отечественной лингвистике он отчасти опирается на идеи А.Д. Швейцера, который утверждал, что при переводе предполагается «установка на передачу коммуникативного эффекта первичного текста, частично модифицируемая различиями между двумя языками, двумя культурами и двумя коммуникативными ситуациями» [2. С. 75]. Межкультурные различия между участниками коммуникации, говорящими на разных языках, не позволяют достичь полного совпадения коммуникативных эффектов, производимых текстом оригинала и перевода. Следовательно, задачей переводчика становится создание текста на ПЯ, который бы производил коммуникативный эффект, схожий с коммуникативным эффектом оригинала. Если переводчику это удастся, значит, он реализует коммуникативную интенцию автора.

Отсюда видно, что ключевыми понятиями для описания коммуникативно-функционального подхода являются коммуникативная интенция (коммуникативная установка исходного сообщения), коммуникативный эффект (воздействие, которое текст оригинала и текст перевода оказывает на получателей).

Коммуникативная интенция – это цель, которую ставит перед собой отправитель сообщения в процессе коммуникации: сообщение получателю какой-либо информации, стремление выразить свое отношение к сообщаемой информации, побуждение к совершению действий. Реализуя свою коммуникативную интенцию, отправитель исходного сообщения создает текст с тем содержанием и в той форме, сочетание которых и дает возможность реализовать коммуникативное намерение. Созданный таким образом текст наделяется определенной функцией. Будучи воспринятым получателем, текст оказывает на последнего соответствующее коммуникативное воздействие, т.е. производит некий коммуникативный эффект, который в идеальных условиях коммуникации должен соответствовать функции текста и коммуникативной интенции его создателя [3. С. 123].

Понятие *коммуникативный эффект* можно определить как «воздействие, произведенное на получателя в результате передачи

сообщения» [3. С. 121]. Однако, если речь идет о ситуации двуязычной коммуникации, следует говорить о двух коммуникативных эффектах, поскольку первый производится текстом, созданным автором оригинала, а второй – текстом, созданным переводчиком.

В большинстве случаев задача переводчика состоит в том, чтобы обеспечить максимальное сходство коммуникативных эффектов, производимых исходным и переводным текстом на своих получателей. Однако могут быть исключения, когда исходный текст создается с одной целью, а переводится совсем с другой. Например, политик обращается к народу с революционными призывами, с целью организовать мятеж. Текст такого выступления может быть переведен совсем не для разжигания массовых недовольств, а для иллюстрации ситуации, сложившейся в стране в то время, или для характеристики личности оратора и т.п. Как пишет М.Я. Цвиллинг, «перевод здесь не включен в цепь коммуникации, а является самостоятельной деятельностью по извлечению информации из происходящей между партнерами коммуникации в интересах некоего постороннего, не участвующего в коммуникации наблюдателя» [4. С. 153].

Таким образом, характер коммуникативного эффекта перевода зависит не только от цели автора оригинала, но и от цели перевода, а также условий перевода и типа переводимого текста. В.В. Сдобников подчеркивает, что более плодотворным является не просто рассмотрение перевода как процесса создания текста на ПЯ, находящегося в отношениях эквивалентности (максимальной степени лингвистической близости текста перевода к тексту оригинала) с текстом на ИЯ, а всего процесса межъязыковой коммуникации, поскольку это дает возможность учесть максимум факторов, возникающих в рамках данного процесса и влияющих на ход и результат перевода [5. С. 117].

Как отмечал Р.К. Миньяр-Белоручев, «науке о переводе приходится изучать и условия порождения исходного текста, и условия восприятия переводного текста, и социальный статус коммуникантов, и речевую ситуацию, и различные сопутствующие явления, что входит в сложное понятие коммуникации с использованием двух языков, которая и представляет собой объект науки о переводе» [6. С. 7].

А.Д. Швейцер в рамках рассматриваемого подхода определяет перевод как «однонаправленный и двухфазный процесс межъязыковой и межкультурной коммуникации, при котором на основе подвергнутого целенаправленному («переводческому») анализу первичного текста создается вторичный текст (метатекст), заменяющий первичный в другой языковой и культурной среде; процесс, характеризуемый установкой на передачу коммуникативного эффекта первичного текста, частично модифицируемый различиями между двумя языками, между двумя культурами и двумя коммуникативными ситуациями» [2. С. 75].

Коммуникативно-функциональный подход может эффективно использоваться в обучении переводчиков, поскольку предполагает воссоздание коммуникативной ситуации, которая имитирует реальную ситуацию. С одной стороны, такая имитация готовит студентов к ситуации реального перевода, с другой стороны, они учатся воспринимать оригинал в контексте, не ограничиваясь простым переводом слов, и работают над проблемой эквивалентности не на уровне слов и предложений, а на уровне текста. Таким образом, перевод не сводится к процедуре перехода от знаков одного языка к знакам другого языка в соответствии с определенными правилами. Однако это не означает, что студент не должен уметь анализировать языковой материал, из которого строится текст оригинала, знать значения лексических единиц и функции синтаксических конструкций.

Целью обучения должно быть, в первую очередь, формирование у студентов профессионального переводческого мышления. Переводчик должен уметь анализировать текст оригинала и воссоздавать вокруг него широкий контекст, чтобы в сознании отразился именно тот образ фрагмента ситуации, который был описан в оригинале. Такой глубокий анализ возможен только при полном понимании смысла текста, который не сводится к сумме значений составляющих текст языковых единиц. Р.К. Миньяр-Белоручев писал, что «смысл есть производное от взаимодействия двух основных видов информации: семантической и ситуационной, продукт их преобразования в мозговых механизмах адресата» [6. С. 38].

Исходя из этого, О.В. Петрова и В.В. Сдобников подчеркивают, что для извлечения из текста смысла необходимо соотнести

содержание текста с условиями самой коммуникативной ситуации, в которой текст создавался, т.е. нужен переводческий анализ, цель которого – ответить на вопросы: кем создается текст, с какой целью, какое воздействие он, по мнению автора, должен оказать на получателя. Другими словами, необходимо вписать текст в коммуникативную ситуацию, выйти за пределы собственно текста, раздвинуть границы переводческого анализа [7. С. 74].

На основании анализа языковых особенностей текста, которые, как правило, являются характерными для определенных типов текста, в совокупности с предметно-логическим содержанием текста выводится заключение о жанрово-стилистической принадлежности данного речевого произведения. Все это дает возможность переводчику определить доминантную функцию исходного текста, его коммуникативное задание, а также с той или иной степенью достоверности коммуникативную интенцию его автора. Кроме того, предпереводческий анализ текста должен включать и установление характера воздействия со стороны данного текста на аудиторию ИЯ [5. С. 119].

Итак, главной целью предпереводческого анализа текста оригинала является сосредоточение внимания студентов не на языковой стороне текста, а на его смысле. Необходимо, чтобы они почувствовали себя частью коммуникативной ситуации, чтобы в аудитории незримо присутствовал автор оригинала с его намерениями и получатель перевода с его особенностями и возможными реакциями на тот или иной вариант перевода. Еще лучше, если студенты научатся ставить себя на место автора исходного текста и одновременно на место получателей перевода, научатся смотреть на результат своего труда глазами получателя [5. С. 120].

Будущий переводчик должен уметь сопоставить текст перевода с текстом оригинала не только с лингвистической точки зрения, но и с точки зрения совпадения коммуникативных эффектов. Следовательно, в процессе обучения необходимо обращать внимание на то, что имел в виду автор, почему и зачем он употребил именно эту лексическую единицу, а уже потом – как передать ее значение в переводе. При этом следует помнить, что единицей перевода являются не слова и предложения, а весь текст целиком. Если

осуществлять перевод без постоянной опоры на смысл, осознанный переводчиком после ознакомления с оригиналом, то в результате может получиться набор фраз, которые не соотносятся друг с другом или даже сами по себе являются бессмысленными.

Чтобы воспитать у студентов отношение к тексту как к продукту, требуется объяснить им, что текст – это не нечто, подлежащее делению на дискретные частицы в виде предложений, а инструмент выражения смысла. А как таковой он может существовать только как единый комплекс элементов, соотносящихся друг с другом: в нем нет ничего случайного [7. С. 75].

Помимо этого, следует обращать внимание студентов на логику повествования и композиционное оформление текста оригинала, которое непременно должно быть сохранено в переводе. Особую сложность здесь могут представлять внутритекстовые связи, которые не всегда выражены лексическими связками, но, несмотря на это, логика повествования в переводе должна быть воспроизведена. Умение работать с текстом как с речевым произведением, т.е. видеть логику и связь между его частями, также способствует извлечению смысла из оригинала.

Особенностью устной коммуникации является то, что переводчик привязан к непосредственной ситуации, и перевод, как правило, рассчитан на однократное воспроизведение и не фиксируется. Однако это совсем не означает, что в таких условиях можно не обращать внимание на логику повествования или не учитывать широкий контекст всей ситуации.

При обучении устному переводу у студентов должна быть установка на запоминание смысла, а не слов. В их сознании после прослушивания текста перевода должна возникнуть «картинка», которую впоследствии они и будут описывать, поэтому будущих переводчиков следует отучать от попыток фиксировать все слова. Переводческая скоропись должна быть нацелена на запись смысла.

Полезным упражнением может быть выделение ключевых моментов в тексте оригинала и его пересказ своими словами, что позволит студентам абстрагироваться от лексических единиц и конструкций текста и сосредоточиться на его смысле. Однако здесь особое внимание следует уделять логике построения оригинала,

которая должна быть воспроизведена, изменять можно только конструкции.

Для того чтобы студенты привыкли воспринимать перевод в контексте ситуации, до начала работы с текстом им можно описать коммуникативную ситуацию, в которой будет происходить перевод. Тогда у них будет возможность подготовиться самостоятельно или задать преподавателю, который выступает в качестве работодателя, необходимые вопросы, ответы на которые помогут расширить рамки контекста, а значит, глубже погрузиться в ситуацию перевода, что будет способствовать дальнейшему прогнозированию и облегчит сам процесс перевода. Помимо этого, такая постановка задания моделирует для студентов условия реальной рабочей ситуации.

Итак, главной задачей подготовки будущих переводчиков является выработка профессионального переводческого мышления, которое основывается на умении вписывать текст в коммуникативную ситуацию, т.е. видеть эту ситуацию за текстом. Коммуникативно-функциональный подход способствует решению этой задачи, поскольку учитывает коммуникативную ситуацию перевода, предполагает предпереводческий анализ и нацелен на целостное восприятие и перевод текста, а не на переход от знаков и конструкций одного языка к знакам и конструкциям другого языка.

Библиографический список

1. Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). М.: Издательский дом «Филология ТРИ», 2002. 415 с.
2. Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. 215 с.
3. Сдобников В.В. Коммуникативный эффект в двуязычной коммуникации: уточнение понятия // Вестник Московского государственного университета. Серия «Современные проблемы частной теории перевода». Вып. 9. Москва: ИПК МГЛУ «Рема», 2010. С. 121-130.
4. Цвиллинг М.Я. О некоторых модификациях коммуникативного подхода к понятию перевода // Информационно-коммуникативные аспекты перевода: Межвузовский сборник научных трудов. Нижний Новгород: НГПИИЯ им. Н.А.Добролюбова, 1991. С. 151-156.

5. Сдобников В.В. Коммуникативный подход в теории и дидактике перевода // Культура как текст: Материалы научной конференции. Выпуск V. Москва: ИЯ РАН; Смоленск: СГУ, 2005. С. 113-122.

6. Миньяр-Белоручев Р.К. Общая теория перевода и устный перевод. М.: Воениздат, 1980. 237 с.

7. Петрова О.В., Сдобников В.В. О зеленом соке и соленом электричестве. Чему и как учить будущих переводчиков // Мосты: журнал переводчиков. №1(33). М.: «Р. Валент», 2012. С. 69-76.

Сведения об авторе

Гурова Екатерина Юрьевна
старший преподаватель
кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации
Вологодского государственного технического университета
E-mail: k-gurova@yandex.ru

УДК 378.147:81'25:004

ОБУЧЕНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОЦЕССЕ ПЕРЕВОДА³

М.В. Покалюхина

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Самара

В статье дается обзор информационно-коммуникационных технологий, знакомство с которыми необходимо при подготовке будущих переводчиков, рассматриваются особенности использования информационно-коммуникационных технологий в переводческой деятельности и в преподавании перевода, а также анализируются некоторые аспекты использования гипертекста в качестве средства обучения переводу.

Ключевые слова: ИКТ, электронные словари, обучение переводу, гипертекст, wiki-технологии.

Information Technologies in Teaching Translation

Maria Pokaliukhina

The article provides a review of available information technologies for those involved in translator/interpreter training, describes ways of utilizing these ICTs in both translation and translator training, and looks at some aspects of using hypertext through wiki as a way of teaching translation.

Key words: IT, electronic dictionaries, teaching translation, hypertext, wiki.

Современная система воспитания, обучения и образования меняется под влиянием развития общества. Сегодня молодому специалисту требуется не только высокий уровень профессионализма и общекультурной осведомленности, но и «информационная культура личности», что означает способность к удовлетворению потребности в информации с помощью традиционных и инновационных средств.

Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) в современном мире получили широкое распространение. Они включают широкий круг методов, объединенных общим инструментом – компьютером.

Современный профессиональный переводчик постоянно работает с разнообразными компьютерными технологиями, начиная с

³ Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0096.

простого текстового редактора и заканчивая использованием Skype для связи с заказчиком. Безусловно, использование ИКТ не является единственным условием успешности и скорости работы, однако, чтобы определить собственный стиль работы, начинающему переводчику следует ознакомиться с имеющимися в его арсенале средствами. Именно с этой целью для студентов направления «Перевод и переводоведение» вводится курс «ИКТ в переводе». Цель настоящей статьи – обосновать необходимость данного курса в современном образовательном процессе, описать содержание курса и основные аспекты или темы, которые являются профессионально значимыми для будущего переводчика, осветить основные проблемы, возникающие в процессе ознакомления студентов с информационно-коммуникационными технологиями.

Вопросам использования ИКТ в переводе и внедрения их в образовательный процесс при подготовке профессиональных переводчиков посвящены работы таких специалистов, как А.Б. Кутузов, М.А. Орел, В.В. Сдобников, А.Л. Семенов, И.И. Убин, В.Н. Шевчук.

Как отмечает А.Б. Кутузов, компьютерные технологии на службе переводчика можно разделить на два крупных класса: МТ (Machine Translation) и САТ (Computer-assisted / aided translation) [1. С. 244]. В первый входят технологии машинного / автоматического перевода, а второй класс представляет собой средства, автоматизирующие деятельность переводчика. Сюда относятся, прежде всего, электронные словари (ABBYY Lingvo), а также системы «переводческой памяти» / translation memory (Trados, Deja Vu).

В обучении переводу ИКТ могут использоваться в двух направлениях:

- в предпереводческом анализе текста;
- в создании собственно текста перевода.

Прежде чем перейти к рассмотрению данных направлений, необходимо отметить, что в рамках нашей статьи мы придерживаемся не традиционного текстоцентрического подхода к переводу, а коммуникативно-функционального, успешно применяемого в НГЛУ им. Н.А. Добролюбова [2. С. 10-12]. В его основе лежит необходимость учитывать не только физическую форму текста, но и

интенцию автора, цель высказывания, а также коммуникативную ситуацию, в которой данный текст был создан. Только взяв в расчет все перечисленные факторы, можно добиться того, чтобы коммуникативный эффект, производимый на получателя текста-оригинала, был максимально приближен к такому же эффекту текста-перевода. Таким образом, переводчику необходимо не просто создать «картинку» коммуникативной ситуации и передать образ данной ситуации лексическими и грамматическими средствами переводящего языка, но и реализовать коммуникативную интенцию автора, а также оказать необходимое воздействие на реципиента.

Между тем для адекватного восприятия данной «картинки» и тем более воссоздания коммуникативного эффекта требуется высокий уровень эрудиции и фоновых знаний. Тематика современных текстов, с которыми может столкнуться переводчик, настолько широка, что даже энциклопедические знания не смогут обеспечить удачный перевод. Именно для решения данной проблемы можно использовать ИКТ.

На этапе предпереводческого анализа необходимо рассмотреть материал с точки зрения наличия в нем «информационных узлов», т.е. элементов, содержащих в себе дополнительный имплицитный смысл, например имен собственных, аббревиатур, дат. Кроме внутритекстовых сведений, важны выходные данные (имя и национальность автора, год написания и издания). Все перечисленные элементы можно назвать прецедентными феноменами, составляющими прецедентных текстов. Ю.Н. Караулов определяет их как «тексты, значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, то есть хорошо известные и окружению данной личности, включая и предшественников, и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [3. С. 216-217].

Таким образом, объем имплицитной информации, требующейся для анализа и перевода текста, во много раз превосходит эксплицитное сообщение самого текста.

Расхождение в фоновых знаниях носителей ИЯ и ПЯ могут стать причиной серьезных коммуникативных сбоев, поэтому обучению тщательной работе на данном этапе необходимо уделять особое внимание. Например, во время работы с текстом

«MANCHESTER: Another Angel of the North» студенты столкнулись с предложением, которое вызвало много вопросов: «*The 1958 Munich air disaster left a whole city in mourning, but the rebuilding of Manchester United, years of success on the pitch, and the subsequent emergence of a world super-brand, have all made ordinary Mancunians walk that little bit taller*». Прежде всего, большинство студентов не обратили должного внимания на словосочетание «*The 1958 Munich air disaster*», оставив его перевод «*авиакатастрофа в Мюнхене*» без комментариев. Тем не менее, если учитывать, что целевой аудиторией текста являются не футбольные фанаты, а автор текста, как раз напротив, любитель этого спорта, то следовало бы снабдить перевод дополнительной информацией о катастрофе, в которой погибло большое количество игроков «Манчестер Юнайтед» и в результате которой клуб был на волосок от закрытия. Кроме того, в русском языке часто можно встретить словосочетание «Мюнхенская трагедия», являющееся локализованным названием фильма «United», вышедшего недавно на экраны и посвященного тем событиям. Другой проблемой стал этнохороним «Mancunians», относящийся к жителю города Манчестер. Но если АБВУ Lingvo предлагает единственный вариант – *сущ. житель Манчестера*, то Multitran расширяет значение: 1) *общ. уроженец и житель Манчестера, манкунианец*; 2) *футб. игрок команды «Манчестер Юнайтед»*. Из контекста следует, что речь идет о каком-то среднестатистическом жителе, следовательно, вариант с игроком футбольного клуба не подходит, поэтому большинство останавливается на варианте «манкунианец». Однако в русском языке данное слово используется в основном спортивными СМИ именно в отношении игроков «Манчестер Юнайтед». Таким образом, осуществив поиск в сети, следовало бы остановиться на нейтральном варианте, а не на узком употреблении.

Сегодня переводчик имеет доступ к крупнейшему информационному ресурсу – сети Интернет, однако при работе с любым электронным источником необходимо помнить о трудностях, с которыми можно столкнуться. Прежде всего, это недостаточная информированность о предмете поиска. «Нехватка знаний приводит к нерелевантному поиску в тех случаях, если способы формулировки запросов отличаются от способов описания релевантных ситуаций в документах. Эта проблема усугубляется при обработке длинных

запросов, при поиске ответов на вопросы в вопросно-ответных системах, а также при поиске информации в специализированных поисковых системах, в которых содержится значительно меньшее число документов, чем в Интернет» [4. С. 9]. Кроме того, каждый человек обладает своей собственной схемой поиска, ищет свой способ формулировки запросов. Для того чтобы оптимизировать этот процесс, нужно выработать алгоритм обработки информации, а для этого необходимо частотное обращение к поисковым системам. Последнее обеспечивается за счет упражнений, направленных на предпереводческий анализ текста с помощью данных сети Интернет. Будущему переводчику стоит с самого начала привыкнуть к мысли, что использование поисковых систем необходимо для получения дополнительной информации о тексте, о коммуникативной ситуации. Тем не менее, для создания эффективного алгоритма поиска нужно быть знакомым не только с самими системами (Yandex, Google, Rambler, Yahoo!), но и с особенностями их настроек. Каждая из поисковых систем предлагает как обычный, так и расширенный поиск, но Google, например, не поддерживает запросы, превышающие 10 слов, а некоторые из машин веб-поиска используют «операторы Буля» для повышения эффективности запроса (AND, NOT, OR, *, ~). Следует обратить внимание студентов, что при обработке запроса в адресной строке можно увидеть подобие формулы, например: «<http://yandex.ru/yandsearch?stypе=first&clid=46511&text=city+shakespeare+lived&lr=51>» и «<https://www.google.ru/search?q=city+shakespeare+lived&aq=f&oq=city+shakespeare+lived&sugexp=chrome,mod=0&sourceid=chrome&ie=UTF-8>». Таким же образом, используя элементы булевой алгебры, можно сузить, расширить результаты поиска или исключить некоторые элементы. Включение в поиск союзных слов замедляет и снижает эффективность результата. Поскольку каждая поисковая служба выдает различный продукт, следует познакомить будущих переводчиков с «мета-поиском», осуществляющим поиск сразу в нескольких системах (MetaBot.ru, AskNet.ru, Metacrawler, MetaLib). Наконец, важно правильно оценить достоверность ресурса, рассмотрев такие показатели, как авторитет хостинга, дата обновления и контактные данные автора.

Еще одним распространенным инструментом переводчика являются электронные словари (ABBY Lingvo, Multitran,

МультиЛекс). Безусловным преимуществом их перед «бумажным» вариантом является увеличение скорости и качества перевода. Так, по данным исследователей, при работе с традиционным словарем уходит на 66% больше времени по сравнению с компьютерным поиском. Если же использовать микрогlossарий, составленный для перевода конкретного текста, число ошибок уменьшается на 1/3 [5. С. 60].

Кроме того, электронные словари удовлетворяют требованию использования нескольких словарей одновременно, например АBBYY Lingvo x3 включает в себя 152 словаря, 8,6 миллионов словарных статей, из них 23 новых словаря общим объемом более 1,6 миллиона статей. По желанию пользователя можно догружать практически неограниченное количество словарей, составлять их самостоятельно, обновлять. Впрочем, такие достоинства, как доступность и обновляемость, имеют и обратную сторону. Например, многие онлайн-словари, в частности, самый популярный в России Multitran [6. С. 115], предоставляют возможность пользователям дополнять словарные статьи с помощью технологии wiki. Это позволяет увеличить количество узкоспециальных и контекстуальных значений за счет увеличения самой статьи, что становится недостатком использования данного средства в процессе обучения переводу. Проблема заключается в том, что немногие студенты знакомятся с более чем двумя-тремя значениями слова. Они редко обращают внимание на сферу употребления тех или иных лексических единиц и поэтому могут использовать, например, экономический термин в техническом переводе. В задачи преподавателя входит обязательное акцентирование внимания студентов на проблемах выбора значения многозначных слов, терминологической сферы использования, употребления контекста и выработки навыков отбора подходящих для ситуации лексических единиц. И здесь снова можно использовать полезные свойства электронных словарей. Как уже указывалось, под единой оболочкой могут оказаться несколько десятков словарей, которые имеют параллельные ссылки, превращающие текст словарной статьи в гипертекст, позволяющий использовать разные лексикографические источники. Таким образом, с помощью одного устройства, переходя по ссылкам, можно изучить не только несколько значений слова, но и информацию в различных словарях, например, прочитав статью в

«Большом англо-русском политехническом словаре», можно по ссылке перейти в «Русско-английский научно-технический словарь переводчика» (авторы М. Циммерман, К. Веденева), чтобы расширить круг значений и примеров использования того или иного слова.

Более того, современные электронные словари доступны как в версиях для ПК, так и для портативных устройств, что является неоспоримым достоинством и повышает мобильность переводчика.

Тем не менее, кроме трудностей, возникающих при поиске адекватного лексического значения, а также коннотативного аспекта в случае перевода прецедентных феноменов, перед созданием текста на ПЯ всегда встает проблема выбора сочетаемости и управления. Для того чтобы повысить качество перевода с этой точки зрения, студентов следует познакомить с принципами работы в корпусах текстов с помощью конкордансеров. «Конкордансеры – это программы предпереводческого анализа текста, позволяющие увидеть все контексты употребления определённой словоформы (составить конкорданс)» [1. С. 248]. Стоит отметить, что эти программы работают с базами полнотекстных корпусов, где собраны структурированные тексты учебной, научной и другой специальной литературы из фондов библиотек, представленных на различных языках.

На втором этапе работы, при непосредственном создании текста на ПЯ могут использоваться те же средства: поисковые системы, базы корпусов текстов, а также стилистические справочники, такие, как, например, *The Chicago Manual of Style, 16th Edition by University of Chicago Press Staff, The Copyeditor's Handbook: A Guide for Book Publishing and Corporate Communications* или *Words into Type*.

В рамках курса «ИКТ в переводе» студентов-переводчиков следует познакомить с основами работы в системах «переводческой памяти» / *translation memory (TM)*. Данные системы предназначены не для перевода, как *machine translation (MT)*, а для накопления, структурирования и хранения вариантов перевода, осуществленного самим переводчиком. TM в своей основе имеют две составляющие: базы-билингв (параллельных сопоставленных текстов на ИЯ и ПЯ) и терминологические базы. Каждая из этих баз самостоятельна и может быть сохранена в отдельный файл для переноса на другое устройство

или расширения за счет использования одной базы в различных текстах.

Работу с ТМ-инструментами можно разделить на несколько этапов:

- введение текста в базу данных;
- пополнение базы данных во время перевода;
- формирование базы билингв;
- сопоставление нового текста с базой билингв, поиск соответствий;
- извлечение из памяти вариантов в случае совпадения.

Однако, как указывает Т.Б. Виноградова, «применение систем автоматического перевода эффективно при переводе технической, финансовой, юридической и другой документации с высокой степенью повторяемости текстов» [7. С. 65]. Таким образом, главным недостатком ТМ становится то, что для сокращения временных затрат на перевод и форматирование на 30-50%, повторяемость лексики в текстах должна составлять по данным разных исследователей от 50 до 70% (И.И. Убин, В.Н. Шевчук, А.Л. Семенов, Т.Б. Виноградова).

Следует отметить, что в современных условиях конкуренции, профессионал не может себе позволить быть узким специалистом. «При обучении будущих переводчиков перевод является целью, тогда как при изучении иностранных языков – средством обучения» [8. С. 103]. Обучение переводчика – это, прежде всего, накопление знаний, умений и навыков, которые пригодятся в его будущей профессиональной деятельности. ИКТ могут использоваться не только как инструмент перевода, но и как средство обучения дополнительным квалификациям, таким, как редактирование и корректура. Именно с этой целью может использоваться технология, известная под названием wiki.

Первоначально слово “wiki wiki” было заимствовано из гавайского языка, где обозначало «быстро», а сейчас используется для обозначения технологии быстрого создания коллективного гипертекста, который может быть изменен любым членом электронного сообщества, работающим над данным текстом. Этот термин даже включен в Oxford English Dictionary. Технология wiki сейчас широко применяется в образовании. Так, Эмма Тонкин выделяет четыре основных типа работы с wiki:

1.«Single-user wikis» позволяют индивидуально собирать и редактировать информацию, а также делиться своими мыслями в сетевой среде.

2.«Lab book wikis» дают возможность студентам вести онлайн-записи с возможностью редактирования своими сокурсниками.

3. «Collaborative writing wikis» используются при коллективном создании текста.

4. «Knowledge base wikis» создают хранилище информации для всей группы [9].

При обучении переводу можно использовать задания, базирующиеся на «Lab book wikis» и «Collaborative writing wikis». Сначала текст, разбитый на части по количеству студентов, предлагается для индивидуального письменного перевода, который регистрируется в сети с помощью wiki. Далее результаты перевода в парах обсуждаются и вносятся изменения в каждый фрагмент. На последнем этапе идет совместное обсуждение, сборка и редактирование текста в общем окне. Особое внимание следует уделить логическим связям и стандартизированию лексики, чтобы итоговый вариант воспринимался как цельный текст. Работа с гипертекстом позволяет лучше прочувствовать контекст, установить связь между частями текста, а также помогает выработать навыки анализа и редактирования.

Таким образом, в рамках курса «Информационно-коммуникационные технологии в переводе» существует объективная возможность научить студентов оптимальному поиску информации, необходимой для исчерпывающего переводческого анализа текста и самой коммуникативной ситуации, в которой осуществляется перевод, а также такой информации, которая необходима для построения итогового текста в соответствии с нормами и узусом переводящего языка, для редактирования перевода как индивидуально, так и в группе. При этом у студентов вырабатывается критическое отношение к результатам поиска, осознание того, что всякий результат следует соотносить с ситуацией, описанной в тексте. Студенты приобретают навыки и умения, необходимые для осуществления качественного перевода в современных условиях и, соответственно, удовлетворения требований, предъявляемых обществом к результатам переводческой деятельности.

Библиографический список

1. Кутузов А.Б. Языки профессиональной коммуникации: Сборник статей участников Третьей международной научной конференции. Т.2. Челябинск: Энциклопедия, 2007. С. 244-250.
2. Методические основы подготовки переводчиков: нижегородский опыт: Монография / Под общ. ред. В.В. Сдобникова. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А.Добролюбова, 2007. 165 с.
3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. 1-е изд. М.: Наука, 1987. 264 с.
4. Лукашевич Н.В. Тезаурусы в задачах информационного поиска. М.: Издательство Московского университета, 2011. 512 с.
5. Убин И.И. Современные средства автоматизации перевода: надежды, разочарования и реальность // Перевод в современном мире. М.: ВЦП, 2001. С. 60-69.
6. Журавлева Е.Е. Роль и «вес» словаря в переводе // Перевод: информационные технологии: Сборник статей под общ. ред. И.И. Убина. М.: Федер. агентство по науке и инновациям, Всероссийский центр переводов науч.-техн. лит. и документации, 2009. С. 106-118.
7. Виноградова Т.Б. Современные системы автоматизации перевода (Computer-Assisted Translation tools) // Перевод: информационные технологии: Сборник статей под общ. ред. И.И. Убина. М.: Федер. агентство по науке и инновациям, Всероссийский центр переводов науч.-техн. лит. и документации, 2009. С. 65-71.
8. Бродский М.Ю. Политический дискурс и перевод // Политическая лингвистика. 2011. № 1(35). С. 103-111.
9. Tonkin E. Making the case for a wiki. Ariadne, Issue 42, January. Retrieved November 2006 // Электронный ресурс Интернет: <http://www.ariadne.ac.uk/issue42/tonkin/>.

Сведения об авторе

Покалюхина Мария Вячеславовна
аспирант кафедры английской филологии и
межкультурной коммуникации
Поволжской государственной
социально-гуманитарной академии
E-mail: mariapokalukhina@gmail.com

УДК 378.147:37:17

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЭТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ

Е.В. Пятерикова

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород*

Этическая компетенция является важнейшим компонентом в структуре профессиональной личности учителя. Ее актуальность связана с потребностью современной школы в новом учителе – чутком, внимательном, восприимчивом к интересам школьников, способном создать благоприятные условия для их развития. В статье рассматриваются социально-педагогические предпосылки постановки проблемы формирования этической компетенции будущего учителя, основные категории педагогической этики, приводится авторский взгляд на содержание данной компетенции и основные пути ее формирования в образовательном процессе вуза.

Ключевые слова: этическая компетенция, педагогическая этика, педагогическая аксиология, нравственность учителя.

Pedagogical Foundations of Ethical Competence for Future Teachers

Elena Pyaterikova

Ethical competence is a major component in the development of a teacher's professional skill set and character, its relevance enhanced by the modern school's need for teachers who are considerate, sensitive to students' interests, and capable of creating conditions conducive to learners' growth. The article outlines social and pedagogical foundations and prerequisites for developing ethical competence of future teachers, lists key ethical categories relevant to teaching, discusses the specific content of teachers' ethical competence, and explores basic ways of achieving this competence in the context of a university-level teacher training program.

Key words: ethical competence, ethics of teaching, values in teaching, a teacher's ethics and character development.

В современную эпоху социально-экономических перемен, характеризующуюся сменой системы ценностей и социальных приоритетов, не свободную от противоречий и кризисов, профессиональный портрет учителя привлекает особое внимание общества. Это связано с тем, что в образовательном пространстве России актуальным становится отказ от функционального подхода к ребенку, командно-административного стиля педагогической деятельности, авторитарных методов обучения и воспитания. Важнейшей задачей школы является воспитание людей, способных

строить свои отношения с миром на паритетной основе, не прибегая к каким-либо формам принуждения – людей со сформировавшейся позицией ненасилия. Этот социальный заказ нашел отражение в национальной образовательной инициативе «Наша новая школа» [1], где отмечено, что современной школе требуются новые учителя, глубоко владеющие психолого-педагогическими знаниями и понимающие особенности развития школьников, способные помочь ребятам найти себя в будущем, стать самостоятельными, творческими и уверенными в себе людьми. В названном документе подчеркивается, что ключевая особенность современной школы – это чуткие, внимательные и восприимчивые к интересам школьников учителя. Таким образом, социально значимые требования к личности учителя приобретают педагогическое значение.

Социально-педагогические требования к личности учителя выступают предпосылкой для постановки задачи формирования этически состоятельной личности учителя. Значимость данной задачи и ее сложность отмечаются в психолого-педагогических публикациях и исследованиях разных лет: А.С. Арсеньев (1977), Д.А. Белухин (1994), А.А. Бодалев (1983), К.В. Гавриловец (1989), Э.А. Гришин (1977), Г.В. Дьяконов (1987), В.Т. Елканов (1986), В.И. Журавлев (1995), В.А. Кан-Калик (1995), Л.Н. Лесохина (1981), А.С. Макаренко (1977), Л.М. Митина (1994), А.В. Мудрик (1986), Н.Д. Никандров (1997, 1998), Т.Н. Ночевник (1985), В.И. Писаренко, И.Л. Писаренко (1986), О.К. Позднякова (2006), В.А. Сластенин (1976), Е.В. Субботский (1979), В.А. Сухомлинский (1980), Е.И. Хачикян (2001), И.И. Чернокозов (1988), Л.Л. Шевченко (1997), Я.Г. Якобсон (1979) и др. Анализ научных публикаций позволяет констатировать, что становление категорий педагогической этики связано с возникновением педагогической деятельности как особой общественной функции. В настоящее время сложился относительно самостоятельный раздел этической науки – педагогическая этика, которая изучает особенности педагогической морали, выясняет специфику реализации общих принципов нравственности в сфере педагогического труда, раскрывает её функции, принципы и содержание этических категорий. Педагогическая этика изучает характер нравственной деятельности учителя и нравственных отношений в профессиональной среде, разрабатывает основы

педагогического этикета, представляющего собой совокупность выработанных в учительской среде специфических правил общения, манер поведения, имиджа людей, профессионально занимающихся обучением и воспитанием.

Для отечественной педагогики традиционным является выдвижение на первый план нравственных качеств учителя в ряду его профессиональных характеристик. Об этом, в частности, свидетельствует исследование З.Х. Гунаевой [2], в котором выполнен тщательный анализ педагогических идей К.Н. Вентцеля, П.Ф. Каптерева, К.Д. Ушинского, создавших теоретический фундамент развития педагогической этики. Некоторое отступление от этой традиции в пользу идейно-политической убежденности учителя наблюдается в публикациях периода советской педагогики. Научно-педагогические публикации последнего 20-летия вновь обращаются к идеям гуманизма и нравственности учителя, утверждая мысль о том, что только учитель, обладающий безупречными нравственными установками, способен показать обучаемым красоту человеческих поступков, научить их отличать добро от попустительства, гордость от гордыни, хорошее от плохого. В настоящее время представляется достаточно обоснованным высказанное замечательным отечественным ученым и педагогом В.А. Сухомлинским утверждение о том, что учитель становится воспитателем, только овладев тончайшим инструментом воспитания – наукой о нравственности, этикой, а этика в школе – это «практическая философия воспитания» [3. С. 19].

Рассмотрение современных диссертационных исследований позволяет констатировать единодушие ученых в признании того факта, что формирование нравственных потребностей учительства, его взглядов и убеждений является важнейшей задачей профессиональной подготовки. При этом этика учителя трактуется как фактор, повышающий эффективность образовательного процесса в школе [4], как аспект нравственной и духовной культуры [5; 6], как характеристика рефлексивной профессиональной позиции [7], как существенный аспект личностной и профессиональной культуры [8]. В данной статье упомянуты далеко не все диссертации, которые подверглись анализу и позволяют сделать следующий вывод: этика учителя представляет собой важнейшую характеристику его

профессионального мировоззрения и системообразующий компонент профессиональной педагогической культуры.

В теории и практике профессиональной подготовки учителя определились категории педагогической этики [9; 10; 11]. Обобщение мнений исследователей по данному вопросу позволяет выделить следующие безусловно признанные категории педагогической этики:

- профессиональный педагогический долг, представляющий собой превращение требований нравственности, в равной мере относящихся ко всем людям, в личную задачу конкретного учителя, сформулированную применительно к частным ситуациям, основанную на нормативных требованиях к педагогической деятельности;

- педагогическая справедливость, выражающая должный порядок человеческих взаимоотношений в педагогической деятельности;

- профессиональная честь (достоинство) учителя, раскрывающая отношение человека к самому себе и отношение к нему со стороны общества;

- профессиональная совесть учителя, характеризующаяся субъективным осознанием им своего долга и ответственности перед учениками.

В качестве основных структурных компонентов содержания педагогической этики выделяют нравственное сознание, включающее нравственные взгляды, убеждения и чувства; нравственную деятельность учителя и нравственные отношения учителя с учениками, коллегами и родителями [12].

Таким образом, можно отметить, что в педагогической науке сложилась необходимая научно-теоретическая база, позволяющая ставить и решать проблему формирования этической компетенции будущего учителя как одну из важных задач профессиональной подготовки. Активно разрабатываемый в педагогике компетентностный подход открывает для этого новые возможности. Они связаны в первую очередь с тем, что ориентация на понятие компетенции помогает избежать преобладающего в практике профессиональной подготовки учителя «просвещенческого» подхода, способствует ориентации на деятельностный характер педагогической этики. Кроме того, данное понятие актуализирует

личностные качества учителя, являющиеся ядром компетенции (И.А. Зимняя, А.В. Хуторской, М.А. Югова и др.). Так, определение компетенции, предложенное А.В. Хуторским, дает обобщенное представление о компетенции как совокупности «взаимосвязанных качеств личности <...>, задаваемых по отношению к определенному кругу предметов и процессов и необходимых, чтобы качественно продуктивно действовать по отношению к ним» [13. С. 60].

Суммируя имеющиеся мнения о сущности и составе компетенций, этическую компетенцию учителя можно рассматривать как составляющую профессиональной педагогической компетентности, необходимую учителю для осуществления педагогического взаимодействия с ребенком. Содержание рассматриваемой компетенции составляют: совокупность знаний в области педагогической этики и морали, умения и навыки педагогического взаимодействия и общения, способность реализовать нравственно-этические знания и осуществлять этически состоятельные действия в конкретных педагогических ситуациях. В ряду качеств личности учителя, характеризующих его этическую компетенцию, наиболее показательны терпимость, доброжелательность, чуткость, уравновешенность, способность к эмпатии. Формирование этих качеств как профессионально значимых базируется на становлении гуманистических ценностных ориентаций будущих учителей.

Внесение категории «ценность» в представление об этической компетенции позволяет акцентировать внимание на человеческом, социальном, культурном значении педагогической этики в профессиональной деятельности учителя. Ценности как предпочтения (или отвержение) тех или иных морально-нравственных установок диктуются чувствами и принимаются сознанием. Объединение чувства и смысла в ценностях определяет способы поведения человека. Осмысленные и реализованные в профессиональной деятельности, ценности педагогической этики становятся достоянием личности учителя.

Ценностная сущность этической компетенции обуславливает обращение к педагогической аксиологии как основанию ее формирования у будущих учителей. С точки зрения педагогической аксиологии ценностными категориями являются субъекты

образования, сами процессы и понятия «образование», «воспитание» как способы передачи и освоения ценностей, ценностные ситуации как особая форма субъект-субъектных отношений, в которых осуществляется диалог (с собеседником, природой, учебником и т.д.) и выбор той или иной позиции (метода, формы взаимодействия) учителем.

Своеобразие этической компетенции учителя – в объединении профессиональной этики и индивидуальной нравственности, нормативного и ценностного, идеологического и гуманистического, рационального и чувственного компонентов. Вуз – центр становления будущего учителя, где происходит усвоение этических норм педагогической профессиональной деятельности и приобретение гуманистических ценностных ориентаций и установок, на основе которых формируется профессионально компетентная личность. Единство нормативной и ценностной функций педагогической этики, целостность рациональной и чувственной составляющих этической компетенции позволяют констатировать равнозначность обучения и воспитания студентов в образовательном процессе вуза, необходимость построения этого процесса на основе ценностного отношения к самому будущему учителю. Идея ценностного отношения к будущему учителю как целостному саморазвивающемуся человеку культуры осуществляется в условиях гуманистического по сути, лично-ориентированного образования, направленного на поддержку, развитие у студентов механизмов профессионального этического самоопределения, нравственного самовоспитания.

В современном обществе с его сложной системой воспроизводства общественных отношений нравственные качества человека рассматриваются как один из ведущих элементов его профессиональной пригодности. К нравственному облику учителя предъявляются все новые, еще более высокие требования, существенно возрастает роль морального фактора в жизни современного общества, в связи с чем задача формирования этической компетенции будущего учителя приобретает особую актуальность.

Библиографический список

1. Национальная образовательная инициатива «Наша новая школа» // Электронный ресурс Интернет: [www.http://old.mon.gov.ru](http://old.mon.gov.ru)>Документы>6591.
2. Гунаева З.Х. Проблема педагогической этики в трудах отечественных педагогов середины XIX – начала XX в. (К.Д. Ушинский, П.Ф. Каптерев, К.Н. Вентцель): Дис. ... канд. пед. наук. Пятигорск, 2012. 162 с.
3. Сухомлинский В.А. Павлышская средняя школа. М.: Педагогика, 1979.
4. Царегородцева О.С. Развитие педагогической этики учителя как фактор повышения эффективности образовательного процесса в школе: Дис. ...канд. пед. наук. Мурманск, 2009. 169 с.
5. Тихонова В.И. Формирование нравственной культуры будущего учителя в учебном диалоге: Дис. ... канд. пед. наук. Воронеж, 1998. 190 с.
6. Храброва Е.В. Формирование духовно-нравственной культуры будущего учителя в образовательном процессе вуза: Дис. ... канд. пед. наук. Ярославль, 2007. 183 с.
7. Кенжина Ю.А. Формирование педагогической Я-концепции будущего учителя в образовательном процессе вуза: Дис. ... канд. пед. наук. Оренбург, 2006. 173 с.
8. Сыкало А.А. Формирование этической культуры будущего учителя в образовательном процессе вуза: Дис. ... канд. пед. наук. Рязань, 2011. 227 с.
9. Алтаева Г.А., Калымбетова Н.П. Профессиональные и нравственные качества учителя // Электронный ресурс Интернет: <http://rudosc.exdat.com/docs/index-37506.3.html>.
10. Хачикян Е.И. Концепция формирования профессионально-нравственной культуры будущего учителя литературы: Дис. ... докт. пед. наук. Калуга, 2001. 402 с.
11. Позднякова О.К. Формирование нравственного сознания будущего учителя в процессе обучения в педагогическом университете: Дис. ... докт. пед. наук. Самара, 2006. 492 с.
12. Шевченко Л.Л. Практическая педагогическая этика. М.: Соборъ, 1997. 506 с.

13. Хуторской А.В. Ключевые компетенции как компонент личностно-ориентированной парадигмы образования // Народное образование. 2003. № 5.

Сведения об авторе

Пятерикова Елена Витальевна
аспирант кафедры педагогики и психологии
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: elenapyat@yandex.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ, ИСТОРИИ И СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

УДК 316.722:008

ТРАДИЦИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

А.Ж. Закирова

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В современных глобализационных условиях феномен традиции как социального механизма трансляции межпоколенных связей и отношений приобретает особую актуальность в процессе сохранения этнической группой своей самобытной культуры. Глобальные СМИ и Internet, активное развитие миграционных процессов способствуют изменению характера межкультурной коммуникации, что выступает причиной быстрого темпа модификации традиций и в результате нарушением преемственности исторического опыта этноса.

Ключевые слова: традиция, этнос, глобализация, межкультурная коммуникация, глобальные СМИ, цивилизация, механизмы и технологии межкультурного взаимодействия.

Tradition in Globalization Adeliya Zakirova

As a social mechanism of ensuring intergenerational continuity, tradition gains special currency in the time of globalization, when every ethnic group tries to preserve its unique culture and heritage. International mass media, the Internet, and increasing migration have changed the nature of cross-cultural communication, contributing to rapid changes in existing cultural traditions and, thus, often breaking the intergenerational continuity of ethnic communities.

Key words: tradition, ethnic group, globalization, cross-cultural communication, international mass media, civilization, methods of cross-cultural cooperation.

Инновационные процессы выступают неотъемлемой частью современной постиндустриальной цивилизации. Являясь фундаментом инновационного процесса [1. С. 444], традиции поддерживают мир на протяжении многих веков и сохраняют культурные ценности, моральные принципы. Целью предлагаемой статьи является выявление роли традиции в жизни этнических групп

в условиях глобализации и интеграционных процессов, а также определение соотношения инновационного и традиционного как проявления диалектики историко-культурного развития народов, предполагающего неразрывное единство преемственности и поступательности в развитии общества.

Проблема традиции всегда была предметом внимания многих философов, среди которых М. Вебер, И. Гоффман, Э. Гуссерль, Э. Дюркгейм, М. Мосс, Р. Редфильд, М. Сингер, Э. Шилз [2. С. 70-76] и др. В рамках изучения традиции в условиях глобализации, нам в первую очередь интересен ее коммуникативный аспект, анализ которого можно найти в работах Б.М. Берштейна, Э.С. Маркарян, Е.П. Савруцкой, И.В. Суханова, Д.М. Угриновича и др. И.В. Суханов, к примеру, определяет традицию как «нерегламентированное юридическое установление, поддерживаемое силой общественного мнения», как форму передачи новым поколениям способов реализации сложившихся в жизни данного общества общественных отношений [3. С. 25]. Более того, автор отмечает, что традиция, как и обычай, является мощным средством стабилизации общественных отношений и трансляции их на новые поколения. Однако в отличие от обычая, традиция отражает связь между действием и духовными качествами человека, предписывая, какие действия являются положительными с точки зрения этнических культурных норм и правил и, наоборот, какие отрицательными. В данном случае мы можем говорить о положительных (предписывающих определенную направленность поведения, оценивающих его как предпочтительное) и отрицательных (отвергающих те или иные действия, относящих их в разряд недопустимых) традициях. По мнению Э.С. Маркаряна, «традиция — это выраженный в социально организованных стереотипах групповой опыт», благодаря которому происходит его воспроизводство «в различных человеческих коллективах» [4. С. 153]. Предпринимая попытку анализа классических и современных социологических теорий, Ю. Свеженцева и О. Проскурова определяют традицию как групповой стереотип социального действия, существующий в определенных социальных системах в течение длительного времени и имеющий социально-культурный механизм передачи от поколения к поколению [5. С. 144]. Среди ее

основных черт они отмечают унифицированность, общепринятость, а также длительный и устойчивый характер.

Таким образом, традиция наряду с обычаем, относится к четко разработанным социальным механизмам, регламентирующим коммуникативные процессы и образ жизни этнических групп. Посредством закрепления определенной последовательности действий (обычай), их направленности, оценки со стороны представителей этнической группы (традиции), а также языковых обозначений, традиции и обычаи обеспечивают историческую преемственность социально-культурного опыта непосредственно в коммуникационном процессе внутри этносов.

Традиция, воплощающая в себе процесс трансляции социально-культурного опыта, является важнейшим механизмом поддержания, сохранения и устойчивости норм поведения и отношений между членами общности, ценностей, образцов этнической культуры. Традиция выполняет функцию селективного механизма по отношению к инновациям: в обществе приживаются только те новшества, которые не оказывают разрушительного воздействия на этноспецифичные черты социума, и отвергаются те, которые грозят серьезными структурными изменениями. Это позволяет сохранить уникальность и самобытность данного этноса.

По отношению к традиции этносы и нации принято подразделять на три типа [6], в зависимости от реакции на изменение окружающей ситуации, на внедрение инноваций и от способа выстраивания коммуникации с представителями иных этносов.

Народы, жизненный цикл которых в каждом новом поколении повторяется без кардинальных изменений с сохранением традиций, принято относить к традиционному типу. В культурах подобного типа преобладают глубокий традиционализм, выражающийся в циклическом характере развития, воспроизводстве естественно сложившихся социальных структур и ориентации на «абсолютные» ценности, данные, в основном, религией. Все усилия «традиционного» этноса направлены на стабильное функционирование и поддержание исторически сложившегося порядка. Основными чертами подобных обществ являются антирационализм и антииндивидуализм, поскольку их представители, как правило, не апеллируют к разуму в вопросах, связанных с

нормативной практикой, а руководствуются историческими прецедентами. Это общества закрытого типа, поскольку новые члены могут внести разлад в веками сохраняемую стабильность и представлять угрозу исторически сложившемуся порядку, пошатнуть возведенную в ранг закона традицию.

Другим типом этнической группы считается «динамический» этнос, представители которого воспринимают инновации как развитие уже существующих традиций. Идеи чужих культур при условии, что они не противоречат фундаментальным ценностям и этнокультурным доминантам, активно усваиваются и обживаются, становясь своими. В итоге наряду с новым усваиваются ценности прошлого. Как результат для «динамических» народов характерна проблема конфликта поколений, поскольку молодое поколение во многом не принимает ценностей старших поколений и по-своему интерпретирует исторически сложившиеся традиции, мотивируя свое оценочное отношение новыми историческими событиями и новыми информационно-коммуникативными процессами и возможностями [7].

Авторы выделяют еще один тип – идеальный. Характерным признаком последнего является то, что этническая группа способна принять и переосмыслить чужие влияния в русле собственной культуры, не теряя при этом связи со своими традициями. Речь идет об адаптивных этносах. В истории такие народы чаще всего жили на пересечении торговых и культурных путей, и потому имели возможность впитывать посторонние влияния и трансформировать их во что-то собственное. При современном развитии СМК и активном расширении глобализационных процессов адаптивность этноса уже не обязательно зависит от его территориального месторасположения, поскольку огромный информационный поток ставит этнические группы на своеобразное пересечение культур, воздействуя на их фундаментальные ценности и таким образом способствуя их модификации [8].

Изменение – неизбежная судьба традиционных представлений в современном мире. Раньше этот процесс был сравнительно медленным, растягивался на столетия по причине узости коммуникационных связей и закрытости коммуникационного пространства родовых общин, образа жизни в племени. Наоборот,

подобная ситуация способствовала стабилизации общественных связей внутри социумов и формированию социальных механизмов социокультурной преемственности, закреплению и воспроизводству социального опыта в ряду поколений [9. С. 76]. Причины модификации традиции на данном этапе развития связаны, в первую очередь, с феноменом глобализации, который подразумевает под собой множество взаимосвязанных между собой процессов, таких, как формирование единого информационно-коммуникативного пространства, передвижение огромных масс людей, развитие глобальных СМК и системы Internet, вестернизация. В то же самое время возрастает актуальность исходной, исторически сложившейся функции традиции – трансляция межпоколенного опыта и сохранение уникальной культуры этнических групп.

В современных условиях актуальной является теория Э. Гуссерля об активных и пассивных традициях [10. С. 209]. Пассивная традиция – это некий набор исторически закреплённых правил, в соответствии с которым человек живет так, как принято в его группе, ничего не меняя и адаптируясь к принятому порядку. Однако существует второй подход: человек наполняет традицию новым содержанием, черпая его из истории собственного этноса, наделяя ее новыми смыслами или делая выбор в пользу чужой традиции, навязываемой ему современными СМК. Более того, обладая огромным просветительским потенциалом и возможностью практически моментального воздействия на аудиторию, масс-медиа не всегда используют эти возможности во благо, тиражируя низкие стандарты культуры и нагнетая ксенофобию [11. С. 342]. Вместе с тем отдельно необходимо сказать о национальных СМИ, имеющих чаще всего региональный характер, и отстаивающих позиции самобытных культур, и стремящихся к развитию межкультурного диалога. В итоге каждое поколение вводит свою интерпретацию традиций своего этноса, по-своему понимая и реализуя исторический опыт своего народа. В итоге данный процесс выступает как залог активного изменения этноса, его ассимиляции и адаптации в непривычных или новых для него условиях.

Американский этнограф Р. Редфилд также вносит определенный вклад в изучение традиции и дает почву для размышления над ее нынешним положением. Автор делит этнические традиции на

«большие» и «малые» в зависимости от среды бытования и способа передачи. К первой группе он относит традицию философии, теологии, литературы, которые анализируются, перерабатываются и культивируются в особых институтах – школах и храмах. Вторая группа выражает непосредственно образ жизни простых людей, который находит свое отражение в народной культуре. Оба типа взаимозависимы поскольку «большая», элитарная, традиция кристаллизует, закрепляет и обобщает то, что накоплено «малой», народной традицией, и возвращает ей плоды своей деятельности. В итоге возникает единство культуры на более высоком, по сравнению с «первобытной» фольклорностью, цивилизационном уровне [12].

Однако в условиях глобализации векторы изменяются. Частота этнических контактов достигает высокого уровня, и межкультурная коммуникация становится привычным явлением. В результате мы уже не можем рассматривать развитие каждого этноса обособленно. Каждый день «малая» традиция одной этнической группы сталкивается с «малой» традицией другого этноса, то же самое происходит и на уровне «больших» традиций. Результат подобного взаимодействия может быть различным и во многом зависит от того, какие типы этноса вступают в коммуникацию. Представитель традиционного этноса, наверняка, будет этноцентричен. Он отвергнет «малые» традиции чужого этноса, замкнувшись на своих. Представитель же динамичного этноса с готовностью вступит в коммуникацию, приняв новые черты к своему развитию. Если первая ситуация, может закончиться этническим конфликтом, то вторая приведет к ассимиляции и мирному сосуществованию этносов на одной территории. Однако в данный процесс вмешивается еще один игрок – СМК. Они формируют информационное поле, в котором развивается межкультурная коммуникация, ту среду, которая влияет на существование «малой» традиции. В условиях глобализации эта среда «пропитана» атмосферой вестернизации, которая пропагандирует приоритет европейских социокультурных норм. Во многих сообществах процессы вестернизации вызывают заметное сопротивление традиционалистски настроенных слоев и части элиты. В итоге представители некоторых этносов встают перед выбором между собственными исторически сложившимися традициями и стереотипами, пропагандируемыми европейской культурой.

Изменение «малой» традиции под влиянием глобализационных процессов ведет за собой логическое изменение «большой» традиции, и как результат – картины мира этнической группы в целом.

Однако в настоящее время все чаще приходится сталкиваться с противоположной картиной, когда этнические группы встают на защиту собственной культуры, отторгая западные стандарты и придерживаясь собственных культурных традиций. Возникающая в итоге межкультурная напряженность становится барьером на пути ведения успешной межкультурной коммуникации и плодотворного взаимодействия представителей различных этносов на позициях уважения и понимания. Решением данной проблемы может стать выдвижение требований принимающей стороны об обязательном владении языком, изучении культурных и правовых норм титульного народа, что снимет коммуникационные барьеры социального и профессионального взаимодействия в правовом поле социума [13. С. 238]. Подобные коммуникационные барьеры сводятся к минимуму в странах, где мультикультурный характер общества складывался в течение длительной истории совместного проживания множества этнических групп на одной территории. Примером может служить суперэтнос России, когда около 150 этносов относительно мирно развиваются и сосуществуют в рамках одной страны, уважая традиции и язык титульного народа и при этом сохраняя собственную самобытную культуру.

Традиционность является важным свойством этнической культуры. Она определяет ее ценностно-нормативное и смысловое содержание, а также социальные механизмы его передачи. Однако в современном обществе значение традиции особо актуально, поскольку под влиянием современных СМИ, а также огромных миграционных потоков, человек постоянно стоит перед выбором усвоения или отвержения чужой для его культуры традиции. Причем от этого выбора зависит тот неопределимый и самобытный культурный опыт, который будет передан следующему поколению, зависит судьба данной этнической группы в целом.

Библиографический список

1. Суханова М.А. Традиции и инновации в культуре // Инновации и образование: Сборник материалов конференции. Серия «Symposium», выпуск 29. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003.
2. Лобанова Т.В. Основные подходы к изучению проблемы традиции // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2008. № 1 (9). С. 70-76.
3. Суханов И.В. Обычаи, традиции и преемственность поколений. М.: Политиздат, 1976. 216 с.
4. Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука: (логико-методол. анализ). М.: Мысль, 1983. 284 с.
5. Свеженцева Ю., Проскуракова О. Традиция: концептуализация и направления изучения // Социология: теория, методы, маркетинг. 2010. №2. С. 142-153.
6. Чернявская Ю.В. Народная культура и национальные традиции. Минск, 1998. 170 с.
7. Савруцкая Е.П. Проблемы коммуникации в контексте социокультурной реальности информационного общества // Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского. 2012. №1(3). Нижний Новгород: Издательство Нижегородского госуниверситета, 2012. С. 132-137.
8. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Электронный ресурс Интернет: http://www.polisportal.ru/files/File/puvlication/Starie_publicacii_Polisa/H/1994-1-Huntington-Stolknovenie_civiliacij.pdf.
9. Савруцкая Е.П. Феномен коммуникации в современном мире // Актуальные проблемы теории коммуникации: Сборник научных трудов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 75-85.
10. Гуссерль Э. Собрание сочинений. Логические исследования. М., 2001. Т.3.
11. Савинова О.Н. Культурная традиция и роль СМИ в межкультурном диалоге: опыт ПФО // Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского. 2012. №1-2. С. 340-343.
12. Redfield R. Peasant Society and Culture (1956) // Redfield R. The Little Community and Peasant Society and Culture. Chi.–L., 1973 (10th impr.). P. 40-59 // Электронный ресурс Интернет: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_culture/610/РЕДФИЛД.
13. Савруцкая Е.П. Проблемы мультикультурализма в контексте современных коммуникативных процессов // Философия в современном мире: диалог мировоззрений: Материалы VI Российского философского

конгресса (Нижний Новгород, 27-30 июня 2012 г.). В 3 т. Т. 3. Нижний Новгород: ННГУ, 2012.

Сведения об авторе

Закирова Адэлия Жамилевна
аспирант кафедры философии, социологии и
теории социальной коммуникации
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: adeliyareim@mail.ru

РЕЦЕНЗИИ

В.М. Строгецкий

Нижний Новгород

Рецензия на книгу: **Садохин А.П., Толстикова И.И. Культурология: Учебное пособие для студентов, обучающихся по социально-гуманитарным специальностям. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2011. 295 с.**

Из немногих книг по культурологии, опубликованных в 2011-2012 гг., для рецензирования эта была выбрана не случайно. Во-первых, А.П. Садохин является признанным специалистом в области межкультурной коммуникации.

Во-вторых, необходимо отметить, что А.П. Садохин работал в тесном содружестве с немецкими исследователями, которые вместе с американскими культурантропологами положили начало развитию как межкультурной коммуникации, так и на ее основе науке культурологии или культурантропологии. Таким образом, А.П. Садохин вслед за Э. Холлом⁷ сначала глубоко изучил и исследовал теоретические и практические проблемы межкультурной коммуникации и затем вместе со своей коллегой И.И. Толстиковой опубликовал учебное пособие по культурологии, которое соответствует требованиям, предъявляемым к учебному пособию для студентов бакалавриата.

Мысли, высказанные авторами в аннотации к учебному пособию, подтверждают его важность для первого уровня образования. Преподавание для студентов-бакалавров общетеоретических курсов, каковым и является курс «Культурология», предусматривает, что преподаватель не должен начетнически поучать студентов. Он обязан изложить в соответствии с установленным количеством условных единиц времени, отводимого по учебному плану, основы содержания курса, объяснив наиболее трудные для понимания дискуссионные проблемы, и назвать современную литературу с указанием глав, которые студент обязан самостоятельно проработать.

На уровне бакалавриата акцент должен быть сделан не на лекции, а на самостоятельную работу студентов под руководством преподавателя.

⁷ Holl Ed., Trager D. Culture and Communication: A Model and Analysis // Explorations and Communications. 1954, 3; Holl Ed. The Silent Language. N.J., 1959 (в перев. на русск. язык см. Холл Э. Как понять иностранца без слов. М., 1995).

Для этого учебным планом должны быть предусмотрены часы для консультаций или семинаров с индивидуальными студентами или с малыми группами студентов, во время которых преподаватель выясняет, насколько они справились с указанными заданиями. Именно таким образом преподаватель, читающий теоретический курс, будет помогать студенту учиться, самому находить ответы на вопросы содержания курса, а не удовлетворяться теми выводами и формулировками, которые продиктует или скажет во время лекции преподаватель.

Материал учебного пособия распределяется по трем разделам: теория культуры, история культурологической мысли и историческая культурология. На уровне бакалавриата курс культурологии не рекомендуется начинать с изучения истории культурологической мысли и школ и направлений в культурологии. Этот раздел необходимо серьезно и глубоко изучать на уровне магистратуры. Студенты бакалавриата, еще не зная содержания теории культуры и не владея в достаточной мере историей и философией, не смогут понять содержание этой важной и вместе с тем сложной для их уровня темы.

Начиная изучение курса «Культурология» с теории культуры, авторы учебного пособия подчеркивают, что культурология – это самостоятельная интегративная или, может быть лучше сказать, междисциплинарная наука, имеющая свой предмет изучения, вполне конкретную структуру, методы исследования и функции. Авторы пособия рассматривают культурологию как отрасль социогуманитарных знаний и определяют ее место в системе гуманитарных наук (С. 9-10).

В связи с этим необходимо внести некоторые коррективы в трактовку предмета культурологии как науки. Если рассматривать культурологию как междисциплинарную науку, то она в равной степени имеет отношение как к гуманитарным, так и к естественнонаучным знаниям. Ведь культура в широком смысле слова представляет собой среду обитания, создаваемую активной творческой деятельностью человека. Поэтому культурология – это наука о культуре, являющейся отражением в разнообразных продуктах человеческой деятельности его отношения к природе, обществу и к самому себе.

Таким образом, исследователь, считающий себя культурологом, будь он физиком или биологом, лингвистом, филологом или историком, социологом и экономистом, взявшись изучать и исследовать культурные процессы или явления, не должен замыкаться в рамках своей специальности и во главу угла ставить свои узко научные интересы. Поэтому в культурологии может быть в большей степени, чем в других конкретных областях научных знаний, огромное значение имеет совокупность методов культурологических исследований, как на

эмпирическом, так и на теоретическом уровнях. Рассматривая культурные процессы и явления, связанные с исследованием отношений человека к природе, обществу и к самому себе, необходимо интегрировать методы исследований как гуманитарных, так и естественных наук.

Авторы пособия уделяют весьма важное внимание соотношению понятий «цивилизация» и «культура» (С. 18-20), что вполне справедливо, так как нередко не только на студенческом уровне возникает путаница при использовании этих понятий. А.П. Садохин и И.И. Толстикова указывают на то, что сегодня в науке доминирует точка зрения, согласно которой между цивилизацией и культурой нет ни абсолютной гармонии, ни полной несовместимости (С. 20). Эту мысль необходимо уточнить. Цивилизация и культура – это фактически две стороны одной «медали». И это неполное сходство, и неабсолютное различие между этими понятиями должно иметь свое объяснение. Оно заключается в том, что понятия «культура» и «цивилизация» отражают некие различия, но вместе с тем они создают и определенное единство. В самом деле, если рассматривать культуру вслед за М. Херсковицем как среду обитания, постоянно совершенствуемую с помощью творческой деятельности человека, то можно сказать, что культура всегда связана с деятельностью человека. Это объясняет также и то, что в культуре важную роль играет духовная составляющая даже тогда, когда речь идет о материальных ценностях, создающихся человеком.

Понятие «цивилизация» прежде всего связано с обществом, причем нередко имеется в виду объединение различных обществ, и тогда вслед за Хантингтоном можно сказать, что цивилизация – понятие внеэтническое. Необходимо признать, что в понятии «цивилизация» акцент делается не на духовной жизни и ценностях, создающихся каждым отдельно взятым человеком, а на обществе или объединении различных обществ в целом. В этом случае приоритетными становятся не столько духовные, сколько материальные ценности.

Итак, между духовными ценностями культуры и материальными ценностями цивилизации существует некая диалектическая связь. Они либо находятся во взаимном состоянии единства, либо в противоречивом состоянии борьбы между собой, заставляя цивилизационный маятник отклоняться то в одну, то в другую сторону и побуждая философов и культурологов обращать внимание на выявление места и роли культуры (Н.Я. Данилевский, В. Дильтей, Д.С. Лихачев)⁸ или цивилизации

⁸ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб., 1871; Dilthey W. *Gesammelte Schriften*. Bd. 1-18. Lpz., 1928-1979, besond. Bd. I. Lpz., 1922; Bd.V. Berlin, 1924; Bd.VII. Stuttgart-Göttingen. 1963; Дильтей В. *Описательная психология*. СПб., 1996; Лихачев

(О. Шпенглер, Н. Бердяев, Г. Макузе, С. Хантингтон)⁹ в этой диалектической взаимосвязи.

Характеризуя типологию культуры, авторы оправдано анализируют историческую и цивилизационную типологии. Что же касается так называемой формационной типологии, то рассмотрение ее как равноправной с первыми двумя без критического осмысления представляется нецелесообразным (С. 41), так как это вводит читателя в заблуждение, поскольку создаёт видимость вполне научной оценки этой типологии.

Важными элементами теории культуры являются такие темы как культурный релятивизм, инкультурация и культурный шок. Эти понятия и связанные с ними исследования американских культурологов М. Херсковица, К. Оберга и других¹⁰, как справедливо отмечают авторы рецензируемого пособия, востребованы сегодня в условиях признания культурного многообразия и необходимости толерантного отношения ко всему новому и последовательной адаптации к новым и необычным условиям (С. 68-73).

Завершая рассмотрение проблем теории культуры, авторы обращают серьезное внимание на модернизм и тенденции развития современной мировой культуры. Двадцатый век характеризовался тем, что амплитуда цивилизационного маятника достигла своей крайней точки. Тотальный социально-экономический, нравственный и политический кризис, начавшийся в начале XX в., завершился двумя разрушительными мировыми войнами, гражданскими и локальными войнами, установлением жестоких тоталитарных режимов.

Движение цивилизационного маятника – это поиски ответов на вопросы, возникшие перед человечеством после катастрофических событий XX в., а модернизм и постмодернизм это формы, в которых эти ответы выражаются. Поэтому задача научной культурологии заключается,

Д.С. Земля родная. М., 1983; Он же. Раздумья. М., 1991; Он же. Очерки по философии художественного творчества. М., 1996.

⁹ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. I-II. М., 1993-1998; Макузе Г. Одномерный человек. Киев, 1995. Hantington E. The Human Habitat. London, 1928; Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. 1994. № 1; Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989; Он же. Философия неравенства. М., 1990; Он же. О назначении человека. М., 1993; Он же. Царство духа и царство Кесаря. М., 1995. Он же. Творчество и объективация. Минск, 2000.

¹⁰ Oberg K. Culture Shok: Adjuatments to New Cultural Environments // Practical Anthropology. 1960.№7; Herskovits M.J. Man and His Works. The Science of Cultural Anthropology. N.J., 1948; Herskovits M.J. The Human Factor in Changing Africa. New York, 1962.

как справедливо замечают авторы пособия (С. 106), в том, чтобы обнаруживать и исследовать те позитивные тенденции, которые будут способствовать формированию нового социокультурного единства человечества.

Во втором разделе учебного пособия (С. 109 слл.) А.П. Садохин и И.И. Толстикова анализируют важнейшие культурологические учения через призму традиционного позитивистского и марксистского подхода к пониманию этапов развития культурологической мысли. Авторы считают, что первые попытки научного осмысления культуры равно как и первые истоки общественно-политической мысли и научной историографии появляются только с эпохи Нового времени. Сегодня этот взгляд опровергается не только западноевропейскими, но и отечественными исследователями¹¹.

В эпоху Нового времени, начиная с периодов Ренессанса и Просвещения, фактически происходило возрождение научной исторической мысли, представленной бессмертными трудами Геродота и Фукидида, Полибия и Тацита; философско-культурологической мысли, отразившейся в трактатах Гераклита и Анаксагора, Платона и Аристотеля, Лукреция Кара и Сенеки. Без опоры на эти труды не было бы в Европе ни Возрождения, ни Просвещения, которые дали рациональное и духовно-нравственное пробуждение к дальнейшему развитию на новом цивилизационном витке сначала европейской, а затем и мировой исторической, общественно-политической и философско-культурологической мысли.

В третьем разделе пособия рассмотрены все мировые культуры от аккадской до современной русской (С. 162-290). Материал изложен емко, конкретно и понятно. В дополнении суждений авторов необходимо отметить, что уже к концу VII – VI вв. до Р.Х. возникли два противоположных понимания развития истории и культуры: ветхозаветное библейское, основанное на религиозно-философском восприятии исторического прошлого и настоящего и на линейном понимании исторического времени; другое – древнегреческое, не исключавшее религиозной веры, но основанное на светском характере мышления, рационалистически-философском объяснении прошлого и настоящего и соответствующем этому объяснению циклическом понимании

¹¹ Фролов Э.Д. Факел Прометея. Очерки античной общественной мысли. Л., 1991; Строгоцкий В.М. Становление исторической мысли в Древней Греции и возникновение классической греческой историографии. Нижний Новгород, 2010; Жмудь Л.Я. Зарождение истории науки в античности. СПб., 2002; Суриков И.Е. Очерк об историописании в классической Греции. М., 2011.

исторического и культурного процесса развития и нелинейного понимания исторического времени. Это и было началом противопоставления или дихотомии Востока и Запада, которая сложилась уже к началу V в. до Р.Х.¹²

Некоторые уточнения необходимо внести и в рассмотрение авторами истории развития русской культуры (С. 285-293). В эпоху формирования Киевской Руси (IX – XI вв.) сложился тип городской культуры. Киевская Русь называлась Гардарик – страна городов. В городах право вече становилось выше прав князя. В это время Киевская Русь имела тесные контакты как с Западной Европой, так и с Византией. При этом немаловажным фактором было и то, что Киевская Русь и Византия в это время в равной степени переживали период расцвета. Поэтому принятие христианства в X в. имело для Руси весьма позитивное значение.

Совсем в других условиях развивалась история аграрной культуры Московской Руси, которая формировалась начиная с XII-XIII вв. в обстановке феодальной раздробленности, борьбы с монголо-татарским нашествием и окончательно сформировавшейся восточной константинопольской православной церковью, порвавшей с католическим западным христианством. Вплоть до XV в. еще было неясно, какая общественно-политическая сила восторжествует на Руси – вечевая демократия или великокняжеская единоличная монархическая власть. С XV в., как совершенно правильно отмечают авторы пособия (С. 289), утвердилась особая форма самодержавия, когда московский царь стал наследником монгольского хана, а в XVI в., когда Иван Грозный завоевал Новгород, вече умолкли одно за другим и установилась деспотическая самодержавная власть.

После падения Византии в 1453 г. Константинопольская православная церковь не могла более оказывать позитивное влияние на Московскую Русь. Византийское духовенство, потеряв реальную историческую почву и оказавшись под властью османской турецкой империи, перешло к охранительной политике. Стремясь сохранить контроль над русской церковью, византийское духовенство старалось различными способами изолировать Русь от западного влияния. Для Московской Руси в это время были характерны агрессивные устремления и экстенсивный путь развития. Это нашло свое идеологическое обоснование в утверждении идеи о Москве как третьем Риме, и ее мессианской роли.

¹² Строгеецкий В.М. Ук. соч. С. 12слл. Зайцев А.О. Культурный переворот в Древней Греции VIII-V вв. до н.э. Л., 1985; Немировский А.И. У истоков исторической мысли. Воронеж, 1986.

Антизападная направленность русского и византийского духовенства в течение XV-XVII вв. способствовала утверждению в русской религиозной и общественно-политической мысли консервативных традиций и тенденций, которые вплоть до конца XVII в. обрекли Русь на изоляцию и отсталость. Этим в значительной степени и обусловлены вечные поиски русской национальной идеи и бесконечные споры славянофилов, западников и евразийцев.

Тем не менее, время от времени возникающие идеи о мессианской роли России, ее особом пути развития или так называемой суверенной демократии - это не более чем эвфемизмы, с помощью которых делалась и делается попытка скрыть подлинную отсталость России от развитых государств Европы и остального мира более чем на два века. И причины этой отсталости вполне зримы и объяснимы.

Между тем становление и развитие различных этапов российской цивилизации, начиная с Киевской Руси, происходило в индоевропейской языковой среде. Поэтому Россия, начиная с Киевской Руси вплоть до настоящего времени, была и остается частью Европы и государством европейского типа, несмотря на его поликонфессиональный и полиэтничный характер и его обширную территорию. Это подтверждается теми объективными процессами, которые оказывали влияние на становление и развитие различных этапов и типов российской цивилизации.

Так, в Киевской Руси к XIII в. насчитывалось более 300 городов, которые тогда развивались в том же направлении, что и западноевропейские. Это были торгово-ремесленные города с демократическим самоуправлением в форме вечевой демократии.

Отсталость России, обусловленная более чем 200-летним господством Золотой Орды, от Западной Европы в XVI-XVIII вв. побудила известных славянских просветителей С. Полоцкого и особенно Ю. Крижанича¹³ предложить царю Алексею Михайловичу серию системно-продуманных реформ, которые должны были вернуть Россию на путь поступательного развития в европейском духе. Они отдавали предпочтение развитию науки и просвещению, исправлению законодательства и созданию эффективной судебной системы, установлению правильной финансовой политики, развитию городской структуры, промышленности и торговли.

¹³ Полоцкий С. Избранные сочинения. М., 1959; Он же. *Вирши* / сост., подготовка текста, вступ. слово и коммент. В.Н. Былиника, Л.У. Звонаревой. Минск, 1990; Крижанич Ю. *Политика* (текст и перев.) / Под ред. акад. А.П. Тихомирова. М., 1965 (репр. М., 1995).

С этой программой был знаком Петр I, и он начал реформирование России прежде всего с утверждения светской системы образования.

Последующие реформы Екатерины II, Александра I в начальный период его правления и особенно Александра II сделали еще один важный шаг в развитии России по европейскому пути. Благодаря Конституции 1906 г. при Николае II российская монархия стала превращаться в конституционную (так называемую думскую) монархию. По расчетам Д.И. Менделеева к 1950 г. население России должно было достигнуть 300 млн человек. С этого времени в России ежегодно открывалось до 10 тыс. школ, и премьер-министр С.Ю. Витте планировал к 1922 г. ликвидировать неграмотность в стране¹⁴.

Катастрофические события начались в октябре 1917 г., когда власть захватили большевики. Население стало резко сокращаться в результате расстрелов и изгнаний, предпринятых ВЧК, а затем ГПУ в 1918-1922 гг., а также вследствие гражданской войны 1918-1922 гг., развязанной большевиками. Затем десятки миллионов погибли в результате искусственно организованного при Сталине голодомора в 1932-1933 гг. и расправ, устраиваемых НКВД и ГУЛАГом. Огромное число российских людей (более 20 млн) погибло в годы Отечественной войны 1941-1945 гг. Наконец, в течение последних 20 лет по разным причинам Россия потеряла более 7 млн человек. Таким образом, сейчас в России осталось около 143 млн человек. Плотность населения на Дальнем Востоке и Сибири 2 человека на 1 кв. км, а в Центральной России 46 человек на 1 кв. км, в то время как плотность населения в Китае 146 человек на 1 кв. км, а в Японии – 200 человек на 1 кв. км. Поэтому сегодня пытаться по-прежнему замалчивать хорошо известные факты поступательного развития России до 1917 г., постоянно повторять, что у России свой самобытный путь развития и какая-то особая миссия, стремясь по-прежнему скрывать свое нежелание открыто признать тотальную отсталость нашей страны в праве, экономике, политике, образовании и культуре, чревато разложением и гибелью российской цивилизации.

¹⁴ О поступательном развитии России до 1917 г. см. следующую современную литературу: Солоневич И. Народная монархия. М., 1991; Мережковский Дм. Тайна Русской революции. М., 1998; Пушкарев С.Г. Россия 1801-1917: власть и общество. М., 2001; Гаранин А. Мифы о России и дух нации. М., 2002; Врангель Н.Е. Воспоминания. От крепостного права до большевиков. М., 2003; Чубайс И. Мифы о России до 1917 г., рожденные при советской власти. Разгаданная Россия. М., 2005. В настоящее время Игорь Чубайс закончил работу над новой книгой «Российская идея». Фрагмент этой книги «Октябрьская революция как разрыв истории» опубликован в общественно-политическом журнале «Посев». 2012. № 2. С. 14-19.

Избранному президенту и новому правительству придется назвать истинные причины нашей катастрофической отсталости, а не повторять избитую фразу о «лихих 90-х годах», которые якобы привели нашу страну в столь плачевное состояние, и заняться не сменой декорации и латанием дыр, а проведением крайне необходимых подлинно-демократических реформ на основе приоритета международного права над местным правом и приоритета частного права над публичным правом. Только на этом пути может возникнуть подлинное гражданское общество и Россию можно будет вывести из тотального социально-экономического, демографического, нравственного, политического и культурно-образовательного кризиса.

В заключении рецензии на учебное пособие А.П. Садохина и И.И. Толстиковой нужно отметить, что, несмотря на некоторые критически замечания, в целом пособие очень ценное и полезное для студентов-бакалавров. Оно написано ясным и понятным языком, лишенным нарочитой наукообразности. В учебном пособии рассмотрены все важнейшие темы и проблемы, составляющие содержание современной научной культурологической мысли.

Сведения об авторе

Строгеецкий Владимир Михайлович
доктор исторических наук,
профессор кафедры истории, культурологии и древних языков
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: vstrog@rambler.ru

ХРОНИКА

Научные чтения «Французский акцент в мировой художественной культуре», посвященные юбилею З.И. Кирнозе (26-27 ноября 2012 года)

26 ноября 2012 г. в НГЛУ состоялись научные чтения, посвященные юбилею Заслуженного деятеля науки РФ, доктора филологических наук, профессора З.И. Кирнозе, целью которых было не просто чествование выдающегося российского филолога и талантливого педагога, но и желание осмыслить его вклад в различные сферы филологического знания. И хотя тема чтений была обозначена как «Французская литература в контексте мировой культуры», круг проблем оказался гораздо шире заявленной темы.

Приехавшие на юбилей З.И. Кирнозе многочисленные ученые попытались представить общую картину поисков ученого, отыскать истоки энциклопедических знаний и исследовательских предпочтений. Все доклады, прозвучавшие на конференции, можно было бы разделить на три основных группы: литература в контексте мировой культуры, межкультурная коммуникация и компаративные исследования литературы.

В выступлении проректора по научной работе НГЛУ профессора Е.С. Гриценко было отмечено, что З.И. Кирнозе не просто известный ученый-филолог, но яркая личность, в орбиту жизни которой оказались включенными многие выдающиеся люди. Об этом Зоя Ивановна вспоминает в специально изданной к юбилею книге воспоминаний «Былое живое», опубликованной в Москве. Свои мемуары и воспоминания З.И. Кирнозе посвятила мужу Леониду Болеславовичу Лихтерману, известному в России врачу-нейрохирургу, ученому с мировым именем, широко образованному человеку.

Благодаря своему супругу в 1962 году Зоя Ивановна оказалась в городе Горьком. Доктор медицинских наук, профессор, имеющий множество государственных наград, заслуженный врач России, он вместе с Зоей Ивановной превратил свой дом на ул. Минина в культурный центр, в котором до сих пор собирается нижегородская интеллигенция. Ему же принадлежит идея написания книги воспоминаний, которую на конференции получили в дар все присутствующие. Сборник включает записи разных лет, в которых проявился уникальный художественный дар З.И. Кирнозе. У юбиляра, как говорят ее многочисленные друзья и коллеги, удивительно «легкое перо».

В книге, построенной по хронологическому принципу, все интересно и замечательно. Тем не менее, каждая из глав содержит свою «жемчужину». На мой взгляд, среди таковых рассказ «Сосед Сергей Иванович» из главы «Дом Виллуана» – бытовая зарисовка из жизни соседей З.И. Кирнозе, заставляющая вспомнить о традиции русских классиков от Гоголя до Зощенко, или посвящение Степану Павловичу Веселову, гениальному мастеру хохломской росписи. Завершает книгу литературный шедевр, в котором отразился весь масштаб личности и ученого З.И. Кирнозе, – «Московская осень Бейля». Он украсил также юбилейный номер главного литературного издания страны «Вопросы литературы».

Завершаетсяopus послесловием, которое хотелось бы процитировать полностью: «Память лукава. И все же благодаря ей былое остается живым. Завершая книгу, я вижу, сколько страниц в ней пропущено, сколько достойных, интересных личностей остались за ее пределами. В кругу самых близких уже нет многих родных лиц. Жившие и живущие за далью расстояния и времени Лихтерманы, Топузовы, Шумиловы, Кирнозе, Бендицкие, Погорельские, Шаповаловы...».

Трудно переоценить вклад научной филологической школы, созданной юбиляром в инязе в 80-90 годы, итогом деятельности который стали десятки защищенных кандидатских диссертаций, многочисленные научные сборники, коллективные монографии и учебно-методические материалы. Вот и в этот раз Зоя Ивановна отмечает юбилей двумя уникальными изданиями. Первое – «Былое живое», о котором речь шла выше. Второе подготовлено кафедрой зарубежной литературы. Это коллективная монография «Французская литература в контексте мировой культуры», осуществленная международным коллективом авторов. Четыре ее раздела включили статьи ведущих ученых страны по взаимосвязям литературы Франции с немецкой, англо-американской, русской и другими литературами. Украшением книги, без сомнения, стали работы ученых из Москвы и Санкт-Петербурга, Тюмени и Кирова, Одессы и Иваново. В статье петербурженки А.И. Владимировой «Роман Мишеля Уэльбека «Будущее человечества» (Мишель Уэльбек и Олдос Хаксли)» дан сопоставительный анализ творчества двух зарубежных авторов. Это повод проследить эволюцию современной западной прозы, а также возможность обратиться к проблемам более широкого философского плана.

Блистательно написана посвященная Ги де Мопассану статья профессора из Москвы, близкого друга юбиляра В.А. Пронина «Аберрация под кодовым названием «Фауст». Статья предлагает особый взгляд на опыт художника, к наследию которого интерес почти утрачен, что, по

мнению исследователя, несправедливо. Автор приглашает нас по-новому взглянуть на роман «Сильна как смерть» и на все творчество великого француза.

Работу близкого друга кафедры зарубежной литературы профессора из Тюмени Н.Ф. Швейбельман «Типология героя в зарубежной литературе XX века» отличают и ясный стиль изложения, и обширность исследуемых материалов, и глубина оценок. В центре ее внимания – смена художественной парадигмы, «под знаком которой происходили поиски новых приемов выразительности, обретение общих эстетических позиций, сближение школ и направлений, синтез разных видов искусств, создание нового художественного языка и его бытие в разнообразных литературных формах» (с.58) Каждый тезис точен, проверен, убедителен. Мелькают даты, страны и имена: Камю и Музиль, Дюрренматт и Кафка, Миллер и Фаулз. Маргинал и «фланер» как знамения нашего времени, литература как способ постижения собственной сущности и смысла жизни на земле.

Рядом со статьями А.И. Владимировой, В.А. Пронина и Н.Ф. Швейбельман соседствуют не менее яркие исследования М.И. Никола – зав. кафедрой всемирной литературы в МПГУ, ее коллеги профессора В.П. Трыкова и сотрудничающего многие годы с кафедрой декана факультета романо-германской филологии Ивановского университета А.Н. Таганова. Последний, в частности, исследует феномен интертекстуальности в художественном мышлении Франции конца XIX – начала XX веков. Автор справедливо полагает, что взаимоотношения текстов и подтекстов в литературе этого периода приобретало самые разнообразные интертекстуальные формы, доказывающие стремление современного человека к саморефлексии и постижению своей сущности через Слово.

В центр внимания М.И. Никола попал современный французский писатель Пьер Киньяр, обратившийся к античной теме, которая близка и понятна исследователю. Автор справедливо отмечает, что предложенный Киньяром вариант собственной трактовки интимной жизни римлян помогает и нам увидеть глубины собственной души.

Неожиданным представляется взгляд профессора из МПГУ В.П. Трыкова на современное российское образование через призму опыта великого французского философа Ф. Лиотара. Может, быть сами того не осознавая, современные руководители используют западноевропейский опыт, особенно в сфере образования. Статья В.П. Трыкова завершается тремя лапидарными, а потому очень убедительными выводами о том, что подобная система отношений, воспитания и образования превращает человека в марионетку, которой легко манипулировать. Отвечающее за так называемое «герменевтическое» знание высшее образование более не

востребовано обществом, что опасно. И третье: новая система образования призвана, по большому счету, формировать робота, не способного к критическому осмыслению бытия. Статье В.П. Трыкова явно тесно в рамках нашего узкоспециального сборника и его тексту требуется столичная трибуна.

Специальный текст для книги по просьбе З.И. Кирнозе прислал профессор из Москвы заведующий кафедрой в РРГУ И.О. Шайтанов, отличающийся поистине энциклопедическими знаниями. На этот раз он обращается к творчеству Теккерея. Столь же ярок и опус Греты Йонкис (Германия) «Жить и умереть в Париже» о роли столицы Франции в жизни Оскара Уайльда. Неожиданный взгляд на известный художественный материал предлагают В.И. Силантьева («Портрет Анны Ахматовой работы Натана Альтмана: русско-французский обмен авангардными идеями»), Н.М. Ильченко («Французские впечатления В.К. Кюхельбекера и А.И. Тургенева»), О.А. Судленкова («Франция начала 40-х годов в романе С. Фолкса «Шарлотта Грей»: коллективный портрет»). Завершая разговор о монографии, нельзя обойти молчанием и статью ведущего научного сотрудника Института литературы им. Т.Г. Шевченко Академии наук Украины Т.Н. Денисовой, которая не смогла лично присутствовать на научных чтениях, но прислала в адрес юбиляра поздравительную телеграмму и статья которой «Простая душа: Гертруда Стайн versus / visavi Гюстав Флобер или: кто такой «Попугай Флобера»? (экзерсис из области компаративистики)» стала несомненным украшением сборника.

Невозможно перечислить всех авторов коллективной монографии (их более 30). Понятно, что и статьи коллег Зои Ивановны по кафедре и ее нижегородских коллег тоже глубоки, интересны и мастерски написаны, однако подробно остановиться на каждой работе не позволяют рамки рецензии.

Поразительна и география научных чтений: от Нижнего до Парижа. Ближнее зарубежье представлено Украиной и Белоруссией. Из Франции статью прислала французская исследовательница литературы Катрин Бремо, написавшая о русской интеллигенции в Медоне. Она, кстати, тоже ученица Зои Ивановны, которая вместе с почетным Президентом университета «Париж-8» Ирен Сокологорски руководила докторской диссертацией Катрин Бремо.

Завершает монографию статья известного нижегородского ученого и краеведа близкого друга З.И. Кирнозе Т.П. Виноградовой, которая верна теме русского присутствия на юге Франции – «Лазурный берег, Грасс: прогулка к Бунину». Ее работа открывается небольшим посвящением юбиляру: «Есть, к счастью, в жизни люди, за возможность общения с которыми мы благодарим судьбу. Для меня это Зоя Кирнозе».

Эти слова стали не только цитатой из коллективной монографии, но и лейтмотивом научных чтений, посвященных З.И. Кирнозе, во время которых каждый из участников не просто выступал с научным докладом, но и признавался в любви к нижегородскому ученому с мировым именем, яркому человеку, учителю и другу.

С.М. Фомин

Слово в пространстве диалога культур: вопросы номинации

20 марта 2013 года в НГЛУ им. Н.А. Добролюбова прошел научно-практический семинар «Слово в пространстве диалога культур – V: Вопросы номинации». Семинар был посвящен памяти Почетного профессора НГЛУ Владимира Степановича Вашунина (1933-2010). Свою трудовую деятельность в НГЛУ В.С. Вашунин начал в 1970 г., заняв должность декана факультета немецкого языка Горьковского государственного педагогического института иностранных языков. В течение 14 лет (1973-1987 гг.) он возглавлял кафедру немецкого языка и перевода переводческого факультета ГГПИИЯ. В 1990-93 гг. В.С. Вашунин заведует кафедрой немецкой филологии, в 1993-2001 гг. он – проректор по учебной работе НГЛУ им. Н.А. Добролюбова. С 2001 г. В.С. Вашунин занимал должность профессора и профессора-консультанта кафедры немецкой филологии НГЛУ, под его руководством выполнено 10 кандидатских диссертаций. Научная деятельность В.С. Вашунина характеризовалась широким диапазоном исследовательских интересов, им опубликовано более 70 научных работ по проблемам общего, германского и финно-угорского языкознания, методике преподавания иностранных языков, переводу и переводоведению. Особенно активно В.С. Вашунин работал в области словообразования, поэтому неслучайно тема прошедшего семинара была посвящена вопросам номинации и словообразования в немецком языке.

На семинаре прозвучали выступления учеников и коллег В.С. Вашунина. В своем приветственном слове проректор по научной работе НГЛУ профессор Е.С. Гриценко отметила вклад профессора В.С. Вашунина в становление и развитие основных направлений научной деятельности НГЛУ. В течение многих лет он возглавлял научное направление «Номинация и словообразование в современном немецком языке» и многое сделал для научной подготовки высококвалифицированных специалистов.

Выступление зав. кафедрой теории и практики немецкого языка и перевода НГЛУ доцента Л.А. Аверкиной было посвящено личности В.С. Вашунина, она поделилась воспоминаниями о своем учителе, рассказав о малоизвестных фактах его биографии.

В семинаре приняла участие дочь Владимира Степановича доктор филологических наук, профессор кафедры западноевропейских языков и методики их преподавания МПГУ Ирина Владимировна Вашунина. В ее докладе «Разномодальные репрезентации образов как способ исследования сознания» была рассмотрена проблема разномодального представления образов сознания, номинированных языковыми единицами. Эта работа является продолжением диссертационного исследования (2009), одним из результатов которого было выявление возможностей визуализации вербальных единиц. В результате исследования определена вероятность визуализации конкретных качеств путем использования определенных параметров изображения. Конечной целью изучения различных овнешнений образа сознания можно считать получение возможно более точных (подтвержденных разными способами) данных о содержании этого образа в сознании массового реципиента. Проведение подобных исследований ставит вопрос о выработке специальной методики. В ее основе лежит соотнесение вербальной и невербальной репрезентации образа. И.В. Вашунина привлекает в своем исследовании иконическое (визуальное) овнешнение образа. Основным подходом к изучению разномодальных овнешнений образов сознания является триангуляция (внешняя и внутренняя). Внешняя триангуляция вообще лежит в основе исследования, является его базой. Сравнение вербального и визуального овнешнений образов возможно только путем сопоставления данных разных отраслей науки. Результаты лингвистических исследований, посвященных изучению вербального представления отдельных образов (концептов, понятий) должны быть соотнесены с результатами исследования изображений как визуального представления образов, должны быть выявлены зоны перекрещивания, то есть то содержание, которое представлено и вербально, и визуально. Оно составляет как бы ядро образа, его постоянную часть. Если налицо существование возможностей представления содержания средствами обеих модальностей, однако, такое представление в одной из модальностей отсутствует, то автор выносит это содержание на периферию образа, считая его необязательным (факультативным). При объяснении этой ситуации И.В. Вашунина предположила, что мы можем иметь дело с «наносным» влиянием модальности представления.

В ходе семинара был представлен «Немецко-русский и русско-немецкий словарь имен прилагательных-цветообозначений», вышедший в

издательстве НГЛУ в 2013 г. Первая часть словаря была издана В.С. Вашуниным в 2009 г. Над второй частью активно работала доцент Ю.Н. Зинцова, которая и рассказала участникам о структуре словаря и некоторых приемах перевода цветообозначений. Объем словаря – более 2000 словарных статей, словарь поделен на два раздела: первая часть содержит 967 имен прилагательных-цветообозначений немецкого языка и их русских соответствий, вторая – 1389 цветоименований русского языка и их немецких вариантов, расположенных в алфавитном порядке. Словарная статья состоит из опорного слова (немецкого или русского) и дефиниционной (описательной) части, завершающейся русскими и немецкими соответствиями – переводом слов. Таких соответствий, как правило, несколько: они предназначены для выбора подходящего варианта перевода. В конце каждой из двух частей словаря расположены краткие очерки основных приемов перевода немецких имен прилагательных-цветообозначений на русский язык и русских на немецкий, содержащих характеристику моделей, по которым образованы прилагательные-цветообозначения в обоих языках, а также указания на стабильные (универсальные) или возможные в обоих языках модели перевода, рассматриваются случаи детерминации, полисемии и дистрибуции прилагательных-цветообозначений.

В докладе доцента кафедры зарубежной лингвистики ННГУ им. Н.И. Лобачевского О.А. Орловой «Некоторые особенности межсубъектной адресованности в научно-критическом тексте (на материале немецкого языка)» были выделены два аспекта тематизированной интертекстуальности – содержательно-смысловая незамкнутость текста по отношению к другим текстовым системам и его открытость читателю. Описание интертекстуальности как межсубъектной адресованности в научной коммуникации, по мнению О.А. Орловой, связывается с рассмотрением речевых сигналов, которые актуализируют в текстовой ткани «образ автора» и его замысел организации текста, его интенцию, а также способны привлечь к нему читательское внимание и направить восприятие в заданное автором направление. Научная рецензия представлена автором как вторичный научный текст, возникновение и структурно-семантическая организация которого обусловлены существованием базисного текста. Чужой смысл опосредуется интерпретирующим сознанием другого автора и воспроизводится в новой контекстуализации. В связи с этим интертекстуальность оказывает абсолютное текстообразующее влияние на содержание научно-критического текста и на его структурно-композиционное построение. Интерсубъектное взаимодействие рецензента и автора первичного текста представляет собой один из важнейших аспектов изучения

интертекстуального характера производного текста и является одновременно доказательством межтекстового взаимодействия в едином текстовом целом.

Выступление доцента Н.Н. Прокопьевой было посвящено роли устойчивых языковых символов в формировании словообразовательного значения производных и сложных слов. Многие специалисты в области словообразования отмечают, что словообразовательное значение формируется под влиянием смысловой структуры всех исходных компонентов, участвующих в образовании слова, поэтому для описания словообразовательного значения дериватов необходимо учитывать семантику не только аффикса, но и мотивирующей основы. Это тем более справедливо, когда речь идет об образовании новых слов безаффиксным способом, а также путем словосложения. Н.Н. Прокопьевой были рассмотрены возможности устойчивых языковых символов немецкого языка в плане их участия в формировании словообразовательного значения так называемых отсимволических дериватов и композитов, в частности, выявлены основные модели взаимодействия символического значения исходных основ со значениями словообразовательных формантов либо словообразовательных моделей немецкого языка.

Основная тема семинара была продолжена в сообщении старшего преподавателя кафедры немецкого языка Тобольской государственной социально-педагогической академии им. Д.И. Менделеева Э.А. Хабибулиной «Особенности номинации оттенков красного цвета в немецкоязычных рекламных каталогах». Микросистема цветообозначения «rot» является одной из самых обширных и насчитывает более 40 оттеночных наименований красного цвета. Со структурной точки зрения в ней в равной степени представлены простые и сложные цветковые прилагательные. Большинство цветообозначений данной микросистемы являются объектными и мотивированными на синхронном уровне, т.е. в основе номинации лежит сравнение с объектами окружающего, имеющими красный цвет. Все они обладают положительной коннотацией, что важно для реализации прагматической функции рекламного сообщения. Внутри микросистемы Э.А. Хабибулиной были выделены и проанализированы несколько групп цветообозначений, связанных между собой синонимическими отношениями.

Завершающим аккордом прозвучал доклад доцента В.В. Савиной «Цветообозначения в лирике Георга Тракля», в котором было отмечено, что слова со значением цвета образуют в немецком языке, как и других языках мира, лексико-семантическую группу, в которой набор элементов, их семантика и соотношение исторически изменчивы. Результатом семантического развития цветковых слов явилось сосуществование в языке

их прямых, переносных и символических значений на разных этапах развития языка, в том числе в языке современном, что активно использовалось и используется в различных видах и жанрах словесного художественного творчества. Индивидуально-авторские коннотации цветообозначений у разных писателей почти всегда основаны на объективных свойствах элементов лексической системы – на реализованных в языке или потенциальных свойствах слов со значением цвета. Вместе с тем каждый писатель, поэт, используя общезыковые значения и отношения слов, создавая собственную картину мира, переосмысляет их и тем самым способствует развитию внутрисистемных отношений между членами данной лексико-семантической группы, а также включению этих элементов во взаимодействие с другими лексико-семантическими группами. По мнению В.В. Савиной, в цветообозначениях австрийского поэта Георга Тракля не следует искать лишь колористическую сенсорную изобразительность. Траклевский цвет способен увидеть интеллектуальное воображение. Зрительного воображения недостаточно. Его цветообозначения выводят за пределы материального мира. Так, синее становится не столько названием цвета, сколько света как понятия трансцендентального – черта, роднящая цветовую символику Тракля с цветовой картиной мира Марины Цветаевой.

Е.В. Плисов

ВЕСТНИК
Нижегородского государственного лингвистического
университета им. Н.А. Добролюбова

Выпуск 21

Редакторы: А.О. Кузнецова
А.С. Паршаков
С.Н. Переволочанская

Лицензия ПД № 18-0062 от 20.12.2000 г.

Подписано в печать 28.03.2013

Формат 60x90 1/16

Печ. л. 13,5

Тираж 500 экз.

Цена договорная

Заказ

Типография ФГБОУ ВПО «НГЛУ»
603155, Нижний Новгород, ул. Минина, 31а